

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Выпуск 4

*Государство
и гражданское общество*

Москва
ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ
2014

УДК 1:32:34
ББК 87:66:67
Ф 56

*Печатается по решению Ученого совета
Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Доктор философских наук *Маслин М.А.*
Доктор политических наук *Дробот Г.А.*

Под общ. ред. профессора *Е.Н. Моцелкова*
Научный редактор *К.И. Кийченко*

Ф 56 **Философия политики и права:** Ежегодник научных работ. Вып. 4. Государство и гражданское общество. / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, научный редактор К.И. Кийченко; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 248 с.

ISBN 978-5-906233-47-9

Четвертый выпуск сборника научных работ «Философия политики и права» посвящен политико-философскому осмыслению проблем взаимодействия государства и гражданского общества. В статьях затрагиваются как общетеоретические вопросы, так и конкретные проблемы становления гражданского общества в России. В сборнике представлены статьи сотрудников философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и других учебных и научных центров России.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, а также для всех интересующихся проблемами философии политики и права.

Сдано в набор 4.12.2013. Подписано в печать 5.12.2013
Формат 60×90 1/16 Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Palladium. Усл. печ. л. 15,5. Учетно-изд. л. 12.
Тираж 500 экз. Заказ № 259.

ISBN 978-5-906233-47-9

© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Раздел I.

Государство и гражданское общество: теория и история

<i>Моцелков Е.Н.</i> Дихотомия «государство — гражданское общество» в процессе исторической эволюции общественных систем	7
<i>Бойцова О.Ю.</i> Аксиологический релятивизм в теориях гражданского общества	30
<i>Расторгуев В.Н.</i> Компетентное гражданское общество: становление и эволюция, судьба науки и академической демократии	49
<i>Сытин А.Г.</i> Гражданское общество и государство в концепции демократии Джона Кина	69
<i>Шамиурин В.И.</i> Социальная политика государства и гражданское общество	84
<i>Кржевов В.С.</i> О прогрессе, гражданском обществе и либерализме	103

Раздел II.

Государство и гражданское общество в России

<i>Кочетков А.П.</i> Государство и гражданское общество в России: стратегия взаимодействия	125
---	-----

<i>Шевченко В.Н.</i>	
Философский смысл современных дискуссий в России о российском государстве и перспективы развития гражданского общества	143

<i>Нижников С.А.</i>	
Проблемы современной демократии и гражданское общество	162

Слово философа

<i>Гиренок Ф.И.</i>	
О чувстве несправедливости в политике	176

Трибуна молодого ученого

<i>Филипенко Е.В.</i>	
Школа А.С. Панарина и дискуссии о цивилизационном пути России (итоги X Панаринских чтений)	190

Приложения

<i>Ранжон Ф.</i>	
Гражданское общество: история понятия (науч. пер. А.В. Соловьева)	197

<i>Сытин А.Г.</i>	
Программа учебного курса «Народ и власть в зеркале политической философии»	223

<i>Моцелков Е.Н.</i>	
Программа учебного курса «Конституционализм в России: исторические, философские и политико-правовые аспекты»	243

<i>Сведения об авторах</i>	249
----------------------------------	-----

Предисловие

Четвертый выпуск ежегодника научных работ «Философия политики и права» посвящен философско-политическому анализу взаимодействия государства и гражданского общества. Оба этих понятия «государство» и «гражданское общество» прочно вошли в современный политический лексикон, являются одними из часто употребительных слов среди политиков и государственных деятелей. Обусловлено это преобразовательными процессами в современной России, в ходе которых такие вопросы как роль и задачи государства, государственной власти, зрелость и сила институтов гражданского общества, взаимовлияние и взаимодействие данных сфер общественной жизни приобретают чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития страны.

Но широкое употребление этих научных понятий в языке обыденной речи неизбежно привело к размыванию и искажению их содержания, к подменам их смысла (или смыслов), который утвердился в историческом научном контексте.

Не в этом ли заключаются бесплодность и низкая эффективность современных политических проектов в России, когда, например, стремление к «гармонизации» или «органичному взаимодействию» государства и гражданского общества натывается на непонимание того, «что» с «чем» должно «гармонизировать» и «взаимодействовать».

Материалы сборника распределены по ряду разделов.

В *первом разделе* «Государство и гражданское общество в России» в статье профессоров Мошелкова Е.Н., Бойцовой О.Ю., Расторгуева В.Н., Шамшурина В.И., доцентов Сытина А.Г. и Кржевова В.С. раскрываются теоретико-методологические основы анализа государства и гражданского общества в философско-политической мысли, а также анализируется развитие дихотомии «государство — гражданское общество» в реальных исторических контекстах.

Во *втором разделе* в статьях профессоров Кочеткова А.П., Шевченко В.Н. и Нижникова С.А. анализируются проблемы государства и гражданского общества в современной России, в рамках общественных преобразований и катаклизмов двух последних десятилетий.

Представлены также философские размышления профессора Гиренка Ф.И. о природе государства и гражданского общества в России, как в историческом, так и в современном контекстах.

В сборник включены обзор X Панаринских чтений, которые проходили в декабре 2012 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также ряд приложений, включающие в себя научный перевод актуального текста и учебно-методические материалы.

Е.Н. Мощелков

Раздел I.
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

МОЩЕЛКОВ Е.Н.

Дихотомия
«государство — гражданское общество»
в процессе исторической эволюции
общественных систем*

Понятийная пара или дихотомия¹ «государство — гражданское общество» как в России, так и за рубежом прочно вошла в повседневный лексикон политиков, бизнесменов, государственных служащих и обычных граждан². Но используя эти понятия, по сути, в разговорной речи многие не отдают себе отчета в том, что они уже давно имеют определенное

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант «История политических учений в системе гуманитарных наук» № 11-03-00097а.

¹ Следует сразу пояснить содержание понятия «дихотомия». Встречается мнение, что это понятие содержит в себе «взаимоисключение» частей (См., например: *Мартыненко В.В.* Государство и гражданское общество — дихотомия или единство? // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 19). На самом деле — «дихотомия [гр. *dichotomia*: *dicha* — на две части + *tome* — сечение] — это последовательное деление целого на две части, затем каждой части снова на две и т.д...» — Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 209. Именно в этом значении — *деление целого на две части* — термин «дихотомия» и употребляется в данной статье.

² Зачастую искомые термины приобретают непомерно расширительный, размытый характер, причем, не только в устах обычных граждан, но у политиков и исследователей. Например, нынешний посол США в России и известный аналитик Майкл Макфол под «гражданским обществом» понимает независимые добровольные союзы людей и вообще любую солидарную активность граждан. — См.: *Макфол М.* Гражданское общество Америки // Независимая газета. 29 апреля 2013 г. С. 5.

научное содержание и являются базовыми для ряда социальных наук. В рамках исторического развития этих наук понятия «государство» и «гражданское общество» прошли сложную эволюцию своего содержания и концептуальных интерпретаций. В этих интерпретациях следует выделять, во-первых, отдельные определения этих понятий, а во-вторых, определения их взаимосвязей, дихотомии.

*Понятия «государство» и «гражданское общество»
в философско-политической мысли*

Государство — общественный феномен, который в историческом и современном контексте гуманитарной науки не имеет единого и общепринятого определения. Можно говорить только об общих и необходимых признаках или характеристиках, которые входят в различные определения государства. В числе этих общих характеристик следует назвать три: 1) население (народ), 2) территория (географическое пространство) и 3) власть. В своей совокупности эти характеристики аккумулируются в определении государства как определенной или особой формы организации общества, наиболее совершенной и наиболее всеобъемлющей формы человеческого общежития, образующей некую скрепу, упорядоченность общественных систем, что обуславливает их относительно целостное и самостоятельное существование и развитие в достаточно длительной исторической перспективе.

Само слово «государство» имеет славянские (древнерусские) корни. Оно этимологически связано с древнерусским «господарь», которое, в свою очередь, происходит от слова «господь». Существует также точка зрения, что корневым в слове «государство» является слово «суд», которым в древности обозначался не только сам суд, но и вообще функция власти, управления и тем самым, под «судить» понималось властвовать, управлять практически всеми общественными делами.

В западноевропейских языках слова — état (франц.), state (англ.), Staat (нем.), estado (испан.), stato (итал.), estado (португ.) берут свое происхождение от латинского слова status, которое обозначает упорядоченность, установленность и урегулированность какого-либо состояния. Не трудно заметить, что между русской и западноевропейской этимологией

слова «государство» существует существенная разница. В первом случае акцент делается на принудительной функции, во втором — на организационном аспекте. Остается только добавить, что и в России и в Западной Европе термин «государство» широкое распространение получает примерно в одно время — в XV веке.

Карл Шмитт считал, что появление понятия «государство» отразило в теоретической мысли реальные исторические сдвиги в европейском обществе, когда, начиная с XVI века, на смену эпохи перманентной конфессиональной гражданской войны приходит эпоха постепенного установления относительно стабильных государственных порядков.

В истории общественной мысли определение сущности государства обуславливалось воззрениями (теориями) на происхождение государства, в основе которых лежали следующие постулаты:

1. Государство является продуктом завоевания, продуктом столкновения масс населения (*теория завоевания*);
2. Государство имеет Божественное происхождение и является продуктом Божественного промысла (*теократическая теория*);
3. Государство является результатом общественного договора (*договорная теория*);
4. Государство есть коллективная юридическая личность, которая может быть субъектом права и может навязывать свою волю при помощи определенных органов всем индивидам, входящим в состав государства (*юридическая теория*);
5. Государство есть политическая надстройка над экономическим базисом (*теория экономического материализма*);
6. Государство есть не сознательный продукт деятельности человека, а есть естественный продукт развития сил природы (*органическая теория*);
7. Государство является определенным высшим этапом развития человеческого общества (*эволюционная теория*);
8. Государство (государственная власть) есть явление психологического порядка, относящееся к сфере не индивидуальных, а коллективных психологических проявлений (*психологическая теория*).

Теории государства (или научное изучение феномена государства) традиционно являются составной частью (и «объект-предметным» полем) таких наук как социология, юриспруденция, политология, философия. Можно сказать, что государство является таким социальным феноменом, на познании которого сходятся, интегрируются различные ветви гуманитарного знания. В России во второй половине XIX века теория государства являлась обязательной частью таких университетских курсов как государственное право, общее учение о праве, общая теория права и др., которые в совокупности назывались административно-государственными или просто государственными науками (под ними тогда подразумевалась политическая наука), или государствоведением.

Вместе с тем, трактовка государства наиболее продуктивна в контексте философско-политического анализа, в котором были разработаны различные парадигмы (интерпретации) категориальной пары «государство–гражданское общество». В философии политики государство вообще невозможно рассматривать без его взаимосвязи с гражданским обществом.

Термин «*гражданское общество*» введен в научный оборот Аристотелем, который понимал под гражданским обществом совокупность свободных и равных граждан в рамках государства-полиса. Современное понятие гражданского общества (англ. *civil society*) происходит от родственной группы латинских слов *civilis*, *civilis*, *civitas* (гражданин, гражданский, город, государство). В широкое употребление термин «гражданское общество» входит в середине XVII в., сначала в трудах Г.В. Лейбница, затем Дж. Локка, который в 1690 г. одну из глав своего Второго трактата о правлении назвал «О политическом и гражданском обществе».

Во второй половине XVIII — начале XIX в. в трудах европейских и американских философов и просветителей мы находим различные концепции гражданского общества. Гегель и Маркс, с разных философских позиций определили гражданское общество как сферу частных, экономических, материальных интересов и целей отдельных граждан общества.

В это же время в философско-политической мысли происходит также осознание того, что гражданское общество возможно только как феномен, взаимодействующий с госу-

дарством, что государство и гражданское общество — это две взаимодействующие и взаимосвязанные стороны единого целого.

Правда, это была сугубо западная интерпретация проблемы. В восточной философско-политической мысли, имеющей еще более глубокие, чем в западной, исторические корни понятие «гражданское общество» практически не употреблялось. Аналогичным образом следует охарактеризовать отношение к понятию «гражданское общество» и в российской философско-политической мысли XIX века³.

*Модели дихотомии
«государство-гражданское общество»
в истории философско-политической мысли
и общественных систем*

В философско-политической мысли можно выделить ряд моделей дихотомии «государство–гражданское общество»⁴, которые сформировались в разные исторические эпохи, как отражение реальных процессов, происходящих в контексте различных социальных систем.

Прежде всего, следует говорить о *классической (западной) модели* дихотомии «государство–гражданское общество», которая разрабатывается в трудах немецких философов первой половины XIX века.

Базовый тезис этой модели заключается в том, что «государство–гражданское общество» — это дихотомия двух равновеликих общественных субстанций, но с определяющей ролью одной из них: 1) государство определяет гражданское

³ Для российской общественной мысли понятие «гражданское общество» оставалось не востребованным и в XX веке. Достаточно сказать, что ни в дореволюционной Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, ни в Большой советской энциклопедии и Философской энциклопедии статья «гражданское общество» не присутствует.

⁴ Обзор различных употреблений и трактовок понятий «гражданское общество» и «государство» в политико-философской мысли Античности и Нового времени — См.: *Мартыненко В.В.* Государство и гражданское общество — дихотомия или единство? // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 17–27.

общество (Гегель; «Философия права», 1821)⁵; 2) гражданское общество определяет государство (Маркс и Энгельс; «Немецкая идеология», 1846)⁶. Здесь главное — эти части, а не целое; динамика самостоятельных частей определяет развитие и состояние целого и создает поле для плюрализма в политике, экономике, идеологии и т.д. (теоретическая рефлексия неоднородного, многослойного социума).

⁵ Так в оригинале: «...гражданское общество, [есть] объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов; и это внешнее государство возвращается и концентрируется в цели и действительности субстанционального всеобщего...». — Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 208.

Таким образом, по Гегелю, гражданское общество — это *формальная* всеобщность людей, в которой превалирует единичность и индивидуальный интерес, тогда как государство — это *субстанциональная* всеобщность. Далее Гегель пишет о том, что «развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства», что «в гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто». Эта «эгоистическая цель» гражданского общества должна, по убеждению Гегеля, быть обусловлена «всеобщей зависимостью», в рамках которой «средства к существованию и благо единичного ... переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены». — Там же. С. 228. Под этой «всеобщей зависимостью» Гегель понимает государство.

⁶ Так в оригинале: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне и в виде национальности и строиться внутри в виде государства... Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства ...» — Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М., 1966. С. 71.

Государство и гражданское общество — это взаимно обусловленные субстанции целостного социума, возникшего на определенной исторической ступени развития человеческого общества. По классическим определениям Гегеля, государство («сфера всеобщего интереса») и гражданское общество («сфера частного интереса») не могут существовать одно без другого. Гражданское общество необходимо для воспроизводства человеческой жизни, а государство — для обеспечения устойчивого и безопасного существования гражданского общества. Но интерпретация статуса и соотношения этих субстанций может быть различной.

Данная парадигма сформировалась в первой половине XIX века и отражала реальные процессы становления западноевропейского общества (становление правового государства и рыночной экономики). В этой парадигме задача государства состоит в создании правовых условий для нормального и безопасного функционирования институтов гражданского общества. Исторически доказано, что такая система оптимально работать может только в определенных условиях, которые называются буржуазным (или — демократическим) обществом. В таком обществе существует система выборных представительных органов (на основе многопартийности и всеобщего избирательного права) и система разделенных (независимых друг от друга) ветвей власти. Такая система в Западной Европе складывалась, начиная с XVI века, на протяжении двух веков и была объективно обусловлена новыми постфеодальными экономическими процессами — формированием городского мануфактурного, а позже — промышленного производства, а также соответствующей ему инфраструктуры.

Немецкие философы первой половины XIX века (прежде всего, Гегель и Маркс), которые, собственно, и разработали классическую модель дихотомии «государство — гражданское общество» в оригиналах своих работ понятие «гражданское общество» обозначали через термин «bürgerliche Gesellschaft», которое в немецком языке означает и «буржуазное общество». О том, что гражданское общество (в его классическом виде) возникает на буржуазной стадии развития общества указывал и Гегель⁷.

⁷ «Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире...» — Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 228.

Поэтому говорить о существовании гражданского общества (а значит — и о дихотомии «государство — гражданское общество») по отношению к добуржуазному (или не буржуазному) развитию общества мы можем только условно. Мы можем выделять лишь некоторые специфические модели (или даже — аспекты) взаимодействия государства и элементов системы частных, индивидуальных интересов и целей, которые, конечно, существовали на всех стадиях развития человеческого общества.

Но дело не только и даже не столько в степени буржуазности такого или иного общества. Эта проблема имеет глубокие цивилизационные основания.

В основе западной модели дихотомии «государство–гражданское общество» лежало правовое начало, определенная и достаточно регламентированная система правового обеспечения и защиты политико–гражданских отношений. Эту характеристику можно считать фундаментальной для западного буржуазного общества. Но один из исследователей истории правовых учений Сурия Пракаш Синха обращает внимание на то, что в истории человечества всегда сосуществовали разные цивилизации, которые развивались на разных основах и принципах социальной организации. «Можно сказать, — пишет Сурия Пракаш Синха, — для западной цивилизации таким принципом является право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях. Это объясняет, почему большинство (хотя и не все) теорий права появились на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской или африканской культур. Это произошло не из-за того, что право означает какое-либо превосходство в области духовных или интеллектуальных достижений, или из-за некоего культурного превосходства Запада..., но потому, что право и его институты играли центральную роль в специфической исторической действительности Запада, в то время как в других обществах эта роль принадлежала другим принципам»⁸.

Не случайно, элементы специфической модели дихотомии «государство–гражданское общество» мы находим в восточной философии. Здесь, в отличие от западной модели, «государство–гражданское общество» есть единое целое,

⁸ Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. М., 1996. С. 11.

которое определяет части; динамика этого целого и определяет развитие частей, их взаимодействие (теоретическая рефлексия монизма в политике и власти).

Данная модель сформировалась в условиях теократического, а не светского, как на Западе, общества. В этом теократическом обществе государство может существовать и без развитого и самостоятельного гражданского общества.

Так, по мнению А.С. Панарина «западное светское государство выступает как безразличный к ценностям и бесстрастный наблюдатель процессов, происходящих в гражданском обществе, и вмешивающийся лишь в случае возникновения прямых эксцессов и беспорядков. Восточное теократическое государство, напротив, является постоянно мобилизованным носителем ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящимся соответствующим образом контролировать все социальные практики»⁹.

Строго говоря, для формирования гражданского общества в западном смысле необходимо юридическое равенство людей, которое и является необходимой предпосылкой для появления системы индивидуальных (частных) или групповых экономических интересов. Но, например, кастовая структура восточного (индийского) общества имеет космическое начало и поэтому западная идея равенства людей противоречит в этом обществе самой природе вещей¹⁰.

М. Томсон, анализируя главные философские школы Китая (конфуцианство, легизм) приходит к выводу: «Ключевой философской проблемой в данном случае является гипотетическая возможность существования государства как института, стоящего над личностью и в то же время являющегося структурой, которую совокупность таких личностей и построила»¹¹.

Отсюда на Западе и на Востоке — различные понимания и трактовки власти и политики. Если в западной модели власть — это разновидность технологий, форма регуляции обществен-

⁹ Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000. С. 228.

¹⁰ См.: Томсон М. Восточная философия. М., 2000. С. 21. См. также: Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс. СПб., 2007. С. 348–352, 437–443.

¹¹ Томсон М. Восточная философия. М., 2000. С. 229.

ных отношений, то восточная модель под политикой подразумевает различные формы реализации стратегических и тактических замыслов бесконтрольной централизованной власти.

Поэтому, когда мы хотим применить к развитию восточных обществ принципы развития западных обществ, когда мы говорим, например, что где-то еще «не сформировалось гражданское общество», что «оно еще слабое, неразвитое», «не может противостоять государству» и т.д., то мы совершаем логическую ошибку, пытаясь совместить несовместимое. Мы хотим через призму западной теории прогресса соотнести разные цивилизационные модели развития, в рамках которых на протяжении многих веков развивались различные, но самодостаточные и устойчивые формы организации социальной жизни. Но такое соотнесение ни с теоретической, ни с практической точки зрения не является корректным.

Оригинальные идеи по интерпретации дихотомии «государство–гражданское общество» мы встречаем в *русской философско-политической мысли* второй половины XIX — начала XX в. В ней соединились западные и восточные подходы к интерпретации искомой проблемы.

Довольно мощным и плодотворным было западное направление. В условиях авторитарной государственной системы в России (особенно в сфере университетского образования) получили распространение западные правовые теории и учения, которые, конечно, трактовались как модели общественной жизни, распространенные в зарубежных странах. Но подспудно прозападнически мыслящими российскими учеными (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, С.А. Котляревский, В.М. Гессен и др.) проводились идеи о возможности (может быть, в отдаленной перспективе) реализации этих моделей и в России.

Наряду с этим направлением во второй половине XIX — начала XX в. в России ряд мыслителей предлагали оригинальные подходы органичного соединения общемировых тенденций в развитии государства и гражданского общества со специфическими традициями и характеристиками российской цивилизации

Так, один из забытых русских политических мыслителей второй половины XIX века — Р.А. Фадеев — высказывался за то, чтобы коренным образом изменить существующие отношения верховной власти и местных общественных образова-

ний (земств). По его мнению, это приведет постепенно к образованию в России другого типа самодержавной монархии, которую можно назвать народной (или земской) самодержавной монархией. «Последовательный ход истории, — писал Р. Фадеев, — ставит перед Россией вопрос не об источнике власти, а о перенесении центра государственного тяготения с обветшалой табели о рангах на самую почву, в земство»¹², что приведет Россию «из государства чиновничьего в государство земское»¹³.

В этой модели Фадеева просматривается весьма оригинальная идея сочетания сильной самодержавной высшей власти и местной территориальной власти, созданной на основе представительской демократии.

Такая идея синтеза авторитаризма и демократии разделялась и славянофилами¹⁴. И.С. Аксаков, например, особое устройство (тип) монархического государства, в котором была органично соединена низовая представительная демократия, обладающая реальными правами, и сильная неограниченная власть центра считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет уступки власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть вполне могущественной...»¹⁵.

Идея органичного сочетания власти и общества получает развитие в конце XIX — начале XX в. в трудах выдающегося русского историка В.О. Ключевского, который оптимальную модель дихотомии «государство–гражданское общество» для России видел в таком государственном и общественном устройстве, где образуется органичная связь власти и народа (народный союз). «Государство как народный союз, — пишет Ключевский, — почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту — таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом»¹⁶.

¹² Фадеев Р.А. Собрание сочинений СПб., 1890. Т. III. ч. 2. С. 141.

¹³ Там же. С. 141–142.

¹⁴ Сам Фадеев к славянофилам себя не относил, о чем он прямо и неоднократно указывал в своих работах.

¹⁵ Теория государства у славянофилов СПб., 1898. С. 14.

¹⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 408.

Россия на протяжении своей истории как раз и стремилась стать таким народным союзом, но реальность была другой. Особенно резко дисгармония государственной власти и народа в русской истории проявилась, по Ключевскому, в конце XVI — начале XVII в. Тогда, в условиях пресечения многовековой рюриковской династии и в чехарде различных правителей, люди увидели, что государство может существовать «даже без государя». Примечательно, что в современном массовом сознании, включая и сознание политической элиты, государство отождествляется с правительством, с высшими органами управления. Ключевский же придерживался другой точки зрения. Государство у него отождествляется с народом, ибо государство — это «народный союз», который не может принадлежать никому, кроме самого народа¹⁷. И русская история (например, периода Смуты) прямо свидетельствует о том, что государство может существовать и без правительства (или с недееспособным, и даже антинациональным правительством). Но государство не может существовать без народа. В начале XVII века не правительство, а именно народ, выдвинув из своей среды мало известных до этого предводителей и собрав ополчение, вывел страну из беды и спас российскую государственность.

Таким образом, разные течения русской философско-политической мысли конца XIX — начала XX в. (консерваторы — Р. Фадеев, славянофилы — И. Аксаков, умеренные критики самодержавия — В. Ключевский) видели будущее России в формировании очень своеобразной (незападной) модели дихотомии «государство — гражданское общество». Модели, в которой происходила органичная взаимосвязь между прозападным, буржуазным вектором развития экономики и финансовой сферы, с одной стороны, и особым

¹⁷ По мнению Г. Федорова, не случайно «в опыте своего построения русской истории» Ключевский приходит к твердому убеждению, что «не государство, не правительство и не властная личность, а народ, в смысле общественных групп и классов, — на переднем плане» — Федоров Г. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. С. 99 (Переиздание публикации 1932 г.). Такая позиция кардинально отличала Ключевского, например, от С.М. Соловьёва, для которого на переднем плане истории выступало *государство*, или от Б.Н. Чичерина, у которого эту роль играла *историческая личность*.

общинным характером отношений власти и народа, власти и собственности, с другой.

Данные идеи и проекты не были лишь умозрительными опытами, а исходили из реально существующих в то время специфических отношений власти и собственности.

Дело в том, что различные фазы развития отношений «власть — собственность»¹⁸, существенно влияющие на изменения внутри любой общественной системы, для России являются основой всех политических и социальных трансформаций. Это ни что иное как базовая национальная «матрица» нашего развития. Колебания общественных связей между двумя крайними состояниями этой «матрицы»: «власть отделена от собственности» и «власть слита с собственностью» в решающей степени на протяжении трех последних веков определяли социальную динамику России и, в конечном итоге, привели к двум системным революциям — петровской в начале XVIII в. и большевистской в начале XX века¹⁹.

Кардинальное изменение состояния базовой национальной матрицы в период системных революций совпадает с периодом наложения временных (глобального и локального) ритмов. Данное совпадение является уникальным явлением для развития России и для эволюции мирового социума, которое фиксируется при анализе развития различных общественных систем. Один из исследователей эволюции архаичных африканских обществ — И.Л. Андреев — обнаруживает прямую зависимость генезиса властных представлений и конструкций с временными образами и ориентациями в процессе становления различных этнических групп на африканском континенте²⁰. Данное наблюдение, относящееся

¹⁸ Данный феномен давно является объектом исследования для многих ученых в нашей стране — см., например: *Цирель С.В.* «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // *Общественные науки и современность.* 2006. № 3 и др.

¹⁹ Различные аспекты данного явления — соединение (симбиоз) власти и собственности в рамках общественной системы «советско-социалистического» типа, которая существовала в СССР после 1917 г., анализируются в исследовании: *Мокишин В.К., Ключев С.Ю.* Феномен симбиоза власти и собственности в системе советского типа. Архангельск, 1999.

²⁰ «Поскольку в связи с возрастанием потребности в координации и регулировании объективно усложнявшейся жизни первичного социума,

к совершенно иному социуму (чем Россия), важно с методологической точки зрения. Оно помогает лучше понять механизм образования и развития матрицы социально-политической динамики России в контексте исторических пространственно-временных изменений российского социума, в контексте эволюции уникальных и специфических по своей природе его базовых оснований.

Адекватному пониманию реальной сути взаимодействия власти (государства) и собственности в истории России зачастую мешают теоретические конструкции, которые привнесены в отечественное обществознание из западной политической науки. Так, например, в дискуссии 60-х гг. прошлого века об «азиатском» способе производства²¹ тип соотношения власти и собственности упрощенно трактовался как критерий «демократичности» общественной системы: если власть и собственность в государстве разведены, находятся под контролем разных центров силы (хотя такую ситуацию в «чистом виде» невозможно себе представить применительно и к

как самоорганизующейся, саморегулирующей и саморазвивающей в во времени системы, прослеживается *генезис власти*, а потестарный потенциал, первоначально опиравшийся на культ предков и мифологических героев, реализуется по каналам женских и мужских подсистем, можно констатировать корреляцию генезиса властных представлений и первичных потестарных структур с развитием временной ориентации и эволюцией левого полушария головного мозга — *Андреев И.А.* Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 74.

²¹ См., например: *Тер-Акопян Н.Б.* Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину // Народы Азии и Африки. 1965. № 2; *Пигулевская Н.В.* К вопросу об азиатском способе производства // Вестник древней истории. 1965. № 3; *Гарушияци Ю.М.* Об азиатском способе производства // Вопросы истории. 1966. № 2; *Васильев Л.С., Стучевская И.А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5; *Качановский Ю.В.* О понятиях «рабство» и «феодализм» // Вопросы истории. 1967. № 6; *Васильев Л.С.* Что такое азиатский способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3 и др. Справедливости ради, необходимо отметить, что участники дискуссии выводы и суждения об «азиатском» способе производства крайне осторожно экстраполируют на историю России.

современному миру), то это признак демократической системы. Если же власть и собственность слиты, соединены, то это свидетельствует о наличии тоталитарных порядков, или «восточных деспотий», основанных на так называемом азиатском способе производства²².

Приложение данной формулы в указанной трактовке к анализу социальной динамики России может не прояснить, а наоборот — запутать суть дела.

Когда мы говорим о том, что в период петровских реформ власть соединяется с собственностью, это не означает, что с этого времени в России перестает существовать система частной собственности, что в стране устанавливается тоталитарный режим. В начале XVIII в. власть соединяется с собственностью не в том смысле, что ликвидируется сфера частного интереса и вся частная собственность становится целиком государственной, а в том, что система частной собственности лишается существенных рычагов непосредственного влияния, давления на власть. Власть в государстве становится монополией определенного клана, опирающегося на узкую социальную прослойку. Частные же собственники превращаются при этом в обычных, хотя и в наиболее привилегированных, агентов государственной системы, лишаются даже теоретической возможности сравняться с властью и тем более встать над ней.

Важно также отметить, что изменение соотношения власти и собственности в России не было связано с переходом от традиционного, феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности продолжало суще-

²² Один из исследователей данной проблемы Л.С. Васильев пишет: «Суть феномена власть-собственность сводится к тому, что в условиях формирования надобщинных политических образований, протогосударств, владение и распоряжение ресурсами нерасчлененного коллектива становится функцией ставших над общинами субъектов власти, вождей и их окружения». (Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 70). См. также: Он же. Феномен власть-собственность. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. Полемику с данной позицией см.: Кржегов В.С. Власть и собственность в докапиталистических обществах (к методологии анализа) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 20–31.

ствовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало этому процессу. Важной самобытной особенностью развития России даже в XX веке было то, что формировалась специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в которой отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

Таким образом, государственная власть не прямо и непосредственно (как в восточных деспотиях) владела собственностью, а имела мощные рычаги влияния на функционирование этой собственности, располагала возможностями ограничения прав собственников в экстремальных ситуациях, когда требовалось быстро мобилизовать национальные ресурсы.

Целый ряд общественных феноменов — не только отношение власти и собственности, но и, например, абсолютистская форма монархической государственности, преобладание артельно-общинного способа хозяйствования и т.д., которые, действительно, встречаются в истории многих стран в докапиталистическую эпоху, в России просуществовали до начала XX века, а в измененных формах и позже, т.е. не только в докапиталистическую, но и в саму капиталистическую эпоху. Обычно это объясняется просто — отсталостью России. На мой взгляд, такое объяснение упрощает суть вещей.

Упрощает хотя бы потому, что элементарный исторический анализ показывает: то, что на Западе было относительно кратковременным этапом истории, в России являлось фундированной основой ее длительного развития вплоть до современной эпохи. А значит, это не преходящие феномены, а самобытные, матричные основания национального развития.

Многие отечественные мыслители прошлых веков прямо говорили о том, что в России исторически сложился особый статус права собственности. К примеру, по мнению И.В. Киреевского, этот статус является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где «с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением — уменьшается», и в помещичьем землевладении, при котором «отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...». Все это, по общему заключению Киреевского, означает, что в России «общество

слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность»²³.

Данная трактовка исторически сложившегося статуса собственности в России характерна не только для славянофильской концепции русского исторического процесса. Н. Бердяев (мыслитель, далекий от славянофильства) писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам»²⁴.

Другой крупный деятель послеоктябрьской российской интеллектуальной эмиграции — С. Франк, явно исходя из исторического опыта России, разрабатывал специфическую теорию системы собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь»²⁵. В этой системе, по представлениям С. Франка, «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни»²⁶.

²³ Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 37–38. Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д.И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству» — Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 74–75.

²⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.

²⁵ Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 326.

²⁶ Там же. С. 327.

Понимание специфического характера исторически сложившихся форм и систем собственности в России показывает ограниченность западных либеральных и неолиберальных трактовок феномена «власть–собственность» (а значит и связки «государство — гражданское общество»), которые формулировались преимущественно на основе линейно-прогрессивной парадигмы исторического процесса, исходившей в эволюции общественных систем из единой матрицы общемирового социального прогресса (роста) и из безусловной доминанты экономического фактора, как основного критерия этого прогресса.

*«Государство — гражданское общество»
в современном мире: беглые заметки
о Европе, Китае и России*

В конце XX — начале XXI в. мировое сообщество переживает кардинальную трансформацию исторически сложившихся и функционирующих до последнего времени общественных структур.

В настоящее время в европейских странах происходит деформация сложившейся на протяжении 500 лет «западной модели» дихотомии «государство — гражданское общество». Западное европейское общество подвергается мощной и дольно результативной экспансии восточного образа жизни, незападного видения и толкования таких базовых общественных феноменов как «государство», «гражданское общество», «закон», «политика», «собственность», «семья», «личность».

Уже не в теории, а на практике подтверждается, что эти феномены могут иметь принципиально различную природу и содержание в контексте различных социальных систем. Только до конца XX — начала XXI в. развитие этих разных систем и ценностей происходило, по сути, изолировано друг от друга. Теперь же, в результате мощнейшего и не поддающегося контролю и регулированию притока в Европу людей из Азии и Африки, эти две социальные системы (западная и незападная, даже антизападная) столкнулись друг с другой на пространствах европейского континента.

Многочисленные представители незападной культуры и образа жизни уже доминируют во многих инфраструктур-

ных сферах, начинают проникать в местные органы управления (особенно в местах компактного проживания), в средства массовой информации. В христианской Европе все более широкое жизненное пространство занимает ислам, культовые учреждения мусульманской религии. Во Франции, например, доля мусульманского населения приближается к одной трети (в 50–70 гг. прошлого века эта доля составляла менее 10%). Поэтому если 50 лет назад в стране была одна мечеть, то в настоящее время их три тысячи²⁷. Очень многие выходцы из стран Африки и Азии, которые сейчас живут во Франции (в том числе и те, которые родились во Франции) не собираются интегрироваться во французское общество и даже не считают себя французами²⁸. Аналогичные демографические, социальные и конфессиональные сдвиги в последние десятилетия произошли в Германии, странах Северной Европы²⁹.

По сути дела Европа в настоящее время представляет собой своеобразный театр военных действий между Севером и Югом, о чем еще в 90 е гг. прошлого века нас предупреждал С. Хантингтон³⁰. И думается, что уже не следует питать иллюзий по отношению того, кто победит в этой войне. В этом губительном для христианской Европы и классической западной системы процессе, к сожалению, точка невозврата уже пройдена. Вопрос только во времени.

Думается, что не в последнюю очередь пагубную роль в развитии данной драматической тенденции сыграло полное и безраздельное господство на протяжении многих лет европоцентристских представлений о развитии мира, о культурных и духовных ценностях, о политической жизни, о взаимоотношениях государства и личности, признание превосходства

²⁷ См.: Интервью с Жаном-Мари Ле Пенем // Культура. 14–20 июня 2013 г., № 21. С. 3.

²⁸ См.: Зотов Г. Франция на коленях // Аргументы и факты. 2013. № 32. С. 10.

²⁹ О необратимой деградации европейского образа жизни говорят сейчас многие люди. — См., например, интервью с писателем Анатолием Гладилиным, который 37 лет живет во Франции (Аргументы и факты, 2013. № 31. С. 3).

³⁰ См. русский перевод его трактата 1996 г.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 281–562 и др.

этих представлений над всеми другими цивилизационными моделями развития.

На этом печальном фоне чрезвычайно интересными представляются процессы, которые происходят в современном Китае.

А именно эти процессы являются наглядным примером того, как традиционные ценности и традиционная культура с тысячелетней историей может быть достаточно органично увязана с современными принципами и векторами экономической и социально-политической модернизации. Развивая рыночные отношения и систему новых для Китая экономических отношений и индивидуальных экономических свобод и интересов, в этой стране сохраняются старые базовые конфуцианские принципы общественной жизни.

Один из ведущих российских исследователей Китая В.Г. Бузов данную характеристику современного китайского общества формулирует следующим образом: «Более важное значение в иерархии ценностей имеет принадлежность к человеческому сообществу, общине, чем обладание собственностью или имуществом. Поэтому экономическая власть находится в руках людей, следующих нравственным нормам, но вместе с тем хорошо понимающих экономическую реальность»³¹.

Другой крупный китаевед А. Кобзев отмечает такую отличительную черту китайского общества, начиная со средневековых времен, как фактическое отличие сословности, проникновение национальных культурных ценностей в одинаковой степени в различные социальные слои. «... Китайцы, — пишет он, — сумели сделать единую культуру общим достоянием нации. Это не значит, что китайский крестьянин был очень просвещенным. Он мог быть диким человеком, но разделял те же ценности, что и культурная элита... При таком единстве верхов и низов государство легко организовывало народ на решение разных, в том числе грандиозных задач, как строительство Великой стены или Великого канала»³².

Эти специфические характеристики общественной жизни не деформировались за многовековую китайскую историю,

³¹ Бузов В.Г. «Поднебесная принадлежит всем». О духовной составляющей социализма с китайской спецификой // Литературная газета. 9–15 сентября 2009 г., № 36.

³² Кобзев А. Любить дракона // Российская газета. 29 июня 2011 г.

а сохранились и до наших дней. С их помощью сейчас и реализуются масштабные проекты по модернизации Китая.

Следует отметить, что в ходе современных реформ изменяется отношение к марксизму-ленинизму и роли компартии в обществе. В целом не отказываясь от этих основ социализма, все больший упор делается на умеренные идеи Дэн Сяопина и теорию «тройного представительства», согласно которой компартия представляет интересы всего народа, передовые производительные силы и культуру³³.

Оставаясь в рамках смешанной модели дихотомии «государство — гражданское общество», современный Китай показывает, как эта модель может и должна изменяться под воздействием новых реалий. Не отказ от традиции, а развитие и изменение на основе традиции. Настоящее и будущее не как девальвация прошлого, а как его обновление, гармоничное развитие.

Теперь о современной России. Вопрос, который у всех на устах: формируется ли в настоящее время в России гражданское общество, как можно оценить степень его зрелости, его силы?

Встречаются люди, которые отвечают на этот вопрос утвердительно. И действительно, существует много свидетельств того, что в последние годы в условиях рыночной экономики формируется система частных экономических интересов, появилась частная инициатива, гражданская активность в хозяйственных и социальных сферах. Люди, владеющие собственностью, все активнее отстаивают свои права. Все это, казалось бы, наглядно подтверждают демонстрации и митинги в Москве в последние два-три года.

Но можем ли мы говорить о том, что так называемая «Болотная история» свидетельствует о появлении в России развитого (или, хотя бы развивающегося) гражданского общества? По мнению К. Ремчукова, с которым, на мой взгляд, следует согласиться, эта «история» отражает совсем другие реалии и сдвиги в российском обществе. «Начала формироваться, — пишет К. Ремчуков, — модель горизонтальных связей, когда связующим материалом становятся желания и их почти немедленное удовлетворение. За деньги. Появились и окрепли

³³ См.: Буров В., Федотова В. Золотые правила реформ // Литературная газета. 1–7 февраля 2006 г., № 4.

горизонтальные люди. Их антиподом по прежнему являются вертикальные люди, выросшие и воспитанные системой вертикальных иерархий карьерного роста и вознаграждения»³⁴. Иными словами, следует говорить не столько об изменениях в базовых гражданских позициях широких слоев, не об изменениях в базовых связях государства, власти и населения, а о появлении людей («горизонтальные люди») с новой постсоветской психологией, с новыми («рыночными») жизненными и даже — житейскими (а не политическими и идеологическими) ценностями и ориентирами³⁵.

Похоже, все-таки формирование в России гражданского общества (в западном смысле) и сегодня остается еще не реализованной целью. И думается, что главной проблемой в этом вопросе является отсутствие ясных ориентиров, полное отсутствие и у власти и у общества понимания того, каким это гражданское общество должно быть.

Западные образцы для нас не подходят и не только потому, что эти образцы изживают себя и на самом Западе, но и потому, что Россия никогда не была только частью Запада, а развивалась на стыке культур и цивилизационных потоков. Поэтому западный путь построения гражданского общества для России — это утопия, на реализацию которой совершенно бесплодно могут быть затрачены огромные ресурсы.

³⁴ Ремчуков К. Горизонтальные люди // Независимая газета. 15 июля 2013 г.

³⁵ Что же касается политических и идеологических позиций россиян, то об этом свидетельствуют социологические опросы. Так, по данным ВЦИОМа только 3% россиян хотят видеть свою страну демократическим государством (См.: Известия. 9 июня 2012 г.). С этими данными созвучны и исследования американского социологического центра Pew Global Attitudes: на вопрос, что эффективнее решит проблемы России — «сильная рука» или демократическое правительство — 55% граждан в возрасте 18-39 лет и 63% в возрасте старше 40 лет склонились в пользу первого варианта (См.: Новая газета. 27 января 2010 г. № 8. С. 9). Удивительно, но тяга к «сильной руке» является устойчивой у российского населения на протяжении многих лет. Так, в 1995 г. (т.е. почти 20 лет назад) на вопрос: «Являетесь ли Вы сторонником введения режима «жесткой руки» в экономических целях?» утвердительно ответили 55% респондентов. — См.: Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // ПОЛИС. 1995. № 2. С. 80.

Но, по-видимому, утрачена и возможность возродить и опереться на специфические национальные ростки и основания гражданского общества, которые реально существовали в российском обществе и к развитию которых призывали русские мыслители второй половины XIX — начала XX века.

Примечательно, что об этих основаниях вспомнил через столетие другой русский мыслитель А. Солженицын, который в одной из последних своих статей-призывов «Что нам по силам» писал: «Да позволим же, наконец, и в России существовать местному самоуправлению, где безстеснительно, каждый раз по жизненным, всем понятным поводам раскрывались бы уста. Я — уже не первый десяток лет, сколько мог, — писал, объяснял, призывал именно: к свободному действию в России местного самоуправления. В нашей истории веками существовал и деревенский мир, и городские веча, и казачьи сходы, а с конца XIX века — плодотворное Земство, разогнанное большевиками в 1918 году (замененные ими на Советы, а те сразу были подмяты компартией и никогда никем реально не управляли).

Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах»³⁶.

Как видно великий писатель призывал нас в поисках путей формирования гражданского общества и моделей его взаимодействия с государством смотреть не за границу, а вглубь собственной истории, в богатейшие пласты национального опыта.

Пока из этого ничего не получается. Достаточно сказать, что даже в действующей российской конституции из 137 статей местному самоуправлению посвящено только 4 статьи главы 8. Для сравнения: раздел «Президент Российской Федерации» состоит из 14 статей.

В свете данных беглых заметок о положении взаимодействия государства и гражданского общества в разных частях современного мира вопрос о том, какие пути наиболее рациональны и плодотворны для России, является риторическим. Ведь перед Россией два примера или даже урока: первый негативно-трагический с запада и второй позитивно-оптимистический с востока. Стоит ли спорить о том, что нужно выбирать?

³⁶ Газета «Аргументы и факты», февраль 2008 г.

БОЙЦОВА О.Ю.

Аксиологический релятивизм в теориях гражданского общества

Дискурс гражданского общества

Тема гражданского общества активно разрабатывается в современной науке. Во многом это объясняется тем, что становление и совершенствование гражданского общества, как правило, соотносится с укреплением демократии и правового порядка. К примеру, Дж. Коэн и Э. Арато, авторы одного их наиболее авторитетных работ в данной области, утверждают, что «именно в этой «зоне» заложен потенциал дальнейшего развития демократии»¹. Такой потенциал возникает благодаря практике самоорганизации граждан, позволяющей им защищать свои интересы и противостоять давлению верховной политической власти. По словам Ю. Хабермаса, в процессе коммуникации «частные люди в своем объединении образуют публику, постепенно начинают осуществлять контроль за властью, критику власти и выдвигают задачи ее существенного преобразования» и в результате их ассоциация «становится политической реальностью, носителем твердой политической власти гражданского общества перед государством»². Это меняет и политическую сферу в целом, и самих граждан, и именно с подобного рода переменами исследователи связывают надежду на реализацию позитивных сценариев социального развития³.

¹ Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 6.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 75.

³ Ср.: «... именно гражданское общество призвано стать общностью духовных людей, свободных в своем благорасположении друг к другу.

Однако при всей востребованности данной проблематики, при наличии согласия в признании ее научной и практической важности, само понятие «гражданское общество» все еще недостаточно концептуализировано. Задачи прояснения объема и содержания понятия «гражданское общество», выявления сущностно важных для него констант и ситуативных параметров, анализа исторической эволюции и национальной специфики, определения места в дискурсе, разграничения с другими понятиями и пр. — настолько значимы, что, по сути, сформировали особое направление в политической теории⁴.

Именно гражданское общество должно стать той социальной средой, в которой возможна (и необходима! и неизбежна!) эволюция прагматичного человека, члена «societe de consummation» (общества потребления) в человека духовного, положительно-нравственного, члена социума общественной гармонии» (Костючков С.К. Гражданское общество: ориентация на общечеловеческие и национальные ценности в контексте гармонизации социальных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 2. С. 58). См. также: Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001.

⁴ Литература по данной проблематике в научной периодике последнего десятилетия обширна. См., к примеру: Байгутлин Р.И. Гражданское общество: к содержанию идеи // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 5; Грандонян К.А. Современное гражданское общество: понятие и признаки // Информационная безопасность регионов. 2010. № 1; Ерофеева П.А. Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология // Власть. 2011. № 11; Касимова С.С., Ушакова К.В. Гражданское общество: история идеи // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3; Марченко М.Н. Гражданское общество: проблемы определения понятия и основные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1-1; Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6; Назарова В.С. История понятия «гражданское общество» в раннесовременную эпоху и его современное понимание // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2008. Т. 87. № 10. Интересный обзор отечественных исследований дан в работе Я.А. Пляйса: Пляйс Я.А. Тема гражданского общества в диссертациях российских докторов и кандидатов политических наук // Россия и современный мир. 2003. № 1.

Представители различных научных дисциплин, принимающие участие в ее разработке, лишь в незначительной степени солидарны в решении основных теоретических вопросов, которые касаются сущности гражданского общества, его структуры, взаимоотношения с государством и личностью, роли в современных условиях и пр. Консенсус в научном сообществе по всем этим вопросам пока не достигнут. К тому же в процессе дискуссий возникают все новые и новые сюжеты, требующие более глубокого исследования и более детального прояснения позиций. Так, к традиционным вопросам о структуре и границах гражданского общества, его взаимоотношении с государством и личностью, о способах влияния на власть и роли правового регулирования добавилась тема трансформации гражданского общества в современных условиях.

К примеру, в литературе последних лет активно используется понятие «глобальное гражданское общество» — в противовес «локальным», или «национальным» гражданским обществам⁵. Тем самым вводится целый спектр направлений, расширяющий данную проблематику: употребление термина «гражданское общество» во множественном числе означает, по сути, отход от качественной его трактовки; признание плюрализма гражданских обществ обуславливает необходимость прояснения оснований различения и разработки классификации; деление по «степени охвата» требует определения субординации и принципов взаимодействия «по вертикали»; и т.д. Не менее важны в данном ключе такие тенденции, как обращение к аксиологической аттестации гражданского общества (речь идет о попытках оценивать его как «плохое»

⁵ Так, издательство Palgrave Macmillan выпускает специальную серию «Global Civil Society Yearbook» (см., напр.: Global Civil Society 2012. Ten Years of Critical Reflection / Ed. by M. Kaldor, H.L. Moore, S. Selchow. L., 2000.). См., к примеру: *Цыро И.В.* Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10; *Гаишенко А.Ю.* Международное гражданское общество: концептуальные подходы // Политическая экспертиза: ПОЛИЭКС. 2011. Т. 7. № 3; *Ерофеева П.А.* Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология // Власть. 2011. № 11.

или «хорошее»⁶) или уточнение пределов и границ — к примеру, противопоставление «политическому» и «буржуазному», демаркация с «внегражданским», «негражданским» и «псевдогражданским»⁷ и проч. Все это неизбежно влечет за собой актуализацию потребности в уточнении фундаментальных основ данного социального образования и исследовании его нормативных принципов.

Центральное место в дискурсе по-прежнему занимает анализ оппозиции «государство — гражданское общество». Разброс трактовок их соотношения значителен — от позиции этатистского патернализма (государство как источник, цель, гарант и политический руководитель гражданского общества), до признания принципа «игры с нулевой суммой» (чем сильнее государство, тем слабее гражданское общество)⁸.

В то же время, значительна роль концепций, разрушающих данную дихотомию. Они претендуют на преодоление противопоставления государства и гражданского общества

⁶ Так, по словам С. Чэмберса, гражданское общество можно расценивать как «плохое», если оно «способствует ... партикуляризму в гражданской активности, гражданственности, замкнутой в рамках границ группы» (*Chambers S. A Critical Theory of Civil Society Alternative Conceptions of Civil Society / Ed. by S. Chambers and W. Kymlicka. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. P. 101*).

⁷ См., напр.: Мир политической науки. Учебник. В 2 кн. Кн.1. Категории / Отв. ред. А.Ю.Мельвилъ. М., 2004. С. 205; *Бляхер Л.Е. Негражданское общество // В поисках гражданского общества. Великий Новгород, 2008; Шестов Н.И., Бараишков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 2; Сморгунова В.Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Т. 4. № 7; *Alternative Conceptions of Civil Society / Eds. S. Chambers, W. Kymlicka. Princeton, 2002.**

⁸ См.: В поисках гражданского общества. Великий Новгород, 2008; *Красин Ю.А. Гражданское общество и государство: оппоненты-партнеры // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 14; Мартыненко В.В. Государство и гражданское общество — дихотомия или единство // Вопросы философии. 2011. № 10; Федорченко Е.Н. Гражданское общество как угроза государству // Информационные войны. 2011. № 1.*

(такой подход в них признается анахроничным) и выработку решения проблемы, адекватного современным реалиям. Так, одно из теоретических направлений исследования, черпающее вдохновение в политической философии А. Грамши, отделяет гражданское общество не только от государства, но и от «экономического общества». Для характеристики места и роли гражданского общества оно вводит «трехчастную модель», в которой три агента (государство — бизнес/экономическая сфера — гражданское общество) находятся в конкурентно-партнерском взаимодействии. Другой подход вслед за Ю. Хабермасом пересматривает социально-философские основания традиционной оппозиции и вписывает концепт гражданского общества в коммуникативную парадигму «жизненного мира».

Все эти темы, как и осмысление внутренней динамики триады «личность — гражданское общество — государство», безусловно, являются научно значимыми и достойны пристального внимания исследователей. Однако в данной статье они останутся вне специального рассмотрения. Речь пойдет о внутренней диалектике гражданского общества, а точнее, — о тенденции самоотрицания, заложенной в его конституирующих принципах. Представляется важным рассмотреть эту тенденцию саму по себе, «в чистом виде» — независимо от взаимодействия гражданского общества и «внешних» по отношению к нему элементов, будь то личность или государство.

Место данной проблемы в современном дискурсе гражданского общества неочевидно. Она, безусловно, не является абсолютно новой. Основные контуры ее уже были очерчены в истории мысли — в первую очередь, в философии Гегеля, поставившей вопрос о необходимом отрицании-снятии гражданского общества как процессе, детерминированном логикой развития Идеи. Сегодня связанные с этим тезисом вопросы затрагиваются в различных по тематике работах⁹, и в то же

⁹ См.: *Тирзе В.* Основы гражданских обществ Европы и угрожающие им опасности // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 2; *Козн Дж. Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория; *Лебедева И.В.* Толерантность и гражданское общество (на примере современной Германии) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 4; *Попов Е.А.* Гражданское общество и постмодернизм // Право и

время, можно говорить лишь о том, что указанная проблема лишь в определенной степени обозначена. В связи с этим задача данной статьи в большей мере заключается в прояснении проблемы, чем в окончательном ее решении.

*Консенсусные характеристики
гражданского общества*

Высокая степень дискуссионности и отсутствие консенсуса по ряду существенных проблем — характерная черта современного дискурса гражданского общества. Поэтому сложность заключается уже в определении того, что именно следует считать сущностными, конституирующими принципами и базовыми характеристиками гражданского общества.

Возможны три варианта решения этой задачи: 1) защищать позиции одной из участвующих в дискуссии концепций; 2) предложить новую версию, способную учесть ошибки и преодолеть теоретические слабости всех предшествующих трактовок; 3) принять в качестве базовых те положения, по которым научное сообщество достигло консенсуса. Каждый из вариантов представляет собой достойную уважения научную стратегию, но в данной работе приоритет надо отдать именно третьему подходу, который, собственно, и маркирует границы «дискурса гражданского общества». Ведь если бы не было сходства (если и не единства) позиций хотя бы в отношении основных содержательных элементов понятия «гражданское общество», то дискурс был бы невозможен.

При всей полифонии трактовок можно выделить несколько «точек согласия», принципиально значимых для современного дискурса гражданского общества.

Прежде всего, это — представление о гражданском обществе как сложно структурированном социальном образовании, для которого характерны целостность и органическое

политика. 2011. № 2; *Посконина О.В.* Понятие «Гражданское общество» в свете методологического плюрализма постмодерна // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2–3; *Честнов И.А.* Концепт «гражданское общество» в контексте постклассической эпистемологии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1; *Anheier H.K.* Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy. L., 2004; The encyclopedia of political science / Ed. in Ch. G.T. Kurian. Washington, 2011 и др.

единство. При этом значимы обе стороны — и целостность, и дифференцированность. Важно, что просто сосуществование в одном политическом пространстве соперничающих или сотрудничающих групп интересов, не соединенных органическими взаимосвязями, не признается фактом наличия гражданского общества¹⁰ — как не может рассматриваться в качестве гражданского и то общество, в котором отсутствует плюрализм интересов и ценностных ориентаций¹¹.

В качестве базового структурного элемента гражданского общества выступает автономная ассоциация. В этой роли может оказаться группа, движение, корпорация и пр. — перечень составляющих разнится в зависимости от позиции исследователей. Так, Хабермас пишет о коммуникативной

¹⁰ Так, по мнению К.С. Гаджиева, «именно интегральная совокупность, а не арифметическая сумма всех составляющих, их сущностное единство, а не безразличное многообразие делают гражданское общество тем, что оно есть на самом деле» (*Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 2000. С. 67*). См. также: *Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004*; *Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001*; *Назарова В.С. История понятия «гражданское общество» в раннесовременную эпоху и его современное понимание // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2008. Т. 87. № 10*; *Schmidt J. Zivilgesellschaft. Bürgergesellschaftliches Engagement von der Antike bis zur Gegenwart. Hamburg, 2007.*

¹¹ К примеру, И.В. Лебедева пишет, что гражданское общество принципиально плюралистично, оно «предполагает и допускает в пределах закона разнообразие политических, социальных и культурных форм самоопределения... это возможно лишь при наличии самой главной ценности — терпимости (или толерантности). ... Толерантность проявляется в признании права другого на сохранение своей самобытности... а это значит, что тем самым признается право другого на самовыражение, право другого быть другим и оставаться другим сообразно с собственными ценностными предпочтениями» (*Лебедева И.В. Толерантность и гражданское общество (на примере современной Германии) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 4. С. 15*). Можно вспомнить и позицию С. Чэмберса, который называл разнообразие «сторожевой собакой демократии (см.: *Chambers S. A. Critical Theory of Civil Society Alternative Conceptions of Civil Society / Ed. by S. Chambers and W. Kymlicka. Princeton, 2002*).

автономии («communicative autonomy»), но и она сконцентрирована в группах взаимодействия, которые задают ее структурные границы¹². То есть в любом случае речь идет о множестве внутренне сплоченных социальных объединений, которые отделены друг от друга. Именно поэтому гражданское общество рассматривается как представление частных интересов — для каждого его элемента свойственно внутреннее единство интересов и ценностных ориентаций, благодаря чему он отличает себя от других¹³.

Существенной характеристикой гражданского общества является социальная активность составляющих его ассоциаций — при всем различии подходов исследователи непременно включают в его структуру только деятельные организации, группы, движения и пр. Поскольку ассоциация, выступающая в качестве элемента гражданского общества, нацелена на активное социальное действие, связанное с защитой ее ценностей и реализацией ее частных интересов во взаимодействии с другими, постольку корректно говорить о ней и как об определенной социальной практике, а о гражданском обществе — как о совокупности таких практик.

В качестве необходимого условия возможности любой из них выступают институционализация и легализация. Институционализация связана с выработкой, утверждением и организационным закреплением нормативных принципов (как формальных, так и неформальных), регулирующих жизнь ассоциации, а легализация служит правовой легитимацией ее деятельности¹⁴. Так, неинституционализованные движе-

¹² См.: *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Cambridge: MIT Press, 1996.

¹³ «В определенном смысле все акторы гражданского общества ограничены тем, что они считают высшими моральными основаниями собственной позиции в противоположность всем остальным» (*The Encyclopedia of Political Science.* P. 244).

¹⁴ «Современное гражданское общество ... институционализируется и генерализируется посредством законов...» (*Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория.* С. 7); «под гражданским обществом понимаются ... организованные формы в той мере, в какой они институционализированы или находятся в процессе институционализации» (Там же. С. 9). См. также: *Бляхер Л.Е. Негражданское общество // В поисках гражданского общества.* С. 48–50.

ния выступают как элементы «догражданского» или «внегражданского» общества, а институционализированные, но нелегалитизированные (к примеру, организованные преступные группировки) не могут претендовать на вхождение в структуру гражданского общества.

Пределы свободы действий каждого элемента гражданского общества устанавливается правом. Именно право выступает фундаментальным элементом социального консенсуса и в силу этого наделено универсальной силой легитимации. Признание абсолютной значимости права является условием возможности гражданского общества — в ряде концепции понятия «гражданское общество» и «господство права» фактически отождествляются.

Итак, принципиальная особенность гражданского общества — сосуществование множества взаимодействующих социальных практик с различной ценностной ориентацией. Важнейшая его функция — нормативизация плюрализма частных интересов и ценностей, конституирующих отдельные практики. Признание права высшей регулирующей инстанцией носит консенсусный характер и определяет готовность всех элементов гражданского общества подчиняться установленным правовым требованиям. «Гражданское общество, — утверждает, к примеру, М.В. Ильин, — основано на своеобразной рамке, договоре о том, что есть закон превыше всего, которому подчиняются все независимо от положения и способностей»¹⁵.

Все эти характеристики гражданского общества многократно описаны и детально исследованы в научной литературе, поэтому представляется излишним прибегать к дополнительной аргументации. Тем не менее, следует еще раз заострить внимание на двух моментах: во-первых, на конституирующей роли ценностей для каждой ассоциации/социальной практики; во-вторых, на консенсусном характере признания права высшей регулирующей инстанцией, что определяет готовность всех элементов гражданского общества подчиняться установленным правовым требованиям.

¹⁵ Ильин М.В. Освоение свобод и гражданств в космополитическом предназначении // В поисках гражданского общества. М., 2008. С. 32.

Плюрализм и релятивизация ценностей

Легитимация практик, основанных на различных, порой несовместимых, ценностях и подчиняющихся разным внутренним нормам, с необходимостью влечет за собой признание ограниченности действия данных регуляторов рамками определенной практики. В противном случае (если такого ограничения не происходит) неизбежно реализуется один из двух сценариев, которые в равной степени разрушают фундамент гражданского общества, поскольку исключают возможность единства многообразия.

Первый — автаркизация структурных элементов, каждый из которых рассматривает ценностные основания собственной ассоциации как абсолютные и дистанцируется от «ложных ценностей» других. Даже если исключить конфликтное, силовое противостояние (в этом случае ни о каком социальном единстве речи быть не может), данный сценарий связан с ситуацией, предполагающей замкнутость, разобщенность, независимое друг от друга сосуществование, минимизацию, если не полное исключение, взаимодействия с ассоциациями, придерживающимися иных ценностных ориентаций. Очевидно, что это означало бы распад: гражданское общество уже не могло бы выступать в качестве органического единства, в то время как «именно интегральная совокупность, а не арифметическая сумма всех составляющих, их сущность — единство, а не безразличное многообразие делают гражданское общество тем, что оно есть на самом деле»¹⁶.

Второй сценарий — универсализация, при которой абсолютная значимость придается определенным ценностям, а все, им не соответствующее, исключается как «псевдоценность». Основания для выбора признаваемых ценностей могут быть различными — к примеру, традиционность для данной культуры, согласие большинства, идеологическая актуальность, прагматическая значимость, востребованность в контексте международных отношений, соответствие политическому курсу и стратегии политической элиты и пр. В любом случае, при таком сценарии речь идет фактически о ликвидации разнообразия аксиологических ориентаций,

¹⁶ Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 2000. С. 67.

установление моновалюативности, что также означает невозможность гражданского общества.

Для обеспечения возможности реализации базового принципа гражданского общества — сосуществования и взаимодействия различных в ценностно-нормативном измерении практик — обязательным оказывается согласие с тем, что самые различные ценности могут быть значимыми и социально приемлемыми. Это и фиксируется концептами «ценностный плюрализм» и «мультикультурализм». Важно подчеркнуть, что данные концепты легитимизируют принцип аксиологического релятивизма, который оказывается конституирующим для гражданского общества.

Сама по себе идея относительности ценностей не нова. Она имеет достаточно серьезную традицию теоретического обоснования, которая, став особенно востребованной во второй половине девятнадцатого столетия, в двадцатом утвердилась настолько, что превратилась в особый объект критики: можно вспомнить, к примеру, разоблачительный пафос в рассуждениях Л. Штрауса об «историцизме» или горечь утраты в обвинениях А. Макинтайра в адрес «эмотивизма».

Напомним, что с точки зрения Штрауса, историцизм, признавая вариативность политических ценностей в зависимости от эпохи и страны, «отбрасывает вопрос о хорошем обществе по причине сущностно исторического характера общества и человеческой мысли»¹⁷. Тем самым он не только лишает их абсолютного характера и потому извращает их природу — а они по самой своей сути императивны именно в силу абсолютности, поскольку «претендуют на человеческое повиновение, преданность, решение или суждение»¹⁸, — но и разрушает фундамент собственных построений. Ведь и современная наука, если последовательно проводить данную линию аргументации, является лишь относительно значимым способом познания, «в принципе не превосходящим другие, альтернативные способы понимания»¹⁹.

Что же касается Макинтайра, то эмотивизмом он обозначает установки ценностного релятивизма, чреватого субъек-

¹⁷ Штраус Л. Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 24.

тивизмом и аксиологическим скептицизмом. По его словам, «центральной частью утверждения эмотивизма является то, что *нет и не может быть* значимого рационального оправдания любого утверждения о существовании объективных и неличностных моральных стандартов и по этой причине не существует таких стандартов», и потому «конфликт между конкурирующими ценностями не может быть разрешен рационально. Вместо этого надо просто выбирать — между партиями, классами, нациями, мотивами, идеалами»²⁰. В результате стирается «любое подлинное различие между социальными отношениями в которых происходит манипуляция людьми, и неманипулятивными социальными отношениями»²¹.

В конце XX в. проблема относительности норм была предельно заострена постмодернизмом²². На это следует обратить особое внимание, поскольку данная парадигма явно и недвусмысленно соотносима с базовыми ориентирами гражданского общества — в ней также стержневой идеей выступает отказ от абсолютности ценностей, а центральное место занимают плюрализм, культурно-ценностная автономия, децентрализация и минимизация регламентации «сверху» и пр.

Фундаментальным моментом в постмодернистской стратегии нужно признать требование «эпистемологического разрыва» с традиционными формами познания — отказа от противопоставления познающего субъекта и познаваемого объекта и признание их неразрывной взаимосвязи и взаимовлияния, что делает результаты постижения действительности принципиально контекстуальными. Следствием этого является «развенчание» истины как достоверного знания о действительности: количество «образов реальности» неограниченно велико, и ни один из них не может претендовать на статус объективности и общезначимости. Все они носят от-

²⁰ *Макинтайр А.* После добродетели. М., 2000. С. 29, 39.

²¹ Там же. С. 36.

²² См., например: Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001; Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007; Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; а также источники, помещенные на сайте: <http://mochola.narod.ru/culture.htm>.

носительный характер, их истинность ограничена рамками определенного дискурса, не сравнимого по степени ценности или достоверности с другими²³. В этой ситуации адекватным принципом познания может быть только глобальный плюрализм, требующий релятивизации всех авторитетов и ценностей, преодоления всех границ и условностей, выхода за пределы бинарной логики ради смысловой многозначности.

Постмодернизм проводил этот принцип с максимальной последовательностью, прослеживая и фиксируя все теоретические и практические следствия, из него вытекающие. Так, в условиях равновесности дискурсов присвоение определенным утверждениям статуса истин или заблуждений с неизбежностью оказывается актом свободного выбора. Ведь преимущество одного варианта перед другим ни на чем не основано, поскольку нет и не может быть некой универсально значимой инстанции, способной служить эталоном и задавать объективные критерии для их сравнения. Поэтому все версии равноценны, а следовательно, в равной степени легитимны. Стремление же навязать результаты какого-либо одного выбора, объявив их общезначимыми, — ни что иное как принуждение, связанное с применением власти.

Суть властного принуждения — независимо от его формы и силы — заключается в насильственном установлении нормы, то есть в ограничении количества возможных вариантов, разделении их на дозволенные и недозволенные, принятые и не принятые, правильные и неправильные. Подобное ограничение связано с закреплением специфики лишь определенных, конкретных, частных практик, не имеющих никаких преимуществ перед иными способами видения и трактовки реальности. Оно решает задачу фиксации приемлемых для определенной социальной группы образцов вза-

²³ Ср.: «...беспорной является ориентация постмодернистского мышления на логический и методологический релятивизм. Согласно последнему: ... предполагается многочисленность конструкций реальности; ...ни одно истолкование, ни один подход не имеют преимуществ перед другими научными построениями и методами. Следовательно, происходит абсолютизация относительности и условности знания» (*Посконина О.В.* Понятие «Гражданское общество» в свете методологического плюрализма постмодерна // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2–3. С. 146).

имодействия и потому имеет значение только в рамках данной практики и данного дискурса.

Признавая неразрывность связи нормы и власти, подчеркивая, что установление нормы есть реализация воли, постмодернизм придает любому нормативному регулированию политический характер²⁴. Властные отношения как отношения принуждения «разлиты» повсеместно — везде, где присутствует нормативный образец, выполняющий регулятивно-директивную функцию, присутствует и власть. Сфера политики глобализируется: политическим оказывается любое отношение и действие, связанное с регламентацией.

Следствия аксиологического релятивизма

Справедливости ради следует отметить, что в теориях, востребованных в дискурсе гражданского общества, релятивизация ценностей обычно не носит столь радикального характера, как в постмодернистской парадигме. Однако нельзя игнорировать ряд серьезных теоретических следствий, вытекающих из аксиологического релятивизма. Они значимы для анализа как на уровне гражданского общества в целом, так и на уровне ассоциаций (социальных практик), выступающих в качестве его структурных единиц.

Прежде всего, допущение, что «чужие» ценности в принципе могут быть столь же значимыми, сколь и «свои», означает принципиальную релятивизацию базовых ценностно-нормативных оснований, выступающих в качестве конституирующих для структурных элементов гражданского общества. Лишаясь абсолютной значимости, они приобретают конвенциональный характер — принимаются на условиях консенсуса в отношении основных ценностей, признаваемых в рамках определенной социальной практики. Тем самым ценности и нормы, по сути, становятся результатом индивидуального выбора и/или консенсуса и оказываются в зависимости от решения индивидов входить или не входить в данную

²⁴ Следует особо отметить, что синонимичность любой власти и любого принуждения, с одной стороны, и политики, с другой, — аксиоматическое допущение постмодернизма.

ассоциацию, подчиняться или нет ее требованиям и предписаниям. Этот тезис явно присутствует в дискурсе — добровольность вхождения в ассоциации в ряде концепций признается одним из стержневых принципов гражданского общества. «Обобщая исследовательские подходы к пониманию сущностных и системнообразующих характеристик гражданского общества как феномена общественной жизни..., — пишет, к примеру, В.Ю. Сморгунова, — прежде всего необходимо отметить, что чаще всего в работах обращается внимание на добровольность тех ассоциаций, которые входят в состав гражданского общества. По этому вопросу имеется очевидный исследовательский консенсус»²⁵.

Поскольку релятивизация основ ценностно-нормативного регулирования ведет к признанию волюнтаристического характера их установления, постольку легализация тех или иных социальных практик переводится в сферу политического решения. А это, в свою очередь, порождает широкий спектр вопросов. Любые ли практики могут быть легализованы? Кто, как и на каких основаниях принимает подобные решения? Каковы основания принятия или отказа в признании социально допустимыми тех или иных норм и «локальных» ценностей? Является решение окончательным или же может быть пересмотрено? Не является ли отрицательное решение ущемлением прав ассоциаций и, в целом, каковы пределы их автономии?

При ответе на эти и подобные им вопросы в теориях гражданского общества чаще всего возникает тема государства как регулятора гражданского общества, по-гегелевски снимающего противоречия частных интересов в интересе общем. Частные нормы и ценности, конституирующие отдельные практики, признаются относительными, а вопрос об основа-

²⁵ Сморгунова В.Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 7. 2004. С. 248. Однако, справедливости ради, надо отметить, что такой подход нередко подвергается критике, в частности, потому что делает невозможным включение в число структурных элементов гражданского общества ряда социальных ассоциаций, в создании которых принцип добровольности не играет роли — к примеру, такой группы, как семья.

ниях легитимности той или иной социальной практики решается путем признания подчиненного положения частных интересов и ценностей по отношению к внешней ценностно-нормативной системе. Предписания этой внешней регулятивной системы маркируются как императивы высшего порядка, характеризующиеся общезначимостью и общеобязательностью. В качестве таковых чаще всего выступают нормы права, которые призваны защищать принципы свободы и толерантности. В данном случае для обеспечения возможности плюрализма используется принцип ценностной нейтральности «высшего арбитра», в роли которого выступает государство, проводящее политику мультикультурализма. Однако последовательно этатистское решение разрушает исходные послышки об автономии социальных практик и ставит под угрозу принцип ценностного плюрализма.

Иной подход, не апеллирующий к государству, предлагает хабермасовская традиция. Согласно ей, координация различных социальных практик осуществляется благодаря метанормам симметричной реципрокности, возникающим в процессе коммуникации²⁶. Имеются в виду нормы или принципы, по которым может быть достигнут консенсус всех заинтересованных сторон — т.е. признается, что базовые регулятивы покоятся на признании всех тех, кого они могут затронуть. Однако нельзя не заметить, что в этом случае приходится принимать за основу анализа гражданского общества «утопию самоограничения»²⁷ — нормативное ожидание того, что автономные ассоциации признают приоритет общего интереса и добровольно откажутся от собственных ценностей, если они вступают в противоречие с общими нормами²⁸.

²⁶ См.: *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT Press, 1996*

²⁷ Ср.: «Ведь и само гражданское общество возникло как некая новая разновидность утопии — так называемая утопия «самоограничения», включающая в себя целый спектр дополнительных форм демократии и сложную систему гражданских, социальных и политических прав, которые должны быть совместимы с современной дифференциацией общества» (*Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. С. 10*).

²⁸ В качестве несовместимых с метанормами симметричной реципрокности и, соответственно, обреченных на исключение, выступают

Важно, что в любом случае — и при апелляции к государству, и при ориентации на саморегуляцию — речь идет о метанормах, обладающих высшей принудительной силой, в качестве каковых и выступают нормы права. Однако наличие фундаментальных абсолютно значимых оснований, лежащих за пределами любой ассоциации, проблематизирует плюрализм ценностно-нормативных установок и принципов. К перечисленным выше проблемам добавляются новые, которые можно объединить в вопросе: «Возможно ли спасти все формы разнообразия ... либо следует поддерживать только отдельные их виды?»²⁹ То есть, как возможна (и возможна ли) легализация практик с противоречащими друг другу ценностными основаниями?

Кроме того, неизбежно возникает необходимость в прояснении того, какие именно нормы и почему приобретают императивность всеобщих регулятивов. Почему именно праву приписывается подобный статус? Так ли несомненна апелляция именно к праву как единственному легитимирующему принципу при нормализации плюрализма социальных практик, возможных в рамках гражданского общества?

Особенную остроту этим вопросам придает отсутствие консенсуса в понимании природы права, которое традиционно рассматривается как метарегулятор гражданского общества. Напомним, что современные исследователи выделяют несколько серьезно различающихся подходов. В качестве оснований, фундамирующих право, выступают, в частности, властные установления государства (юридический нормативизм), реально сложившиеся общественные отношения (социологизм), самодовлеющие нравственные ценности (естественно-правовая теория), нормативно-ценностные принципы личности (антропоцентризм), социальная конвенция (либертарно-юри-

«жизненные формы, отвергающие равную заботу о других и уважение к другим, заставляющие людей молчать, доминирующие над ними, клеветующие на них и вообще обращающиеся с людьми как с простым средством достижения каких-либо целей». (Козн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. С. 55).

²⁹ Сморгунова В.Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. № 7. С. 252.

дический подход)³⁰. Важно, что при этом подчеркивается, что «все понимания права столь же верны, сколь и оспоримы»³¹, а ведь уже никто не возьмется оспаривать вывод о том, что ««тот или иной философский подход к праву закладывает определенный тип правопонимания, который является ключевым аспектом всей проблематики права»³². Такая ситуация предельно актуализирует проблему легитимации правовой нормы — ведь практически при любых трактовках сложно избежать упрека в субъективности и/или ситуативности норм права, их конвенциональном характере³³.

При таком положении дел задача гражданского общества — нормативизация плюрализма — оказывается невыполнимой.

С одной стороны, поскольку любые нормы признаются ситуативными, ангажированными, определенными политической волей и конъюнктурой, постольку для ассоциаций гражданского общества, борющихся за реализацию собственных ценностей, более серьезным стимулом будет служить стремление изменить ситуацию, при которой их идеалы являются маргинальными, и добиться их легализации, чем отказать от них ради общепринятых норм (примером может служить, в частности, обострение борьбы с гомофобией в странах Европы в последние годы).

С другой стороны, легализация как отнесение в правовой норме, имеющей всеобщий характер и в силу этого требующей обязательности признания, оказывается невозможной потому, что принципиальная необоснованность нормы ставит под вопрос и всеобщую значимость права как верховной инстанции легитимации плюрализма гражданского обще-

³⁰ См: Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований // Черные дыры в Российском законодательстве. 2012. № 1. С. 33.

³¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 21.

³² Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2012. № 1. С. 32.

³³ Условное исключение составляют естественно-правовые теории, однако критика в их адрес в конце XIX — начале XX вв. показала и их уязвимость в этом отношении.

ства. Если никакие нормы не могут претендовать на всеобщую значимость, то никакой порядок взаимодействия разнородных ассоциаций также не будет иметь под собой фундамента.

Для рассматриваемой темы важно то, что в конституирующих принципах гражданского общества, нормативизирующих ценностный плюрализм, заложены тенденции их самоотрицания. Дискуссии показывают, что проблема имманентных деструктивных тенденций в гражданском обществе не просто далека от решения. Современные исследователи, видящие в гражданском обществе наилучшее средство укрепления демократии, пожалуй, еще не в достаточной мере осознают, что заложенные в нем тенденции порождают стремление к отказу либо от плюрализма, либо от императивности норм. А именно это можно наблюдать в реальной политике в наши дни — в частности, в кризисе мультикультурализма или в размахе институционального строительства, характерном для демократических стран. Учет данной проблемы сделает результаты исследования современных политических процессов более релевантными.

РАСТОРГУЕВ В.Н.

Компетентное гражданское общество:
становление и эволюция,
судьба науки и академической демократии*

*Компетентность и компетенция
эпохи глобальной архаизации*

Становление мирового гражданского общества в условиях глобализации и его превращение в одного из ведущих акторов мировой политики вызывает не только повышенный и напряженный интерес со стороны политиков и традиционных «центров власти», теряющих монополию на принятие судьбоносных решений. Это же вызывает и озабоченность как со стороны граждан, включенных в политическую жизнь, но принужденных делегировать новоявленным структурам гражданского общества часть своих прав, так и со стороны экспертного сообщества. Назовем только две причины такой озабоченности, хотя их намного больше. Во-первых, возникают и обостряются противоречия между «наднациональными» и национальными институтами гражданского общества. За этими противоречиями стоят проблемы более глубокие: в первую очередь речь идет о конфронтации между миром цивилизационного многообразия, где самобытность рассматривается как ключевая ценность, и моноцивилизационной моделью развития — внутренне унифицированной и унифицирующей всё и вся на своём пути. Кроме того (вторая при-

* В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на Ломоносовских чтениях 2013 г. (Совместный круглый стол кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ИФ РАН «Государство и гражданское общество: традиции и философские исследования»).

чина озабоченности), уровень компетентности гражданского общества во всех его проявлениях, как, впрочем, и уровень компетентности государственных и межгосударственных структур, далеко не всегда соответствует требованиям времени. Но прежде всего он явно не соответствует степени сложности решаемых проблем, в том числе глобальных, и той ответственности, которая деперсонифицируется, а потому на порядки снижается при расширении, а тем более при многократном умножении (!) реальных участников политического процесса.

Внутренние противоречия порождают две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, мы наблюдаем заметную примитивизацию мировой политики, граничащую с архаизацией и даже «одичанием», но не имеющую ничего общего с упрощением механизмов осуществления власти, а с другой стороны, рост наукоемкости принимаемых политических решений на международном, национальном и субнациональном уровнях. Вторая тенденция отчасти обусловлена и даже подпитывается первой, поскольку в процессе архаизации и усложнения межэтнических и межцивилизационных контактов возникают совершенно новые проблемы. Именно они требуют для своего осмысления и решения создания совершенно новых теорий, обновления методов исследования и категориального аппарата, а по сути — новой социальной инженерии, которая, как известно со времен К. Поппера, является самой наукоёмкой областью политической деятельности.

Об архаизации политики почти во всех её формах и проявлениях говорит множество фактов — от сверхконцентрации реальной наднациональной власти, в первую очередь ресурсной и финансовой, в руках узкого круга семей и родовых кланов до культурного и языкового «одичания» населения ряда западных мегаполисов в результате неконтролируемой многомиллионной миграции. «Одичание» проявляется в разрушении не только единого культурного и языкового поля, но и правового пространства, в частности, в далеко не мирном, но параллельном сосуществовании традиционной правовой системы и законов шариата в ряде западных столиц.

О том же свидетельствует возвращение, по сути, к пещерному сознанию, но уже не с пращей в руках, а с оружием «судного дня»: обращение к культуре грубой военной силы как

основному инструменту политического действия, к формам прямой и «дистанционной» агрессии. Последняя форма в современных военных доктринах всё чаще определяется как допустимое и даже «щадящее» наказание реального или потенциального противника, хотя подобная практика почти повторяет опыт «цивилизаторов» по безопасной для них ликвидации «дикарей» (аборигенов) в процессе расширения жизненного пространства» путем забрасывания зачищаемой местности, к примеру, «чумными трупами». А с точки зрения разрушительного потенциала это оружие даже превосходит «оружие судного дня». Дело в том, что оно позволяет агрессору остаться неопознанным и уйти от ответственности или переложить её на «назначенного» врага — мировой терроризм, к примеру. К сказанному следует добавить, и это особенно важно, что дистанционное оружие делает возможным нанесение безусловно точных и непоправимых ударов по болевым точкам сверхсложных природных и технических систем, «многослойных» инфраструктур, спровоцировав тем самым в принципе не локализуемые региональные или глобальные катастрофы техногенного или иного характера¹.

Проявления дикости в международных отношениях превратились в норму и стали безнаказанными после крушения биполярной системы в результате отказа от гарантий коллективной безопасности, на чём, собственно, и построена «однополярная» модель политического устройства, для определения которого подойдет формула: «без гарантий, но с гарантом». В повседневную практику возвращаются, хотя и на новой технологической, идейно-доктринальной и правовой базе, тотальная слежка и пытки, работорговля в её старых и новых модификациях, пиратство, неоканнибализм (преимущественно в отдельных направлениях фармацевтики и трансплантологии) и многое другое. Ничего не мешает сделать вывод и о более масштабном феномене — об архаизации западной цивилизации в целом, которая, по словам А.С. Панарина, не только «возвращается к идеологемам и

¹ См. об этом: *Расторгуев В.Н.* Теория болевых точек планеты как методология политического планирования (экологическое измерение и границы геополитической инженерии) // Устойчивое развитие. Наука и практика. М., 2002. № 1. *Расторгуев В.Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО. 2011. № 1.

стереотипам прошлого века»², когда Запад был «неоспоримым гегемоном мира», но и к средневековым образцам — «спекулятивно-ростовщическому и военно-экспроприаторскому»³.

О высокой наукоемкости как о господствующей тенденции, которая удивительным образом «накладывается» на общую архаизацию, также свидетельствует множество неоспоримых фактов. И речь идет не только о деструктивных трендах, например, о том, что связано с новыми технологиями управления мировыми ресурсами с целью их передела или инструментарием обеспечения коллективной, но выборочной безопасности. Позитивным примером может служить и резкое возрастание роли *политической логистики*, под которой мы понимаем, прежде всего, оптимизацию и синхронизацию управления сверхсложными системами, в том числе всё теми же «многослойными» и многофункциональными инфраструктурами в рамках отраслевых политик — атомной и оборонной, экономической и энергетической, экологической и социальной и далее по списку.

Эта тема крайне слабо освещена в политической науке, хотя именно здесь обнаруживается возможность сближения политической теории и практики, поскольку каждая из отраслевых политик остро нуждается в собственной политической аналитике и выработке долгосрочной стратегии, учитывающей общие тенденции социально-экономического, научно-технологического и политического развития в контексте глобализации. Отраслевые политики имеют четко выраженное глобальное измерение и «локальную прописку» в конкретных регионах, что само по себе предполагает повышенный интерес к «научному обслуживанию» политики и, в частности, к новым

² Философия истории: Учеб. пособие. / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. С. 55.

³ Данное положение раскрывается в последней книге А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (М.: Алгоритм, 2003), но требует пояснения: последствия такой архаизации — не возвращение к культурным и духовным истокам, а их умерщвление. Сама эта тенденция (возвращение к средневековым образцам) развивается на фоне принудительной дехристианизации Западного мира, что равноценно не только размыванию его цивилизационных основ, но и культивированию чужеродных цивилизационных моделей.

применениям логистики. О том же свидетельствует и многократное увеличение затрат на научно-аналитическое сопровождение большей части проектов в сфере национальной и мировой политики и в каждой из институционализированных отраслей политической деятельности, а также повышение статуса мирового научного и экспертного сообщества как важнейшего звена компетентного гражданского общества и одновременно арбитра в разрешении политических противоречий.

Само это соединение, казалось бы, совершенно несоединимых ролевых функций — арбитра, эксперта и одновременно «нанятого слуги» изменяет наше представление и о компетентности, т.е. о системе требований к профессиональным качествам, знаниям и навыкам, и о компетенции. Под компетенцией в данном случае понимается набор обязанностей и прав, статусных полномочий и ролевых функций, «прилагаемых» к той или иной должности независимо от того, кто её занимает — компетентный специалист (компетентный в профильной области) или «универсальный менеджер». Такое «слияние неслиянного» характерно как для научного и экспертного сообщества, вовлеченного в деятельность политических структур и институтов, так и для самих политиков, многие из которых по «долгу службы» всё чаще выполняют и функции экспертов, аналитиков, а в ряде случаев и «теоретиков-концептологов». Последнее как раз и отражает повышение статуса «отраслевых политик», где востребованы долгосрочное политическое планирование и стратегическое прогнозирование, включенное в процесс планирования и позволяющее просчитать альтернативные сценарии, снижающие риски.

Всё это требует внести некоторые коррективы в представление о «пирамиде власти», где компетенции (право принимать решения) традиционно повышаются по мере служебного роста и «этажности» власти, тогда как компетентность (знания, необходимые для подготовки оптимальных решений) концентрируются преимущественно на нижних ступенях «пирамиды» — в кругу не «должностных», а приглашенных экспертов. Именно к этому «нижнему» разряду относят наиболее ценных, но наименее влиятельных в политике экспертов из числа ведущих ученых. Само их приглашение к сотрудничеству зачастую носит чисто символический характер и

призвано легитимировать политические решения, поскольку научная легитимация давно стала одним из инструментов политической.

Укрепление позиций «отраслевиков» в национальной и международной политике делают более размытыми различия между компетентностью и компетенцией на всех этажах власти, что призвано снизить риски политической ошибки. Правда, все эти коррективы пока не имеют прямого отношения к отечественной политике. Об этом свидетельствуют «революционные» изменения в законодательстве, регулирующем деятельность академического, вузовского и отраслевого секторов науки, проводимые не только без консультаций с научным сообществом, но даже и без непосредственного участия профильных структур законодательной и исполнительной власти, и без обязательного указания «авторства» новаций.

Оборотная сторона ставки на политическую логистику и сращивание компетенции и компетентности — процесс десакрализации политики, из которой целенаправленно «вымываются» высшие смыслы, что лишь усиливается по мере повышения роли технологий, в том числе политических и социальных, а также возможностей тотального контроля и манипулирования. Парадокс заключается и в том, что «технологизация», граничащая с полным «обесмысливанием» деятельности и с оглушением её носителей, контрастирует с призывами, возможно искренними, к проведению *умной политики*, которые исходят чаще всего именно от тех публичных политиков, деятельность которых вызывает наибольшее разочарование. Данная тенденция становится еще более заметной на фоне, казалось бы, прямо противоположных трендов.

Гражданское общество как политический проект

Раскрывая проблему использования гражданского общества в сугубо политических целях, остановимся на трех её аспектах. Особый интерес представляет, во-первых, инструментальный характер теоретических построений, призванных не только объяснить природу гражданского общества, но и оправдать тот или иной политический курс, во-вторых, описание самого феномена становления компетентного гражд-

данского общества, важнейшей частью которого является международное научное сообщество, и, в-третьих, выявление и осмысление эффектов, возникающие в процессе повышения наукоемкости политики. Один из них — заметное снижение уровня «выживаемости» академической демократии в условиях насаждаемой «коммерческой» и «приватизированной» демократии, которая характерна для эпохи рыночного фундаментализма. Последняя тенденция особенно ярко выявляется, когда мы учитываем российскую специфику «ускоренной демократизации» с установкой на «минимизацию государства в интересах модернизации» и на превращение научной среды и образовательной системы в сферу услуг...

Не останавливаясь на том, как возник сам концепт и как эволюционировали представления о гражданском обществе в научном и политическом дискурсах, в рамках заявленной тематики можно ограничиться наиболее продуктивной и распространенной в настоящее время концептуальной схемой, идущей от эпохи Просвещения и немецкой классической философии. Согласно этой схеме гражданское общество — не что иное, как своеобразное *средостение* между государством и человеком, выполняющее двудеятельную функцию — защиту гражданина и семьи от неповоротливой и бездушной государственной машины, а также защиту самого государства от неуправляемых «социальных атомов».

Если государство способно, не заметив потери, стереть с лица земли (например, из-за господствующих идеологических императивов, институциональных «пустот» или ошибок стратегического управления) целые социальные и возрастные, этнокультурные или профессиональные группы, то и отдельный человек может вступить, подобно Давиду, в схватку с Голиафом — государственной машиной. Более того, он в ряде случаев может выйти победителем, хотя последствия таких побед или поражений для общества мало предсказуемы. Но шансы отдельного человека в таком противостоянии невелики. Именно по этой причине перед лицом общих угроз и (или) для защиты групповых, профессиональных и других корпоративных интересов отдельные «люди-атомы» по необходимости объединяются в самоуправляемые «ячейки», сообщества, добровольно отдавая, делегируя им часть своих прав и получая взамен качественно новый уровень гражданских свобод и социальных гарантий.

Влияние институтов гражданского общества и, прежде всего, его «продвинутых отрядов» (компетентное гражданское общество) столь значительно, что национальные государства принуждены реагировать и на изменение баланса сил с учетом того факта, что на фоне общей тенденции «повреждения национальных суверенитетов» и борьбы с традиционализмом заметно укоряется процесс становления «наднациональных сегментов» компетентного гражданского общества. Речь идет, к примеру, об армии «экологистов» и «антиглобалистов», о международном экспертном сообществе. Одновременно резко возрастает и роль искусственно созданных и чрезвычайно активных в политическом плане групп политического давления, созданных на почве коммерческих субкультур и, что особенно важно, «бывших меньшинств», которые в течение столетий считались и в христианском мире, и в исламских странах «неприкасаемыми». В настоящее время именно эти группы составляют авангард «антиклерикального похода», целью которого является демонтаж традиционного гражданского общества и, прежде всего, ослабление позиций религиозных (христианских) общин, что создает запретельные социальные и политические риски в ряде стран ЕС.

В этих условиях любое государство вынуждено постоянно совершенствовать систему правовой регламентации функционирования институтов гражданского общества, выстраивая долгосрочные отношения, обеспечивающие разделение функций, а также инициировать новые формы «политического симбиоза». Диапазон поиска таких форм чрезвычайно широк — от экспериментов с внедрением так называемой прямой демократии и программами развития «электронного правительства» до введения тотального контроля за поведением и мотивацией каждого человека с опорой на «резерв» новых, нетрадиционных «ячеек» гражданского общества: третий сектор, НКО как агенты влияния, в том числе и внешнего, возникновение феномена «электронного гражданства» и т.д.

Особого внимания заслуживают масштабные проекты целенаправленной модификации гражданского общества в целом, а также сопутствующая модификация представлений о том, что можно, а что нельзя подводить под это понятие. Среди основных направлений такой деликатной работы, требующей от исполнителей высокого интеллектуального уровня и профессиональной подготовки, — производство и

введение в научный оборот новых концептов и дефиниций гражданского общества. Один из наиболее эффективных методологических инструментов — включение все новых критериев, позволяющих по желанию сужать или расширять круг народов и стран, а также целых исторических эпох, которые соответствуют этим критериям. В число таких критериев входит, к примеру, наличие определенных гражданских институтов и правовых норм, гарантированных политических и экономических свобод, а также статистически измеряемых характеристик. Подобные исследовательские процедуры и политтехнологии дополняют друг друга. Этот «тандем» науки и политики, с одной стороны, действительно вооружает исследователя (особенно в области сравнительной политологии) методами измерения «качества» гражданского общества, но, с другой стороны, именно такой подход используется в практике геополитического планирования. Одно из направлений геополитического планирования — целенаправленный процесс так называемой научной легитимации политики, о чем уже говорилось, или ее делигитимации, в зависимости от задачи. Возможность изменять и корректировать шкалу требований позволяет устанавливать или изменять границы «цивилизованного мира» (будь то режимы, «приближающиеся к демократическим образцам», или сами «образцовые модели») и определять рейтинги стран и режимов по шкале политической зрелости и, конечно, лояльности к тем, кто присвоил себе право вводить критерии и рейтинги.

В этих условиях резко возрастает роль независимой научной экспертизы и, соответственно, ответственность научного сообщества, которое не должно ограничивать свое участие в политической жизни исполнением экспертных функций. Исторический путь России подтверждает, что свобода научной мысли даже в условиях жесткой тоталитарной системы при отсутствии многих политических прав и свобод позволяла сохранять отдельные жизнеспособные элементы гражданского общества, наращивать качественный человеческий капитал и системный потенциал страны. И напротив, расширение политических свобод, разгосударствление и ускоренное приживление нетрадиционных институтов гражданского общества — все это само по себе не является и никогда не станет гарантом сохранения человеческого капитала и приращения национального потенциала, если недостает сози-

дательной политической воли, ответственности перед Богом и обществом.

Свобода мысли и академическая демократия как основной инструмент защиты этой свободы с трудом уживаются с сильной политической властью, но никогда — с безвластием и властью анархии. Бесхребетные режимы, не способные преодолеть хаос, а также страны-аутсайдеры и государства, которые относятся к категории стран-клиентов и так называемых «несостоявшихся стран», не получивших либо утративших реальный суверенитет и возможность самостоятельного выбора, не могут позволить себе такую роскошь, как свобода интеллектуального выбора. Поражение разума, интеллектуальная и духовная несвобода — расплата за явную или скрытую слабость и неустойчивость институтов власти. И такой исход не зависит ни от того, в какие классификационные схемы мы пытаемся «упаковать» те или иные режимы, ни от того, как они сами себя определяют.

Академическая демократия лишена указанного порока современной политической демократии, несмотря на ее внешний «недемократизм». О таком «недемократизме» свидетельствует многое. Это и мнимая косность, и традиционализм, и неотзывчивость на «вызовы времени» или политические реформы, и пожизненно присуждаемые научные степени и звания, и обилие запутанных иерархических барьеров, «внутрисловных» градаций, правил и парадигм, и нагроможденные условностей, от которых веет духом средневековья...

Свобода политическая и академические свободы

Особо значимым для нашего исследования представляет констатация того факта, что «демократическая» самоидентификация, которая тесно связана с позитивным отношением к развитию гражданского общества, имеет свои ярко выраженные особенности и в сфере политики, и во «внеполитическом пространстве», например, в академической среде. Впрочем, эти типы идентичности тесно связаны между собой исторически и функционально.

Историческая ретроспектива подтверждает, к примеру, предположение о том, что процесс секуляризации в значительной степени предопределил не только становление институтов либеральной демократии, но и появление феномена

университетской автономии, во всяком случае, в тех его формах, которые сохранились без значительных изменений и прочно утвердились в правовом поле некоторых демократических стран. Отсюда не лишённые основания выводы о том, что ни у политики, ни у науки «нет ничего святого».

На щите политики начертан лозунг «цель оправдывает средства» (в политологии это иногда называют тактичной — доминирующим императивным типом мышления, направленным не на то, чтобы «знать», а на то, чтобы «обладать»). А на щите науки иной лозунг: «истина превыше всего», в том числе и призывов совести, абсолютного долженствования, веры. Человечество, вооруженное столь опасными инструментами (если Бога нет, то все дозволено) не уничтожило себя и нашло способы обуздать и властолюбие, и чрезмерную любознательность, вероятно, только по одной причине: если для политики и науки нет ничего святого, то люди остаются людьми, даже когда они одеты в мундиры политиков и ученых. Мир держится не столько благодаря логике политики и потенциалу науки, сколько вопреки всеразрушающей силе тотального преобразования, скрытого в недрах политического планирования и научного поиска. На защите жизни стоят люди, не отрeksiшиеся от веры, которым знакомы различия между «знаю», «хочу» и «должно», которым доступно подлинное понимание свободы: «Но кто вникнет в закон совершенный, [закон] свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Иак., 1:25).

Функциональная взаимообусловленность политической и академической демократии проявляется не только в их генезисе, но и в том, что академические свободы — это, как известно, один из гарантов сохранения демократических свобод (критицизм независимой научной мысли в какой-то степени препятствует ползучей узурпации власти). В то же время демократические институты, в свою очередь, вполне могут рассматриваться как гаранты нерушимости академических свобод, которые основательно «встроены» в политическую систему многих демократических государств.

Но теория и жизнь — не одно и то же. Хотя все рассуждения о взаимообусловленности и взаимном тяготении политической и академической демократии можно подтвердить обилием фактов, исторических иллюстраций и бесчислен-

ными ссылками на самых известных философов и политологов, они остаются упрощенной и весьма идеализированной концептуальной схемой. Подобные схемы именно в силу их простоты и убедительности кочуют из теории в теорию, из эпохи в эпоху. Действительность же вносит в схемы такого рода более чем существенные коррективы.

Начнем с того, что некоторые демократические режимы мало чем отличаются от вотчин, отданных, как говорили в старые времена, на прокормление отдельным лицам, семьям или корпорациям. Эти режимы отличаются от «образцовых» в худшую сторону — и уровнем культуры властной элиты, и степенью самодурства властителей. Демократическое самодурство становится тем опаснее, чем прочнее «электоральная база» режимов, то есть чем эффективнее работают механизмы политической демократии, обеспечивающие не только связь избранных руководителей и народных масс, но и «выдавливание» из общественной жизни, из массового сознания и из наиболее влиятельных структур гражданского общества всяких сомнений вместе с их носителями.

Подобная ситуация в некотором смысле безысходнее и трагичнее, чем давление деспотизма. Когда люди живут в «недогосударствах», т.е. в странах с существенно урезанным суверенитетом, или в условиях «пожизненной оккупации», или под игом тирании, будучи лишены реальных избирательных прав, то они, во-первых, не несут личной и коллективной ответственности за выбор, сберегая отчасти тем самым свою душу и совесть. Во-вторых, у них сохраняется перспектива завоевания гражданских свобод, обеспечивающих право выбора. И, в-третьих, они вполне могут рассчитывать на деятельную поддержку своей борьбы со стороны «всех демократических сил планеты». В обществе победившей демократии граждане формально уже наделены всеми правами, но, как правило, принуждены выбирать *меньшее зло*, которое сразу после этого становится большим, поскольку они выбирают зло...

При этом все те, кто обладает гражданской свободой, а иногда и пытается несвободных принудить к свободе, сами уже не могут рассчитывать на освобождение, ибо были *свободны в выборе до выбора*, а сделанный выбор — это уже не столько свобода, сколько ответственность. Таким образом, они берут на себя полноту ответственности и за собственное

порабощение (имеются в виду, в частности, все формы отчуждения), и за насилие над инакомыслящими, спровоцированное открытой борьбой за «чужую волю» и скрытую защиту своих интересов. Воистину, «ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека» (Марк, 7:15).

По определению И. Берлина, концепция которого весьма далека от христианского сострадания, но вполне соответствует наиболее распространенному в современных демократических обществах либерально-антиклерикалистскому и функциональному (нормативному) пониманию свободы, человек свободен только в той мере, в какой никто — ни другой человек, ни группа — не препятствует его действиям. Таким образом, политическая свобода, по мысли Берлина, представляет собой всего лишь некую область, в рамках которой человек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны. В соответствии с этой несколько циничной позицией любые утверждения о том, что, к примеру, бедность или обнищание населения в условиях демократии делает человека несвободным, лишены, по его мнению, всякой основательности, поскольку, если хромота кому-то не позволяет бегать, то это нельзя считать отсутствием свободы, тем более — политической. А подлинный источник угнетения — это «люди, препятствующие осуществлению наших желаний»⁴.

Академическая демократия при всем ее своеобразии и видимом «недемократизме» (косность и неотзывчивость на вызовы времени, пожизненно присуждаемые научные степени и звания, обилие запутанных иерархических барьеров, «внутрисловных» градаций, правил и парадигм, нагромождение условностей, от которых веет духом средневековья, и т.п.) лишена указанного порока современной политической демократии. Академическая демократия не склонна, прежде всего, к двойным стандартам — публично не афишируемому, но неизбежному условию соблюдения партийной дисциплины и чистоты политической линии. Не склонна, во всяком случае, в своем отношении к окружающей действительности как к объекту познания и предмету знания.

⁴ Berlin I. Two Concepts of Liberty. London, Oxford Univ. Press, 1969. P. 134.

Особенность академической демократии заключена в том, что научное сообщество присягает на верность не народу, как это делают политики, а истине. А истину не выбирают (в политике не столько народ выбирает политиков, сколько политики выбирают свой народ, своих избирателей), ею не управляют, ее невозможно ни обмануть, ни обольстить. Это она, истина, управляет миром, назначая цену человеческим ошибкам и заблуждениям, и сама выбирает, кому открыться, а кому нет. Истина может исходить и от либералов, и от их противников, и даже от прямых врагов всякой демократии. И точно так же ложь вполне может быть инструментом как в руках тиранов, так и в руках не слишком шепетильных борцов за идеалы демократии (достаточно вспомнить о бесчисленных «обоснованиях» вторжения в Ирак). Академическая демократия, когда она строго соблюдается, кстати, во многом благодаря своим многочисленным недостаткам (прежде всего косности и консерватизму), свободна от служения политической конъюнктуре, идолам времени сего.

Академическая демократия вскормлена не духом вечно-го противостояния лагерей и фронтов, а вольным духом познания, попирающего авторитет вождей, незыблемость временных и пространственных границ, поскольку познанию доступны трансвременные связи и, в частности, метаисторические законы. Но если временные границы не сдерживают мысль, то что же говорить о государственных границах (в этом смысле научные знания — единственно последовательные «интернационалисты») или о еще менее ненадежных политических пристрастиях и государственных установлениях?

Почему же тогда академическая демократия, противопоставляющая себя любому внешнему господству и исторически возникшая именно из этого противопоставления, не вызывает ни паники, ни ощущения угрозы, ни даже чувства самозащиты у разумной власти? Почему только полуобразованные и маргинализированные радикалы, дорвавшись до власти, начинают самозащиту с «профессорских пароходов», составления списков запрещенных книг и аутодафе, с запретов на преподавание философии?

Ответ достаточно прост: сфера знания живет своей внутренней жизнью и, проникая в суть многих явлений, вовсе не стремится к их разрушению. При этом академическая демо-

кратия полагается не на популистские обещания политических прав и свобод (немедленно, всем и каждому и в полном объеме!), которые разбрасывают политики всех школ и течений, а на неизменные, сохранившиеся в течение столетий академические свободы и формы легитимации научного сообщества. Она обосновывает свои претензии на универсальность, основываясь не на военной мощи и не на силовом подавлении недостаточно свободных и демократичных соседей (когда они плохо вооружены), а на принципе культурной преемственности, уважения к иерархическому устройству мира знаний и мира тех, кто их хранит и производит, а также на верности корпоративным традициям.

Роль академической демократии в становлении демократии политической обусловлена тем самоочевидным обстоятельством, что последняя прививалась и прививается именно в стенах вузов и, прежде всего, университетов. Именно университеты всегда были, есть и будут в любом из сколько-нибудь развитых в культурном отношении государств и сообществ носителями уникальной функции, которую можно назвать демократизацией духа и мышления. Эта скрытая функция обнаруживает себя не непосредственно, не во взаимоотношениях университета и государства (чем выше зависимость финансирования от политической ангажированности, тем слабее конструктивное влияние университетов), а через совершенствование культуры мысли, что служит подлинной и устойчивой демократизации гражданского общества. Остановимся на нескольких проявлениях этой функции.

Во-первых, академическая демократия — это единственная в своем роде надполитическая, надсловная, а в определенном смысле и трансисторическая территория духа в гражданском обществе, где осуществляется встреча поколений и цивилизационных миров, где стираются и лишаются смысла многие социальные, культурные и даже возрастные барьеры. Университеты можно по праву назвать высшей школой сотрудничества и социального партнерства, где лучшие представители национальной и мировой элиты (научной и культурной) считают своим общественным долгом и, что особенно важно, профессиональным призванием поиск молодых талантов. Эта установка для подавляющего большинства участников образовательного процесса, как правило, не

зависит от того, кто является носителями талантов — дети бедняков или миллионеров, соотечественники или иностранцы, сторонники какого-нибудь политического культа или люди аполитичные, атеисты или верующие, единоверцы или инославные. Все эти качества, не говоря уже о национальных и расовых отличиях, если и учитываются, то в значительно меньшей степени, чем наличие таланта. Столь универсальная толерантность редко встречается в других пластах и стратах гражданского общества, но проникает в его высшие эшелоны из стен университетов, влияя на общее состояние политической культуры.

Во-вторых, академическая демократия является школой служения истине и призванию, если, конечно, призвание лежит в сфере научно-педагогической деятельности, а также школой профессионального становления, самоопределения, и социокультурной самоидентификации для студенческой молодежи. При этом университеты остаются местом службы для подавляющего большинства представителей научного сообщества, что качественно изменяет характер самого научного труда, стимулируя межпоколенческие связи и становление научных школ. Всему, чему нельзя научить, можно научиться, имея пред собой пример наставника.

В-третьих, университеты — это сфера сопряченного развития и непринужденного, обусловленного спецификой совместной деятельности диалога культур. Это относится, прежде всего, к национальным культурам, представители которых обитают в едином и напряженном глобальном информационном пространстве современной науки, которое возникло задолго до появления электронных информационных сетей. Они по необходимости участвуют в совместных научных проектах и, главное, говорят на одном языке — языке своей науки, чему, как известно, не препятствуют ни языковые, ни культурные различия. Тезис об интенсивном диалоге культур как одной из характеристик академической демократии относится и к субкультурам разного типа — как возрастным, так и профессиональным. И те, и другие являются одновременно и объектами междисциплинарных исследований, и, косвенно, их субъектами, поскольку самоидентичность наций в немалой степени строится на самоидентификации их представителей с великими именами своих мыслителей, с национальными достижениями отечественной науки и техники.

В-четвертых, университеты остаются основными центрами консолидации и воспроизводства национальной элиты — не только научной, но и культурной в самом широком понимании этого слова, а также, что не менее важно, политической элиты. Последнее с некоторыми, но существенными оговорками относится и к России. О каких оговорках идет речь? Вопрос деликатный, но требующий артикуляции. Само выражение «политическая элита» было не применимым по отношению к «слугам народа» эпохи построения бесклассового общества по принципиальным соображениям идеологического характера. Среди них — и неизменные политические установки на равенство по формуле «уравниловки», и неполнота политических функций власть предержащих (элита без «права ношения лица» и со строго ограниченными полномочиями), и очевидное несоответствие «руководящей прослойки» минимальному набору требований к национальным элитам. Среди немаловажных отличий доморощенной советской элиты, которые, судя по всему, передаются по наследству ее право- и нравопреемникам, можно, вероятно, назвать и генетический фактор — результат многолетнего искусственного отбора и «внутривидового скрещивания» в среде потомственной партноменклатуры. Тот факт, что приватизация в России была осуществлена именно этим стратом, предопределил и особенности нравопреемственности.

По этой же причине понятие «элита» почти не применимо к слою малокомпетентных лиц, которые в силу катаклизмов последнего времени всплыли на поверхность публичной политики. Слишком открыто они демонстрируют органичные для своего узкого круга качества — маргинальность и девиантность публичного поведения, тесные связи с криминалом как одним из акторов внутренней политики. Хотя эти качества, возможно, в какой-то степени присутствуют и даже прогрессируют и у определенной части современной мировой политической элиты (иначе трудно объяснить ее толерантное отношение к фактам хищнического и откровенно криминального вывоза ресурсов и капиталов из России), но они никогда не выставляются напоказ. Редкие представители зарождающейся национальной политической элиты России стремятся избегать даже намека на функциональную принадлежность к этой удушающей все живое «тонкой пленке» (ленинское выражение), покрывшей, как во время боль-

шевистской революции, российское общество и создающей заведомо ложное впечатление о современной России.

В-пятых, университеты — это хранители уникального опыта университетской автономии и самоуправления в выборе направлений исследований и образовательных стратегий на уровне факультетов. Эти и другие академические свободы могут сохраняться при любых режимах как островки демократии, поскольку они, согласно определению, данному И. Кантом в «Споре факультетов», совершенно безопасны для власти. Причина их «безвредности» заключается, по Канту, в том, что аудиторией настоящего ученого, если он не шарлатан, не может быть ни толпа, ни гражданское общество, а только узкая сфера людей, владеющих научными познаниями и принадлежащих к ученому сословию. Развивая эту мысль, отметим любопытную закономерность: политическая безопасность академической демократии для любой системы, в том числе и для демократических режимов, которые переносят критику в свой адрес ничуть не менее болезненно, чем тоталитарные режимы, объясняется, прежде всего, тем, что университеты являются государствами в государстве, так как обладают определенной независимостью, автономией. Парадокс в том и заключается, что, урезая академическую демократию в целях обеспечения собственной безопасности, власть достигает прямо противоположного результата, провоцируя студенческие волнения или, что намного хуже, воспроизводя социальную апатию в высших слоях общества и безразличие масс к политическим ценностям, в том числе и демократическим.

Да, в университетах открываются возможности и стимулы для конкуренции идей (теорий, школ, направлений), которая доминирует над конкуренцией людей. Последнее обстоятельство открывает природу академической автономии и преимущества узкой специализации, которая создает предпосылки для сотrudничества в сфере междисциплинарных контактов, информации и коммуникаций. Вместе с тем это прибежище свободы творчества и поле самореализации становится все уже в современном мире, а иногда и сводится на нет наличием или дефицитом финансирования, но в еще большей степени — самим фактом финансирования заказанных программ и проектов. Наверное, нет ни одного исследования по академической демократии, где демонстрация этой ее обратной

стороны не использовалась для описания границ демократии — и академической, и политической.

Как ни парадоксально, но реальную угрозу для академической демократии представляет сегодня не авторитаризм, а специфика современного производства и оборота знаний в современном демократическом обществе. И производство знаний, и образование, и инвестиционная политика в науку почти полностью подчинены получению прибыли. Впрочем, данная тема заслуживает специального анализа с учетом более широкого — геополитического — контекста. В этом случае мы смогли бы увидеть прямую связь кризиса академической демократии с экспансией неравноценного обмена природной и интеллектуальной ренты, которая разделила мир на демократический (сытый) лагерь держателей и собственников ноу-хау, которые диктуют странам-ресурсодержателям свои правила дележа природных богатств и свою цену на невозполнимые ресурсы. Вся эта губительная для будущих поколений и антиэкологическая по своей сути политика держится на отношении к демократии эпохи глобализма как к надежному способу приватизации всего, что может быть «растаможено», выведено или вывезено за любые границы — административные и правовые, родовые и общинные, национальные и государственные, конфессиональные и нравственные.

Негативные последствия для сохранения института академической демократии, исходящие от глобалистских «неодемократических проектов», отрицающих право ограничивать губительные тенденции, объясняется рядом причин. Назовем только три из них:

— Во-первых, причина свертывания и «усыхания» академической демократии — ничем не ограниченное право ведущих стран мира и корпораций беспрепятственно «скупать мозги» и продукты научной деятельности, концентрировать в одних руках и в отдельных регионах мира научные идеи, превращая их в товар и пользуясь несовершенством авторского права, не учитывающего в должной степени фактора глобализации.

— Во-вторых, к тем же результатам приводит и важная особенность академической демократии — с незапамятных времен культивируемая в среде ученых установка на их личное бескорыстие и на общедоступность результатов научно-

го труда, отказ от личной заинтересованности. Именно неявное нарушение этой нормы учеными-прикладниками, например, в значительной мере объясняет ту критику, которой они подвергаются (обычно в деликатных формах) со стороны «чистых» ученых. В результате эта норма укрепляет чувствительность ученых к одобрению, исходящему от себе подобных, и тем самым эффективность внутреннего контроля и профессиональную автономию.

— В-третьих, особыми рисками для будущего всего гражданского общества грозит интенсивно проводимая ныне делегитимация университетов и институтов высшего образования в интересах дальнейшей рационализации политики. Об этом лучше других писал Ж.-Ф. Лиотар в книге «Состояние постмодерна», где он пришел к выводу о том, что университеты утрачивают свою легитимность, поскольку открывается перспектива емкого рынка «операциональных компетенций», из чего следует подчинение университетов требованиям формирования компетенции, а не идеалов⁵.

⁵ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.

СЫТИН А.Г.

Гражданское общество и государство в концепции демократии Джона Кина

Вопрос о соотношении и взаимодействии государства и гражданского общества, о «желательных» пределах и формах такого взаимодействия — один из «классических» вопросов политической философии и политической мысли в целом, вопрос, опыт осмысления которого насчитывает не одно столетие. Однако «традиционность» этого вопроса вовсе не означает его неактуальности в наше время. Как раз наоборот — сегодня актуальность его ощутимо возрастает. В западных странах это связано, в частности, с процессами глобализации, информационной революции, масштабными потоками иммиграции, отмечаемой многими специалистами утратой взаимного доверия между людьми, уменьшением накопленного ранее «социального капитала». В нашей стране и других государствах, провозгласивших целью переход к демократии и рыночной экономике — в частности, с тем, что построить современную демократическую политическую жизнь без развитых форм гражданского общества практически невозможно. Поэтому формирование реально функционирующего и способного осуществлять необходимый контроль над властью гражданского общества выступает для нашей страны очевидной и неотложной задачей.

Однако решить такую задачу далеко не просто. Не говоря уже о недостаточной укорененности ценностей гражданского общества и правового государства как в массовом сознании, так и в сознании политических элит, нужно отметить, что в данном случае речь идет о «строительстве здания», на которое, образно говоря, нет ясных чертежей. Понятие

гражданского общества относится к числу понятий, которые оспариваются по самому своему существу, однако не только продолжают широко употребляться, но даже наращивают свою популярность. Как отмечал, например, французский политический социолог Доминик Кола, в современных условиях «гражданское общество — это дающий повод для крикливо-политический штамп, который, однако, не мешает развитию мысли и политической аргументации, вплоть до концентрации надежд на политические и личные свободы»¹. По оценке того же Д. Кола, этому понятию в современном словоупотреблении свойственна «смысловая многовариантность»². Например, различают гражданское общество в «широком» и «узком» смыслах, причем в «широком» смысле оно охватывает все формы не организуемых государством (или, как вариант, неполитических) отношений между людьми в каком бы то ни было обществе, а в «узком» касается лишь взаимоотношений между свободными и равными индивидами в условиях рынка и демократической правовой государственности³. Для Б.Г. Капустина (и эту позицию он достаточно убедительно обосновывает) гражданское общество вообще есть не сфера жизни общества, а определенное (и не так часто встречающееся) его *состояние*, когда оно готово к глубокому самопреобразованию⁴.

Из разного понимания существа гражданского общества вытекает, естественно, и весьма различное отношение к нему. Если в либеральном дискурсе гражданское общество предстает как надежда на свободу, автономию индивида и одновременно — либеральное равенство и солидарность между индивидами, то, скажем, Гегель подчеркивал, что «в гражданском обществе каждый сам для себя цель, все остальное для него — ничто»⁵, А. Грамши трактовал гражданское об-

¹ Кола Д. Гражданское общество // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 449.

² Там же.

³ См.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. 4-е изд. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 239.

⁴ См.: Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? / Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 228.

щество как просто иную сферу доминирования руководящей группы, где ее господство выражается в особой форме культурной гегемонии, а, например, А.Г. Дугин видит в идее формирования гражданского общества в России специальный проект, направленный на ликвидацию российской самобытности⁶.

Ясно, что при столь различном его понимании понятие гражданского очень трудно операционализировать для решения практических общественно-политических задач. Поэтому вызывают интерес и трактовки этого понятия современными политическими философами, в особенности теми, кто посвятил этому понятию и описываемому им явлению получившие широкую известность труды.

Среди такого рода авторов нельзя не отметить современного англо-австралийского политического философа Джона Кина, автора переведенных у нас трудов «Средства массовой информации и демократия» и «Демократия и гражданское общество», получивших значительный резонанс⁷.

Джон Кин родился и вырос в Южной Австралии, получил высшее образование в университетах Аделаиды, Торонто и Кембриджа. Ныне работает в университете Сиднея в Австралии и в Берлинском научном центре социальных исследований. В 1989 году он основал Центр изучения демократии в Лондоне. Возглавляет также недавно созданный проект «Демократическая инициатива Сиднея». В течение всей научной жизни Джон Кин пишет труды по проблемам демократии и гражданского общества. Необходимо отметить, что весьма многие из этих трудов он делает достоянием широкой научной общественности через Интернет⁸. Помимо уже перечисленных, его перу принадлежат, например, такие книги, как «Гражданское общество: старые образы, новые взгляды», «Что случилось с демократией», «Глобальное гражданское общество», «Насилие и демократия», «Жизнь и смерть демо-

⁶ Дугин А.Г. Проект «гражданское общество» как угроза российской самобытности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=752>

⁷ Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М.: Наука, 1993; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁸ Электронный адрес его персонального сайта: www.johnkeane.net

кратии» и другие, ряд из которых были переведены на многие языки⁹. В идейно-политическом плане Джон Кин позиционирует себя как сторонник демократического социализма.

Взгляды Дж. Кина на проблемы гражданского общества тесно связаны с его позицией по вопросам демократии. Он исходит из того общего взгляда, наиболее ясно выраженного в свое время Карлом Поланьи, что саморегулирующийся рынок — это утопия, поскольку он не может существовать длительное время, не парализуя себя и не ликвидируя своих социальных предпосылок¹⁰. Поэтому регулирование со стороны государства необходимо, однако для того, чтобы оно было эффективным, само государство должно быть демократизировано.

Между тем в отношении того, в каком направлении и как именно должна совершенствоваться демократия, по мнению Кина, в настоящее время нет никакой ясности. «Несмотря на всю популярность в современном мире, — отмечает он, — демократические идеалы сейчас напоминают бездомного пьяницу, который неуверенно бредет в поисках фонаря, хотя бы для опоры, если уж не для освещения»¹¹. Сам Дж. Кин трактует демократию прежде всего как систему процессуальных правил, обладающих нормативными последствиями (схожие позиции высказывали сторонники минималистских концепций демократии, например Норберто Боббио и отчасти — Адам Пшеворски). Эти правила призваны определять, кто уполномочен выносить коллективные решения и посредством каких процедур эти решения должны приниматься. Демократия, по Кину, включает в себя такие процедуры принятия коллективных решений, которые обеспечивали бы максимально возможное и репрезентативное участие заинтересованных сторон или их представителей¹². Современная

⁹ Keane J. *Civil Society: Old Images, New Visions*. Cambridge University Press, 1998; Keane J. *Whatever Happened to Democracy?* Cambridge University Press, 1998; Keane J. *Global Civil Society*. Cambridge University Press, 2003; Keane J. *Violence and democracy*. Cambridge University Press, 2004; Keane J. *The Life and Death of Democracy*, London: Simon and Schuster, 2009.

¹⁰ См.: Кин Дж. Демократия и упадок общественных средств массовой информации // Демократия. Теория и практика. М., 1996. С. 159.

¹¹ Там же. С. 169.

демократия, согласно Дж. Кину, — это сложная многоуровневая политическая и общественная мозаика, в которой те, кто принимает решения на любом из уровней управления, должны совместно устанавливать круг своих обязанностей по отношению к народу; однако и граждане, принадлежащие к данному сообществу, должны проявлять бдительность и не позволять правителям и друг другу злоупотреблять властью и попирать дух содружества.

При этом условием обеспечения подлинного плюрализма для Дж. Кина выступает, с одной стороны, отделение гражданского общества от государства, а с другой — демократизация как гражданского общества, так и охраняющей его демократической политической системы. При этом демократические процедуры, по Дж. Кину, превосходят иные не потому, что они гарантируют консенсус или высокое качество всех принимаемых решений, а потому, что они дают заинтересованным гражданам возможность пересмотреть свои суждения о качестве этих решений или учесть их непредвиденные последствия. «Демократические процедуры, — отмечает Дж. Кин, — дают возможность гражданам хорошенько подумать и сказать “нет”»¹³. Таким образом, ценность демократических процедур, в глазах Дж. Кина, прежде всего в том, что они повышают степень гибкости и обратимости процесса принятия решений.

Проблематика демократии, гражданского общества и социализма увязывается в нормативной концепции Джона Кина воедино. Так, он пишет, что необходимо радикально изменить понимание социализма, превратив его в синоним демократизации гражданского общества и государства. При такой трактовке социализма формулируемые мыслителем задачи, по существу, объединяются в одну — задачу адекватной времени демократизации государства и общества¹⁴. В характеристику необходимой демократии в книге «Демократия и гражданское общество» Дж. Кин вносит некоторые новые черты. Здесь акценты делаются уже не столько на процедурах, сколько на характеристике демократического полити-

¹² Там же. С.167.

¹³ Там же. С. 173.

¹⁴ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 13.

ческого процесса. Необходимую концепцию демократии Кин характеризует здесь как «непредвзятую, бескомпромиссную, плюралистическую, космополитическую и подкрепленную историческим опытом»¹⁵. Он говорит даже о «демократической интерпретации демократии», имея в виду, что демократия должна стать еще более плюралистичной. Эта интерпретация носит выраженно антиэссенциалистский характер, мыслитель ставит задачу «переопределить демократию как институционально закрепленное обязательство ставить под сомнение призывы к поклонению Великим идеалам и отставлять больший плюрализм»¹⁶. Он характеризует демократию не как процесс, вдохновляемый великими идеями и идеалами, а как «всегда трудный процесс распределения власти и публичного контроля за ее исполнением», «трудный и расширяющийся процесс распределения подотчетной власти между различными публичными формами»¹⁷.

Таким образом, речь идет здесь уже не столько о формально установленных процедурах, сколько о реальном осуществлении власти. На видное место в концепции Кина выходит вопрос о публичном демократическом контроле над действиями власти — не случайно говорится именно о «подотчетной» власти. И в этом контексте очень важным становится заинтересованное внимание граждан к действиям власти, то, что можно назвать «бдительностью» по отношению к ней. Общественное недоверие к власти мыслитель называет важной составляющей классического демократического наследия, полученного от эпохи раннего модерна. Он даже ставит задачу «сохранить и возродить настороженное отношение к власти»¹⁸, что заставляет вспомнить знаменитую мысль одного из «отцов-основателей» США Томаса Джефферсона, что никакое правительство не может оставаться достаточно хорошим, если оно не находится под постоянным и неусыпным контролем народа, хранящего свой дух сопротивления.

Джон Кин обращает внимание также на то, что, хотя такие ценности, как равенство и свобода, безусловно сохраня-

¹⁵ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 26.

ют свое значение, простое и однозначное их понимание в наше время должно смениться более сложным. Так, современная, плюралистическая концепция равенства, по мнению Кина, должна исходить из того, что разрыв между имущими и неимущими в реальности можно преодолеть только путем развития таких институциональных механизмов, которые позволяли бы распределять товары между разными людьми с помощью разных способов и по разным основаниям. А «сложную свободу» Кин трактует как разделение полномочий по принятию решений между разными институтами, которые существуют внутри гражданского общества или государства — или в сфере их взаимодействия.

Дж. Кин отмечает ценность демократии, в частности, как *саморефлективной* системы, где правители (а также и управляемые) получают каждодневные напоминания, что тем, кто осуществляет власть над людьми, нельзя творить произвол.

Для сохранения и развития демократии мыслитель полагает также очень важным ограничить степень влияния идеологий на политический процесс. По мнению Кина, на сегодня ничего бесспорного ни в сфере знаний, ни в сфере убеждений и веры не существует. И потому для политической системы принципиально важно сохранять открытость. Никакого «конечного совершенства» в политической области не существует; так, по мнению Дж. Кина, «всецело демократические системы никогда не смогут достичь совершенного состояния»¹⁹. А потому демократические системы должны быть, по Кину, достаточно скромными в вопросах познания мира. Демократия в этом смысле, согласно идеям Кина, равнозначна отрицанию любых идеологий, претендующих на универсальное знание мира и стремящихся покончить с неопределенностью посредством навязывания всем каких бы то ни было конкретных форм жизни. Идеологические постулаты, по Кину, враждебны демократии. поскольку в каждом из них неизбежно присутствует фанатизм.

Защищать же демократию от воздействия идеологий, по мысли Джона Кина, означает «приветствовать состояние нерешенности, спорности, неопределенности, сражаться... против всякого рода самоуверенной ортодоксии, алчущей власти над душами людей, составляющих гражданское общество и

¹⁹ Там же. С. 378.

государство»²⁰. Защищать демократию означает также быть готовым к появлению неожиданного, к творению нового, сознавать необходимость продолжения живого демократического процесса в условиях сохранения старых и появления все новых антидемократических тенденций.

Что же касается собственно гражданского общества, то в самом общем плане Кин определяет его в русле преобладающей сегодня парадигмы любой негосударственной активности граждан. Так, он пишет, что «в наиболее абстрактном смысле гражданское общество можно трактовать как совокупность институтов, члены которых главным образом участвуют в сложной системе негосударственной деятельности»²¹.

Однако Дж. Кин, без сомнения, сознает слишком абстрактный характер такой дефиниции и в работах последних лет вносит в характеристику гражданского общества некоторые новые акценты, особо подчеркивая его неустранимую плюралистичность. Так, в недавней энциклопедической статье «Гражданское общество — определения и подходы» Кин утверждает, что «термин гражданское общество есть знак множественности, друг и страж динамических различий»²². И потому выступать в поддержку гражданского общества, по Кину, означает защищать все больший плюрализм, признавать институциональную сложность и публичную подотчетность как жизненно важные барьеры против опасной концентрации власти, где бы и когда бы она ни развивалась. Наиболее кратким образом Кин определяет сегодня гражданское общество как «актуальное и предвидимое условие возможности успешной борьбы за эгалитарное многообразие»²³. Отметим, что здесь речь идет уже не только о многообразии и плюрализме как таковых, но и о том, что «право на различия» в конкретном обществе должно быть равным для всех.

Для совершенствования гражданского общества, а также взаимоотношений и взаимодействия между ним и госу-

²⁰ Там же. С. 379.

²¹ Там же. С. 48.

²² Keane J. Civil Society, Definitions and Approaches [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://johnkeane.info/media/pdfs/jk_civil_society_definitions_encyclopedia.pdf

²³ Там же.

дарством Дж. Кин считает необходимым ограничить власть в обществе не только государства, но и частного капитала, а также, в духе современных ценностей мультикультурализма, «власть белых гетеросексуальных граждан мужского пола над остальным гражданским обществом»²⁴. Сделать это, по мнению мыслителя, возможно путем социальной борьбы и осуществления общественных политических инициатив, которые позволили бы гражданам в ходе их совместной деятельности в близких им публичных сферах достигать равного с другими влияния. При этом институты государственной власти, по мнению Кина, должны стать в большей степени подотчетными гражданскому обществу путем реорганизации способов выполнения ими своих функций. Кин полагает даже, что со своей функцией неусыпного контроля «гражданское общество должно стать для политической власти вечным бельмом в глазу»²⁵.

Однако Дж. Кин далек от того, чтобы идеализировать не только ныне существующее, но и предполагаемое в будущем состояние гражданского общества. Он отвергает в характеристике гражданского общества идеологический «пуризм», который произвольно наделяет последнее чертами исключительно высокой моральности. Кин отмечает, что даже глубоко демократизированное гражданское общество, в котором будут осуществляться «сложная свобода» и «сложное равенство», никогда не будут напоминать счастливую и довольную семью. По мнению австралийского политического философа, гражданскому обществу всегда будут свойственны некоторые «самопарализующие тенденции»²⁶. Именно потому, по мнению Кина, что в гражданском обществе, что называется, «по определению» отсутствует единый направляющий центр, оно и в глубоко демократизированном состоянии будет подвергаться угрозам недостаточно скоординированных действий, раздоров, недостатка средств и открытого конфликта между его составными частями. Существует, по его мнению, также и опасность того, что в гражданском обществе более сильные будут «выкручивать руки» более слабым. Поэтому,

²⁴ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 49.

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ Там же. С. 60–61.

вопреки взгляду о необходимости полной независимости гражданского общества, в реальности ему всегда будут нужны политические инициативы, финансовая поддержка и юридическое признание, а конфликты требований и интересов, порождаемых гражданским обществом, можно будет мирно разрешать только с помощью законов, имеющих универсальное применение, то есть на уровне государственной власти. Поэтому, как полагает Джон Кин, «демократическое гражданское общество никогда не могло бы действовать в одиночку, и для того, чтобы по-настоящему защитить его независимость, необходима (как бы это ни показалось парадоксальным — А.С.) государственная власть»²⁷.

Однако для эффективного взаимодействия гражданского общества и государства необходимы, по мнению Кина, помимо уже перечисленных, такие, например, меры, как расширение полномочий местного самоуправления, введение эффективных судебных проверок деятельности исполнительной власти, ограничение массового роста неподотчетных и непрозрачных сфер управления — например, таких, как управление ядерной отраслью, предприятий по переработке ядерного сырья и отходов ядерной отрасли, органов тайной полиции и национальной безопасности, введение большей подконтрольности обществу учреждений пенитенциарной системы, а также повышение возможностей парламентского контроля над исполнительной и судебной властью, а местных сообществ — над полицией²⁸.

«Реализм» Джона Кина в отношении гражданского общества имеет и другой немаловажный аспект. Ему посвящена, в частности, лекция мыслителя под примечательным названием «Могут ли гражданские общества стать более гражданскими?»²⁹ (в оригинале здесь довольно любопытная игра слов, поскольку английское выражение «civil societies» может пониматься и как «гражданские общества», и как «цивилизованные общества», и в данном случае автор, конечно, далеко не случайно через языковое совпадение стремится

²⁷ Там же. С. 61–62.

²⁸ Там же. С. 62–65.

²⁹ Keane J. Can civil societies become more civil? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://johnkeane.net/wp-content/uploads/2011/01/lecture_civility.pdf

показать важную связь, которая существует между отвечающим современным задачам гражданским обществом — и обществом, которое можно было бы с полным основанием назвать «цивилизованным». Таким образом, смысл названия статьи как раз в том, могут ли современные *гражданские общества* стать более *цивилизованными*).

Эта постановка вопроса может показаться несколько странной, поскольку современные высокоразвитые гражданские общества, казалось бы, являются одновременно и наиболее цивилизованными, представляя собой в определенном смысле примеры для становящихся гражданских обществ других стран. Однако Джон Кин достаточно убедительно показывает, что это не совсем так. Даже достаточно развитое гражданское общество как бы «производит» нецивилизованность, причем порождает ее из самого себя. Доказательством тому может служить хотя бы актуальная во многих и многих странах «политика повышения цивилизованности». Она выражается, в частности, в инициативных кампаниях по борьбе против убийств, изнасилований, против жестокого обращения с детьми и с животными, против семейного насилия над женщинами, против расовой нетерпимости и травли в школах, против жестокости в разного рода дисциплинарных учреждениях. И потому признаком развитого гражданского общества сегодня выступает не отсутствие проявлений нецивилизованности, а готовность сделать их предметом гласности, публичного обсуждения и выработки мер борьбы с этими явлениями.

Размышляя о причинах «вспышек» нецивилизованности, Дж. Кин говорит, в частности, о том, что жизнь современного общества и государства никак не страхует человека от неудач, проигрышей в конкурентной борьбе и осознания человеком себя как неудачника. В то же время в условиях нормативной политкорректности у человека часто нет возможности выразить сильные отрицательные эмоции, в результате эти эмоции подавляются, накапливаются и затем прорываются наружу уже в крайних и общественно неприемлемых формах.

Таким образом, задача стать более цивилизованным стоит, по существу, перед каждым гражданским обществом. Однако то, в чем именно состоит эта задача, нуждается, по мнению Кина, в актуальной трактовке. В результате анализа этой проблемы мыслитель приходит к выводу, что сегодня «ци-

визованными являются те индивиды и группы, которые демонстрируют и в действии, и в речи, и в манерах поведения приверженность принципу мирного плюрализма в области нравов»³⁰. Таким образом, речь идет об очень высокой терпимости не только в отношении форм поведения, но также верований и ценностных систем.

Естественно, это требует новой демократической этики, свободной, по выражению Дж. Кина, от норм морального универсализма. Поэтому современное гражданское общество оказывается сложной совокупностью различных и даже конкурирующих систем ценностей и ценностно обусловленных способов жизни, которые существуют бок о бок и определенным образом взаимодействуют между собой. Гражданское общество делает возможным бесконечное разнообразие нравов и отношений к жизни. Поэтому, как отмечает Джон Кин, «моральная гармония не приходит к гражданскому обществу “естественным образом”»³¹. Достижение в доступных пределах такой гармонии — плод нелегкой работы, специальных и немалых усилий, основанных, в частности, на «скромном» отношении к своим собственным взглядам и ценностям, внутреннем сопротивлении всякому социальному и национальному самодовольству, а также разумно-скептическом отношении к разного рода общественным и политико-культурным стереотипам.

Интересны и некоторые «особые» приложения киновских принципов анализа гражданского общества. Так, уже с 1990-х годов получил распространение термин «глобальное гражданское общество». Логика формирования этой категории и соответствующих ей идей вполне понятна. Глобальные проблемы современности для своего решения (или хотя бы регулирования в доступных пределах) требуют усилий всего человечества, а для этого необходима организующая роль некой наднациональной власти, которая по своим полномочиям и эффективности действий была бы релевантна характеру и степени остроты этих проблем. Сформировать такую власть очень сложно, но, даже если это удастся, актуальными станут и иные проблемы, ведь нелегко представить себе уровень контроля, который будет необходим, чтобы такая

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

власть не привела к опасным злоупотреблениям. В качестве необходимого противовеса такой глобальной власти естественнее всего представить гипотетическое «глобальное гражданское общество». Джон Кин посвятил этой проблеме отдельную книгу, характерной особенностью которой является то, что как самая первая, так и самая последняя фразы этой книги заканчиваются знаком вопроса³².

Джон Кин полагает, что термин «глобальное гражданское общество» нужно применять с большой осторожностью. Конечно, взаимное общение жителей нашей планеты сейчас небывалым образом интенсифицировалось. Однако нелегко сказать, достаточно ли этого, чтобы считать нынешнюю совокупность жителей Земли уже неким единым «обществом». Если это и «общество», то очень сложноорганизованное и самое сложное в истории планетарной цивилизации. Оно включает огромное количество «частей», которые связаны чрезвычайно многочисленными «нитьями»; при этом многие «части» такого общества являются не «рядоположными», а «пересекающимися» другие «части», поскольку выделяются эти сообщества по самым различным основаниям. Пока, по мнению Дж. Кина, мы можем сказать лишь, что это — особая форма общества, не знающего границ и отмеченного постоянной обратной связью между многими компонентами. Так же велико и неопределенно количество акторов глобального гражданского общества.

Одним из ключевых, согласно Джону Кину, вопросов формирования реального глобального гражданского общества является формирование некоего объединенного и ответственного субъекта действий такого общества, которого он называет «глобальной публикой». Для образования такой «глобальной публики» необходимо прежде всего формирование «глобальных публичных сфер», отвечающих требованиям представительства, подотчетности и легитимации политической повестки дня. Пока формирование таких публичных сфер выглядит довольно проблематичным. Для глобального гражданского взаимодействия необходима будет, по мнению Дж. Кина, также новая этика, главным постулатом которой станет уважение к человечеству во всем его многообразии³³.

³² Keane J. *Global civil society?* Cambridge University Press, 2003.

³³ См.: Keane J. *Global civil society?* Cambridge University Press, 2003. — Chapter «Ethics beyond borders».

В этом пункте идеи Кина о глобальном гражданском обществе смыкаются с его идеями о необходимом развитии гражданского общества вообще.

Другим важным приложением общих идей Дж. Кина о гражданском обществе в современных условиях является вопрос о роли общественных средств массовой информации. Воздействие СМИ сегодня очень велико, поэтому, по мнению Кина, очень важно, насколько на их работу сможет влиять гражданское общество. Ведь, по мнению Кина, гражданское общество может быть эффективным, если оно будет защищено от диктата не только со стороны государства, но и со стороны рынка. Поэтому, как пишет Дж. Кин, «максимально достижимая декоммерциализация и новое вступление средств массовой информации в социальную жизнь гражданского общества является абсолютно необходимым условием свободы от государственной и рыночной цензуры»³⁴. Поэтому особо важным становится вопрос об *общественных* средствах массовой информации (обретший актуальность в последние годы и в России). Цель таких СМИ, по Кину, — увеличить «нерыночную» власть граждан над средствами коммуникации. Однако для управления такими СМИ необходимо, согласно Джону Кину, создание политических ответственных наднациональных управляющих органов.

В целом модель общественных СМИ, по мнению Кина, следует рассматривать как «жизненно важное условие существования открытого, толерантного и живого общества, в котором и великие догмы, и маленькие специфические верования удерживаются под контролем и в котором, благодаря наличию подлинного плюрализма средств массовой информации, индивиды и группы могут открыто выражать свою солидарность или свое несогласие с симпатиями и антипатиями других граждан, а также высказывать собственные идеи, взгляды и предложения»³⁵. Таким образом, представление о роли общественных СМИ существенным образом конкретизирует и проясняет нормативные идеи Дж. Кина о развитии гражданского общества в целом. Демократия и общественные средства массовой информации, как отмечает

³⁴ Кин Дж. Демократия и упадок общественных средств массовой информации // Демократия. Теория и практика. М., 1996. С. 159.

³⁵ Там же. С. 167.

Кин, представляют собой непревзойденные средства ограничения самонадеянности и порой даже глупости тех, кто обладает властью³⁶.

При этом австралийский мыслитель отдает себе отчет в том, что свободу информации невозможно осуществить до конца и в полной мере. Поэтому очень важной является возможность дискуссий, открывающих дорогу к совершенствованию любых достигнутых форм организации как государства, так и гражданского общества. «Общество, одурманенное деньгами или политической властью, — отмечает Дж. Кин, — в котором нет дискуссий по вопросам свободы представительства, есть умирающее или уже мертвое общество»³⁷.

И наоборот, живое гражданское общество, по Джону Кину, всегда есть динамичный процесс, приводящий людей ко все большему пониманию того, что «принимать или заключать компромисс с теми, кого мы мало знаем или кого не понимаем, или по отношению к кому мы испытываем мало или совсем не испытываем симпатии, есть знак цивилизованности, стандарт, необходимый для привнесения большей цивилизованности в гражданское общество в том виде, как мы его знаем»³⁸. Выступать же в поддержку развития гражданского общества, согласно концепции Джона Кина, означает не просто выражать определенную интеллектуальную позицию, но и быть вовлеченным в конструирование, сохранение и развитие такого общественного порядка, который предохраняет общество от всех опасностей и угроз, связанных со злоупотреблением властью.

³⁶ Там же. С. 174.

³⁷ Кин Дж. Демократия и упадок общественных средств массовой информации // Демократия. Теория и практика. М., 1996. С. 176.

³⁸ Keane J. Can civil societies become more civil? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://johnkeane.net/wp-content/uploads/2011/01/lecture_civility.pdf

ШАМШУРИН В.И.

Социальная политика государства и гражданское общество

*Основы социальной политики государства
и здравоохранение*

Именно в медицине наиболее ярко проявляется то, что в социологии называется «качеством жизни». Никакая другая общественная сфера так наглядно не подтверждает социальные отношения. «Качество жизни» гражданского общества в буквальном смысле слова проявляется в таких показателях, как высокий уровень рождаемости при низком уровне смертности, высокий уровень общественного здоровья при низком уровне заболеваемости, и в связанных с ними демографических и миграционных процессах. Поэтому важной и весьма актуальной при всех возможных подходах представляется политологическая, а точнее — социально-политическая позиция, определяемая наличием (или отсутствием) у государства развернутой социальной политики по отношению к гражданскому обществу — и в программном, и в осуществлённом вариантах. И, например, монетизация льгот населения — весомое тому доказательство. Речь идёт о социальных стандартах, которые позиционирует государство по отношению к своим гражданам. Проблема социальной политики в этом смысле — стержневая. Хотя бы потому, что именно благодаря ей само государство — и как понятие, и как политический институт, и как явление культуры — становится понятной, а, значит, и легитимной, приемлемой, даже необходимой для гражданского общества структурой. Или непонятной, внешней и даже паразитарной. Именно в свете социальной политики государства следует рассматривать теорию великого русского мыслителя В.С. Соловьёва о праве человека и гражд-

данского общества на достойное существование, о том минимуме социальной работы государства, без которого возможность самого его существования — вплоть до судьбы его конкретных носителей — чиновников — ставится обществом под вопрос. В этом смысле следует понимать известное положение «Оправдания добра», согласно которому любой прекраснородушный идеал без механизмов его осуществления сводится к пустословию. Без социальной политики у государств не может быть ни суверенитета, ни патриотизма в культуре. В лучшем случае — «дипломатическое красноречие» и «патриотическая риторика». Однако, эти «литературные фигуры» — скорее изящная словесность, чем политика или политическая наука.

Собственно говоря, на примере своей социальной политики государство наиболее отчётливо показывает, кто входит в его (государства) состав. Другими словами, кто же является его гражданами, насколько выгодно быть этими самыми гражданами — и для тех, кто ими в данный момент является, для тех, кто собирается стать. Иначе говоря, речь идёт о том, что именно в социальной политике государства проявляется — реально, а не декларативно — кто «близок» государству, кто является для него «ближним».

В этом смысле социальная модель управления — регулятор общественных отношений. И особенно — в медицине и здравоохранении. Здесь государство как раз наиболее доказательно, наглядно показывает, как оно относится к гражданскому обществу — не только к его обычаям, культуре, а к его бытию в самом буквальном смысле слова. Критерии качества управленческой деятельности элиты — хорошие показатели демографии и здравоохранения. Если говорить об экономике, то в этом смысле наиболее важны показатели микроэкономики. Нельзя говорить о достижениях страны, если во всей системе координат не ясна точка отсчёта. А таковой является соответствие прожиточного минимума минимальной заработной плате или пенсии (или иного вида социального обеспечения) как источника дохода, т.е. забота о конкретном человеке.

Кроме того, отсутствие внятной и подтверждённой экономически социальной политики государства создаёт очень большие трудности в управлении. Невозможна логистика, т.е. эффективное перераспределение ресурсов (сырьевых,

финансовых, кадровых, информационных и т.п.), управление их движением, когда в системе координат нет устойчивости и определённости в исходной точке отсчёта, свидетельствующей об управляемости социальной сферы (куда входит и здравоохранение). Реальное соответствие минимальной заработной платы, пенсии, пособия прожиточному минимуму — это, повторяю, непереносимое условие и социальной политики, и управленческой практики любого государства, ориентированного на интересы своих граждан, претендующего на статус правового государства. Это в интересах самого государства при условии, что у элиты есть инстинкт самосохранения, стратегическое мышление и долгосрочное планирование интересов, том числе, и собственных, неотделимых от интересов своей страны и её граждан. Так, плотник может делать с топором всё, что ему заблагорассудится. Он может сварить из топора кашу, может срубить чудо архитектурного искусства без единого гвоздя, а может просто наколоть дрова; но при одном условии: держать топор надо не за острый, а за рукоятку. Иначе — себе дороже.

Однако социально-экономический мониторинг, особенно на примере здравоохранения, науки и образования, показывает: власть долго полагала, что с гражданским обществом, человеком можно обращаться как угодно, т.е. «держаться за острый». Непредвзятый анализ стандартов, параметров деятельности, выдвигаемых государством по отношению к этим социальным сферам с точки зрения отраслевого финансирования, свидетельствует о постоянном занижении показателей, несоответствующих реальным экономическим отношениям.

Дешевле и эффективнее вводить экономическое соответствие затрат и доходов в социальной системе координат в самом начале, чем переплачивать потом, когда начнутся катастрофы, эпидемии, вандализм и протестное поведение. Именно поэтому и надо нести затраты по исходным социальным программам в области здравоохранения, науки, образования, строительства жилья и сельского хозяйства.

Никакой другой, чтобы «гром не грянул» в виде нестабильности в гражданском обществе и развала в государстве, утилитарной пользы, да ещё и с рыночной, прагматичной точки зрения в виде «прибыльности» и «самокупаемости здесь и теперь» у здравоохранения, науки, образования не было, нет и не будет. Не будете поддерживать здравоохранение и

образование, значит, будете многократно больше тратить на МЧС и силовые структуры.

Здравоохранение показывает, причём, очень внятно, соотношение рыночного и общественного факторов в социальной политике государства. Несмотря на происходящие реформы до сих пор социальная политика государства всё ещё не ставит целеполагающих вопросов стратегического плана. Например, рынок и общество в социальной политике — это параллельные структуры? Или это взаимоисключающие начала, которые государство, словно какая-то похоронная команда, только и делает, что «мирит» в пожарном порядке, так сказать, «на марше» увеличивая расходы на льготы, но в рамках непротиворечивой «монетаристской программы»? Или они всё-таки взаимодополняют друг друга? А если так, то в каких сферах здравоохранения? Тогда задача исследователя — дать рецепт, как это сделать успешно. В какой области медицины рынок приемлем, а в какой катастрофичен в силу отсутствия социальной политики не только для бедных, средних, но и самых обеспеченных слоёв населения. Например, отсутствие полного государственного финансирования при частичной самокупаемости и при частичных государственных инвестициях в большинстве областей медицины может обернуться катастрофой для общественного здоровья. При неразрывной связи профилактики, диагностики и лечения (исправления ситуации) в любой отрасли (не только, кстати, в медицине), дешевле и вернее вкладывать деньги, казалось бы, в самый затратный и «ненужный» этап «профилактики» — мониторинг социальной сферы. Но это окупается сторицей. Застарелую болезнь победить очень сложно, если вообще возможно. Медицина явственно показывает: если не тратиться на науку и образование, которые, действительно, сами по себе ничего материального не создают, то придётся на более поздних этапах и более затратно бороться с последствиями социальных катаклизмов.

Социальные катаклизмы — следствие необдуманных, неукоренённых в социальных «обычаях» социальных реформ и модернизаций. В этом смысле, как говорят юристы ещё со времён древнеримского права, обычай сильнее закона; но закон сильнее обычая, если ему соответствует.

Государство с помощью социальной политики как раз и идентифицирует «обычай» и защищает его. Если обнару-

жен продуктивный обычай — реформа успешна; деструктивный (а в культуре в силу её многосложности есть и такие) — и общество, и государство сходят с арены мировой истории. Поэтому социальная политика — мощнейшее и эффективнейшее средство управления. Ещё в древнеиндийском социально-политическом трактате «Артхашастра», посвящённом государственному управлению, чётко указано, что нет ничего легче, чем разрушить то или иное государство и лишить власти правителя и его элиту, которые не заботятся о своих подданных, т.е. неуспешны в социальной политике. От руководства в этом смысле зависит, преобладают в стране центростремительные или центробежные тенденции, маргинальны или законопослушны граждане. И не случайно, именно исходя из своего опыта земского врача, А.П. Чехов в одном из писем отмечал, что без медицинской помощи на селе «мушкетеры угрюмы».

Как известно, всякая сущность самодостаточна и не нуждается в истреблении других для своего существования: в этом сходятся все великие умы и в прошлом, и в настоящем. Экономика же и, более всего, рыночная экономика, защищает, особенно в здравоохранении (если судить по реалиям, а не по декларациям) только зрелых и успешных, находящихся в состоянии расцвета: «молодые и так выздорoveют, а стариков нечего лечить — и так помрут...». Это тоже прекрасно понимали ещё язычники в древности, объявляя стариков и детей недееспособными в социально-правовом, политическом, экономическом и прочих отношениях. Экономика в чистом виде, т.е. взятая вне общегуманитарного нравственного контекста в рыночном варианте оборачивается в здравоохранении самыми печальными последствиями.

Однако, и социальная защита только «ещё или уже» недееспособных, так называемых «иждивенцев», и оставление без внимания активных членов обществ, обрекает на вымирание и лишение мотивации уже системообразующие слои населения. Однако, также понятно: те, кто сейчас в состоянии расцвета (акме, т.е. 40–65 лет), — когда-то тоже были недееспособными. А, главное, тоже в своё время станут немощными. «Акме» проходит слишком быстро, настолько быстро, что многие этого даже не замечают, не ценят, а главное — не берегут, безответственно растрачивая собственное здоровье. Но так или иначе, актуальная мотивация, истинный объектив-

ный интерес тех, кто полон сил, состоит в защите и совсем юных, *ещё* ничего не умеющих; и старых, *уже* не способных проявить своё умение. Поэтому государство и обязано в своей социальной модели, политике защищать всех. И в этом смысле здравоохранение, медицина, наука, образование как стратегические средства общественного развития, обладающие долговременным, а не сиюминутным эффектом, должны быть предметом особого внимания и заботы государства.

Системная социально-экономическая политика государства в своей юридической фиксации даёт диверсифицированные *гарантии* каждому в его конкретном сегменте общественных отношений, намечая неизбежно связанный с этими гарантиями и правами круг *обязанностей*. Если речь идёт о пожилых, то детально и объективно учитываются трудозатраты, совершённые в прошлом. Если о юных — возможные с их стороны компенсации в будущем, в обмен на блага, которые им гарантированы в настоящем в виде выплат, жилья, образования, трудоустройства и т.д.

Социальная политика многосложна (амбивалентна) по определению, т.к. наиболее органично приближена к живым началам человеческой жизни, противоречивой, полиморфной по самой своей сути. Нельзя однозначно сказать, что одна структура общества только тратит, а другая — только зарабатывает. Социальная политика государства не обладает однозначно «затратным» характером, как и экономика — только «восстанавливающим».

Экономика тоже тратит, а не создаёт; и даже тратит, исчерпывая природные, человеческие и иные ресурсы. Но и в социальной политике государства нет однозначного распыления и траты «в никуда» средств. Это не просто благотворительность, т.к. в процессе осуществления общегосударственных программ накапливается, творится и зарабатывается то самое здоровье общества, которое позже будет тратиться экономикой, даже тем же государством. Можно сказать и так: рыночные структуры зарабатывают те самые финансовые средства, с помощью которых в дальнейшем будет накапливаться здоровье нации, как условие роста той же экономики, как некий ресурс, потенциал, не сводимый к экономико-финансовым показателям, но превышающий по своей значимости эти показатели. Экономика и её модель, как и всякая односоставная модель, — упрощение, т.е. упрощённая картина мира, и пото-

му служебна, вторична. Здоровье физическое, эмоциональное, интеллектуальное, нравственное как предмет особой заботы более сложной социальной модели самоценно и первично в управленческой деятельности государства, наиболее эффективно осуществляемой с помощью социальной политики.

При этом государство, осуществляя свою главную управленческую функцию публично-правового регулирования, согласования интересов (в здравоохранении — жизненных интересов), работает именно как социолог-менеджер и, осуществляя мониторинг общественных интересов, затем управляет этими интересами.

В социальной политике всегда возникает вопрос: ради чего или кого всё это делается? Если такого вопроса нет, если целеполагание не имеет в виду такого блага как здоровье человека и общества, то нет и социальной политики. Юриста, экономиста, управленца, хозяйственника среднего и низшего звена интересуют совсем другие сюжеты — процедурно-технологические, так сказать, «инструментальные» гарантии достижения прибыли. Целеполаганием занимается системный теоретик-исследователь (философ-политолог, социолог) и руководитель высшего звена. Так, Платон говорил в своей работе «Государство», имея в виду именно эту сторону дела, что управлять государствами должны философы, т.е. люди, обладающие всесторонним, целостным видением проблемы. Социальная политика максимально вариативна и ситуативна при постоянном сопоставлении теории и практики.

Итак, говоря о социальной политике государства как способе эффективного управления общественными интересами, следует иметь в виду, по крайней мере, три уровня: 1) должное (теория социальной политики); 2) существующее (наличие гражданского общества и институтов государства); 3) инструментально-технологическое взаимодействие «должного» и «существующего», внедрение теории социальной политики в обычаи и социальные отношения. Лучше — в виде выявления и поощрения уже существующих продуктивных социальных начал.

Чаще же мы пока сталкиваемся с социально-политической практикой только третьего уровня. Вопросы: «зачем внедрять?» а, главное, «насколько это полезно?», «чем социальная политика обернется в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах?» — по-прежнему требуют ответа.

Кроме того, надо иметь в виду, что любая организация (государственная структура, в том числе) должна расходовать на управление средства, не превышающие доходы от деятельности этой организации. Лучше (согласно, скажем, известному американскому историку и политологу И. Валлерстайну), если этот показатель не будет превышать четвертой части финансовых поступлений в организацию. Руководство организации, за предоставляемые им управленческие услуги, в благоприятные периоды развития организации может получать, что совершенно справедливо, высокие доходы, однако в кризисные периоды в собственных же интересах должно разделять вместе со всеми расходы организации. В этом политологическая классика видит продуктивную и оптимальную модель управления, конкретизация которой, на наш взгляд, наиболее явно и происходит в социальной политике.

Социальная политика и лечебное учреждение

Помимо сказанного, важной функцией социальной политики является разработка юридических прав общества на безопасность без ущемления прав пациента на конфиденциальность.

Особенность медицины по сравнению с любой другой деятельностью состоит в особой нигде более не встречающейся близости специалиста не только к запросам или потребностям, а прямо-таки к нуждам, страданиям, иногда на грани жизни и смерти, пациента. В этом отношении рядом с врачом можно поставить только священника. Именно поэтому качество медицинских услуг никак нельзя ограничить, свести к правовой и финансово-экономической деятельности ЛПУ. Действительно, тот, кто богат и может платить за лечение, очень часто пока что в этом лечении не нуждается. А тот, кто стар и болен, — стеснён в средствах... Но дело-то в том, что врач должен практиковать постоянно, чтобы поддерживать свою квалификацию, чтобы быть нужным, когда это потребуется. Иначе может оказаться, что когда его услуги всё-таки понадобятся состоятельному человеку, он не сможет оказать их на должном уровне. Но речь не только об этом. Главное, что в любом случае между врачом и пациентом в силу особо деликатного характера их взаимоотношений должно поддерживаться особое доверие. Если врач не верит пациен-

ту — это полбеда. Но если пациент не верит врачу, то это значительно снижает эффективность медицинской деятельности, лечение перестаёт быть успешным.

Но что такое — доверие? Вероятно, в нашем случае речь должна идти о социально-правовых и информационно-коммуникационных регуляторах, призванных, с одной стороны, обеспечить предсказуемость социальных отношений между врачом и пациентом, что и служит, собственно, источником доверия пациента к врачу (право на врачебную тайну или право на конфиденциальность медицинской помощи). С другой же стороны, позиция врача тоже очень сложна, поскольку в ней отражается необходимость защиты интересов не только обратившегося к нему пациента, но и общества в целом. А у общества тоже есть право — право на безопасность, хотя бы потому, что ряд болезней носит не индивидуальный, а социальный характер и даже может иметь государственное значение, если речь идёт о болезни высокопоставленных госслужащих.

Кроме того, именно при информационных просчётах вероятность правового конфликта между врачом и пациентом возрастает многократно.

И для учреждения здравоохранения, и для пациента значимы: 1) компетентная информация о здоровье граждан, а также то, где она может быть получена; 2) обработка и подача данной информации; 3) правовая регламентация информационных потоков в виде специального законодательства в здравоохранении. Это особенно важно, т.к. совокупность стандартов, выдвигаемых государством по поводу тех или иных социальных отношений, как раз и формирует социально-правовую норму. А совокупность норм как раз и приводит к созданию того или иного учреждения или института, в том числе и в области здравоохранения; 4) использование информации. Как только сведения получены и обработаны, организации, учреждения, институты здравоохранения, гражданское общество, сами граждане должны определиться в выборе действий. Искажения, однобокая и даже частичная подача информации способны существенным образом осложнить отношения между медицинским учреждением и гражданами, врачом и пациентом.

По мнению американских исследователей, в этих проблемах не должно быть неясностей; более того, именно каче-

ство медицинской информации определяет «стратегию и тактику здравоохранения, его управление»¹.

Прозрачность информации, её достоверность, объективность, значимы не сами по себе: всё это призвано подчеркнуть не только юридическую, но и этическую сторону отношений врача и пациента, защитить право на личную жизнь, врачебную тайну и тем самым защитить саму жизнь пациента. И защитить не только медицинскими, но и социально-правовыми, экономическими способами. В этом смысле конфиденциальность — это не только моральное обязательство, определяющее взаимоотношения врача и пациента, это юридическая норма в области информационной политики, защищающая от разного рода посягательства на безопасность клиента, социально-правовая норма-гарантия, характеризующая медицинское учреждение пациенту как надёжное, устойчивое и качественное.

Дело в том, что ЛПУ социально ответственно и перед теми, кого оно обслуживает, и перед теми, кто врачует, т.е. перед медицинским персоналом. Специфика медицинского учреждения в том, что ему менее всего должен быть свойственен так называемый корпоративный интерес. Нельзя противопоставлять интерес врача интересу больного. Нельзя, как это подчас бывает, ставить вопрос так: «как защитить права врача и “засудить” при этом больного». Неправомерна и обратная постановка вопроса. Действительная социальная ответственность учреждения в том, что бесправный врач — это горе для пациента. Как и незащищённый пациент — не в интересах доктора, лечебно-профилактического учреждения, т.к. труд врача в этом случае (что и подтверждает медицинская практика) многократно усложняется. Сложность в том, что в ответственность ЛПУ входит множество обязательств. Например, надо, с одной стороны, оказывать милосердие, лечить; а, с другой стороны, проверять платёжеспособность клиента, его полис и доходы. Если медицинское учреждение не будет этого делать, то оно может попасть в весьма затруднительное финансовое положение, не сможет выполнять свои прямые обязанности, т.е. лечить и оказывать милосердие.

¹ Шмитц Х.Х., Джэймс Ч.А. Обработка внешней информации и здравоохранение // Социологические исследования. № 12. 1995. С. 126.

Но и медицинские учреждения должны быть подотчётными общественности. Речь идёт и о финансовой, и о лечебной деятельности организаций здравоохранения. Так, по крайней мере, поступают в США правительство и властные структуры на уровне штатов.

Больной и врач зависят друг от друга, их права и обязанности неотделимы. Кроме того, суть врачебной профессии в том, что врач защищает не только больных, но и здоровых. Храня врачебную тайну, право пациента на конфиденциальность, врач призван, к тому же, следить и за общим состоянием здоровья в обществе, тем самым охранять право общества на безопасность. Некоторые болезни, например, уже не могут быть только личным делом отдельных граждан. Подчас в интересах самого больного, не говоря уже об окружающих его людях создать ему особый режим лечения, что невозможно без внесения в исцеление элементов гласности. Наркомания, алкоголизм, СПИД, психические и венерические заболевания — это те болезни, которые свидетельствуют, насколько деликатна грань между правом человека на личную жизнь и правом общества на безопасность. Более того, состояние здоровья представителей некоторых профессий (таких, как госслужащие, авиадиспетчеры, медицинские работники, работники сферы услуг и общественного питания и многие др.) просто не может быть закрыто для общественности. Другое дело, что не должно быть юридических неясностей по поводу того, что в случае излечения пациент не будет ущемлён в своих правах, например, в трудоустройстве. Вот это учреждения и организации должны гарантировать. Естественно, в рамках делегированной им государством юридической компетентности. И это тоже элемент социальной политики государства.

На состояние рынка услуг здравоохранения сегодня влияют многие факторы: социальные, экономические, политические, правовые, этические и многие другие. Например, мода, о чём свидетельствует существование, и довольно успешное, косметической, диетической, спортивной медицины. Сложенные вместе, эти факторы и определяют текущее положение здравоохранения не только в России, но и во всём мире. Медицинские учреждения, их руководители обязаны адаптироваться к этим меняющимся условиям, а государство в своей социальной политике — постоянно уточнять соответствующие правовые нормы.

Если же речь вести об экономике, финансах, то ЛПУ — это своего рода индикатор, показатель общественно-экономической работы отрасли, её «градус» болезни или здоровья. Чем хуже положение дел в экономике, тем в более тяжкой форме протекают болезни общества и человека. В рыночных условиях, к примеру, с помощью постоянно меняющихся цен, процентных ставок на кредит и т.п. рынок даёт участникам «производства» в медицинской области объективную экономическую информацию об общественно необходимом количестве и качестве медицинских услуг, поставляемых на рынок и оказываемых пациентам.

Кроме того, в значимую для общественности информацию о состоянии медицинской отрасли и, конкретно, о работе отдельного ЛПУ входят такие важные показатели, как предполагаемая численность работающих, ожидаемый размер оплаты труда, средний объём реализации услуг на одного работающего, возможность использования труда инвалидов и др.

Однако, в социальной сфере экономоцентризм явно недостаточен, поскольку заведомо упрощает ситуацию, пытаясь найти однозначный «количественный» ответ на вопрос, кто и сколько тратит, кто и сколько зарабатывает? Социальные и правовые отношения (в отличие от экономических) куда более многосложны. Поэтому в медицинской деятельности встречается огромное количество исключений из правил. Это происходит ещё и потому, что в жизни очень часто одно и то же лицо — и ответчик, и истец. И должник, и кредитор. И врач, и больной, в конце-концов. Вместе с тем надо помнить: мы приросли социальными отношениями друг к другу. Однако наши права на другого человека (не важно, касается это врача или пациента) ограничены его обязанностями по отношению к третьим лицам. Кроме того, в жизни одновременно представлены не только самые оптимальные, эффективные, но и зачаточные, становящиеся или, наоборот, устаревшие, но ещё существующие формы деятельности и социальных отношений. Причём, первые дискомфортны и отторгаются гражданским обществом. А вторые — комфортны, несмотря ни на какие разумные аргументы. И, тем не менее, эффективные социальные формы (особенно в медицине) имеют право на существование и в первую очередь нуждаются в правовой защите со стороны государства в виде осуществляемой им социальной политики.

О социальной политике судят не по декларациям, а по делам и фактам. А факты таковы, что наше метро и подземные переходы, лестничные пролёты, например, не приспособлены для инвалидов колясок, которых, кстати, выпускается недостаточно и качество их низко. Это говорит о многом. Например, о правовом обеспечении медицинской деятельности в сфере соответствующих товаров и услуг. Как говорится, нет нормы — нет учреждения. А нет учреждения — нет решения определённых насущных проблем.

А рождение больных детей? В древности этот вопрос решался просто: в Риме их сбрасывали с Тарпейской скалы. Наша культура, основанная на милосердии и благоговении перед жизнью (если говорить об уровне должного), т.е. на принципах, идущих от христианства, не может себе позволить такое грубое уравнивание внутреннего и внешнего мира, внутреннего и внешнего здоровья, такой вульгарный и даже жестокий материализм язычества, полагавшего, что только «в здоровом теле — здоровый дух». И здесь медицина должна чётко осознавать собственные мировоззренческие позиции, свято чтить тайну жизни, не навредить ей, как сказано у Гиппократов.

Для личности, для её становления и деятельности требуется пространство, возможность выбора и внутренней свободы. Без этого личность либо не состоится, либо обречена. Заповедь «не навреди!» должна быть перенесена на все сферы социальной жизни, стать своего рода кредо социальной политики.

Последствия узкотехнократического подхода к природе и человеку таковы, что проблемы культуры и нравственности, абсолютная самоценность жизни человека, его здоровье реально как бы отступают на второй план, а сам технический прогресс, связанный с лечением, производством лекарств, поддержанием здоровья и жизни становится, как это ни парадоксально, чем-то самоценным. Разрушение и загрязнение природной среды, а также традиционной культурно-исторической среды обитания, достигшее масштабов, угрожающих здоровью людей и возможности их дальнейшего существования, порождает, в свою очередь, экологическую проблему, которая усугубляется проблемой продовольственной. Интенсификация производства продовольствия, других отраслей, прямо или косвенно связанных со здравоохране-

нием, сопровождается быстрым ростом затрат энергии на единицу продукции. Наблюдается тенденция ухудшения качества продовольствия, негативное влияние его на здоровье людей. Никакие экономические успехи, никакой технический прогресс, взятые сами по себе, не являются оправданием человеческих страданий, увядания природы, ухудшения общественного здоровья.

Простые вердикты во всём, что касается социальной сферы, не работают. Количественные экономические показатели — лишь вспомогательные средства для оптимизации куда более важных показателей социальной политики: здоровья общества и здоровья природы. Точнее, народосбережения и природосбережения, — как говорил писатель А.И. Солженицын. Или, как отмечал в начале XX в. историк и евразиец В.Г. Вернадский, сбережение человеком и страной себя и своего местожительства.

*Социальная политика государства
как «культуросбережение»*

Не менее важно не только телесное здоровье, но и духовное здоровье, которое выражается в «культуросбережении» как условии национальной безопасности и суверенитета страны. Особая роль здесь принадлежит религии. О политике государства по отношению к Церкви следует говорить особо. Здесь же следует хотя бы обозначить такую, значимую для философии политики и права тему: какова роль религии в социально-политическом знании? А если уточнить этот вопрос по отношению к базовой конфессии России²: какова роль Православия в социально-политическом знании?

² По данным последних социологических исследований населения России по всем регионам (статистическая погрешность — 1%), проведённых службой «Среда» в рамках проекта «АРЕНА», 41 % — это православные в Церкви. Православные вне Церкви — 1,5%. При этом верят без религии — 25%. Из них, по возможности, соблюдают все религиозные предписания — 22%, а доверяют Патриарху РПЦ — 15%. А среди представителей 2-й по числу населения конфессии (6,5%) и количество доверяющих Патриарху РПЦ — 16% (См.: Арена. Среда. Атлас Религий и национальностей Российской Федерации. М., 2012. С. 18, 20, 26–27).

Другими словами, главная, в этом случае, проблема: есть ли конструктивные возможности взаимодействия религиозного сознания с научным сознанием? Точнее, Православия с социально-политическим знанием? На серьёзные трудности сопряжения религиозности с социальной сферой указывал Б.Н. Чичерин, который, как известно, ещё при жизни был признан в мировом научном сообществе классиком вместе с Р. Штаммлером и Г. Еллинеком. Он писал об опасностях, свойственных не только религиозной, но и научной сферам, когда вера подменяется досужими фантазиями и становится «безотчётной верой»³.

³ «С помощью безотчётной веры, взятой неизвестно откуда, можно, конечно, сочинить всё, что угодно» (*Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011. С. 19*). И задача науки, как и религии — чёткое обозначение пределов и возможностей аутентичной предметности исследовательской деятельности. «Таково социологическое познание мир, которое должно быть плодом положительной науки, откидывающей всякие фантазии» (Там же). Вместе с тем, считает Б.Н. Чичерин, (совершенно справедливо ссылаясь при этом, кстати, на О. Конта) социология, как и другие науки (допустим, филология, право, политическая экономия, политика, история религия и др.) касаются различных сторон духовного естества человека. «Единственное значение всех этих попыток, — продолжает свою мысль Б.Н. Чичерин, — заключается в том, что они указывают на потребность выяснить себе основы общежития» (Там же. С. 20). Но вот здесь-то — главная сложность, т.к. без религии и метафизики исследования «не в состоянии привести ни к чему, кроме пустых разглагольствований. Как скоро отвергается метафизика, т.е. те рациональные начала, которые всегда служили и служат руководителями человека, как в теоретическом познании, так и в практической деятельности, так исчезает всякая возможность понимания общественных явлений. В той области метафизика не есть только способ понимания; она сама становится явлением, а потому требует изучения» (Там же). Другими словами, отрицание метафизики в науке — это тоже метафизика, но плохая, т.к. основана на самопротиворечивом, отрицающем себя сверхсущностном, внеопытном (именно «религиозном») допущении. Следовательно: «социология, как отвлечённая наука, исследующая основные начала общежития, не может быть ничем иным, как философией общественной жизни, т.е. наукой, по существу своему опирающейся на метафизику» (Там же. С. 21). Добавим, что «отвлечённость» социологии, как, впрочем, и любой другой светской науки следует преж-

В данном случае вместо Бога неминуемо придётся обожествлять человечество, что в силу смертности последнего очень спорно. А достижение таких показателей научности как императивность, общезначимость, аподиктичность, облигаторность невозможно. «Эмпирики, отрицающие метафизику, подобны ученику, который разобрал машину, но не умеет её опять собрать, и в оправдание себе утверждает, что машины в действительности вовсе нет, а есть только отдельные колёса и части»⁴. Заметим, что такие «эмпирики» могут использовать как светскую, так и религиозную риторику. От лица представителей атеистической социологии религии чаще всего звучат такие призывы: надо убрать из социологии типы мировоззрений, стоящих на иррациональных основаниях. Псевдорелигиозные фундаменталисты считают социально-политические дискурсы примером «недостойного обмирщения», «секуляризацией-профанацией» высокой эзотерики. Даже если не принимать в расчёт то, что всякое рациональное опровержение иррационализма — уже верх иррационализма; зададимся следующими вопросами. Как быть с тем, что социальные мотивации людей во все времена были не в ладах с силлогистикой, что «ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона»? Уж не против ли они эстетики, моды, женских вкусов и психологических пристрастий вообще; а то и многих «странных» (мягко говоря) решений в области внутренней и внешней политики в прошлом и настоящем? Как поступать, чтобы «не судить, но спасти»? Сотериология — не для благополучных, праведных и здоровых, а для униженных, оскорблённых и грешных, т.е. для всех? Так или иначе, но самый иррациональный тип мировоззрения основан тоже на вере, но псевдорелигиозной, бессмысленной, слепой, именно «иррациональной», т.е. основанной на очень странном допущении вероятности без религиозной силы конечного, смертного человеческого разума как бесконечного, бессмертного промыслительного могущества, не свя-

де всего из того, что не только не решён, но и не поставлен вопрос: может ли светский организм, любое мирское учреждение быть гносеологическим и онтологическим субъектом. В Церкви в этих случаях единая молитва верующих и евхаристия, как считал А.С. Хомяков, позволяют говорить и о единомыслии, и о причастии к «телу Христову».

⁴ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011. С. 28.

занного ни с бессмертием, ни с бесконечностью — с Христом. Речь идёт о довольно странном для современной науки допущении, что тело — это источник жизни. Всё больше фактов обратного свойства, подтверждающих, что некая непознанная «иррациональная» субстанция (в религии — душа) — источник жизни. С уходом души любое самое здоровое, с медицинско-физиологической точки зрения тело, прекращает своё существование. Религия как раз и обращает внимание не только на соматические, но и управленческие ресурсы жизни и бытия. Отрицание метафизики — тоже метафизика, но только плохая, т.к. это самоотрицание. Такое суждение именно ненаучно, т.к. не имеет качества. Более того, такое суждение, как впрочем, и модное суждение в духе постмодерна о том, что нет не только метафизических суждений, но и вообще общезначимых суждений, т.к. есть не «правда», а «мульти-правды» — самодостаточные, не сообщающиеся друг с другом и не сообщаемые друг другу истины. Как при этом избежать того, что в теоретической социологии называется «информационный тупик», как вообще тогда возможна какая бы то ни было наука, какой бы то ни было герменевтический континуум а, следовательно, — политика и право, даже бытовые социальные отношения, на этот вопрос такие авторы не отвечают. Есть и ещё один вопрос к сторонникам воззрения, согласно которому нет непререкаемых суждений о чём бы то ни было. А само это суждение — «непререкаемое суждение»? Вдумаемся: любой ответ, независимо, «да» это или «нет», не оставляет никаких шансов подобному непродуманному безрассудству.

Вообще, что может быть иррациональней, даже абсурдней плотского благополучия, земного могущества — преходящего и тленного. А ведь именно степени этого «благополучия-могущества» в его степенях (от сильной степени, до очень сильной степени) и изучает однозначно секулярная (в отличие от постсекулярной) социология и политология.

На проблему «одномерно приземлённой ориентации» какого бы то ни было дискурса Отцы Православия смотрели следующим образом. При таком подходе наслаждаются тем, чем надлежит лишь пользоваться; и только пользуются тем, чем надлежит наслаждаться. А если говорить о невозможности использования сакральности в светском обществе, в виду «отделения Церкви от государства» то здесь явно недоразу-

мение. Если взять VI новеллу «Corpus juris civilis» Юстиниана о «симфонии/консонанции» государства и Церкви, то здесь речь идёт вот о чём. Эта норма, впервые провозглашает «отделение» Церкви, но от чего? От административно-принудительных функций верховной правительственной власти. При этом ставится задача — представлять перед лицом высшей светской власти интересы народа и общества, хранить и защищать его культуру с помощью «печалования» (амнистирование и милость к павшим и несправедно осуждённым), смягчая и облагораживая нравы элиты и народа, идя по тяжкому пути «мироношения», т.е. гражданского согласия как взаимного участия, милости и сострадания. Это и есть социальная «симфония» в Православии, в отличие от социальной «гомфонии», где все говорят и делают всё, что им заблагорассудится, но без всякого внимания друг другу и без созвучия друг с другом.

Очень часто Церковь обвиняют в том, что она всегда с властью. Вопрос: кто тогда будет «смягчать сердца», если элиту предоставить самой себе? Опыт показывает, даже будучи рядом с Церковью государство, как аппарат управления мало внимания заступничеству за обиженных и оскорблённых, проповедям и предостережениям. Известно, что Э. Дюркгейм говорил, что исследователь в социальной сфере может быть или «инженером-технологом», исполняющим социальные заказы власти или «клиницистом-врачом», не только предохраняющим власть от нежелательных последствий ошибочных решений, но и от самих подобных решений. Как показывает опыт истории и современности, светские авторы, в силу встроенности в те или иные вертикально-институциональные государственные структуры (свои или зарубежные) чаще всего — «технологи» и лоббируют частные интересы отдельных социальных групп. Интересы социума в целом, во всех его противоречиях, но с точки зрения постоянного стремления к сохранению гражданского мира перед лицом государства и в благополучные, и в длительные кризисные периоды всегда брала на себя Церковь. И мученичество Гермогена в XVII в. и Тихона в XX в., как, впрочем, и несметное количество других примеров, — тому ярчайшее свидетельство. Сейчас, конечно, нет гонений на Православие со стороны государства. Но стремление «отлучить» Церковь со стороны отдельных, пусть и немногочисленных социальных групп, от всего

гражданского общества, превратить ее в резервацию маргиналов и архаиков на лицо. Действительно, как говорил Св. Василий Великий: «Для некоторых Божье слово — хуже рвоты». Почему-то тревожит сам факт проповеди любви и мира в средствах массовой информации. При этом право на проповедь насилия и порока одномерно и лицемерно считается единственным критерием свободы. Много говорится о «сервизизме» Церкви, который на деле есть не что иное как ее «мироношение», а обличения и предостережения со стороны церковных иерархов, перед которыми тускнеет всякая «свободная светская критика» власти, тревожных трендов в культуре, образовании, здравоохранении, экономики, экологии почему-то совершенно игнорируются.

Будем помнить и об этом, говоря о социальной политике государства по отношению к гражданскому обществу.

КРЖЕВОВ В.С.

О прогрессе,
гражданском обществе и либерализме¹

В довольно большом числе работ последнего времени, посвящённых философским и методологическим проблемам современного обществознания, можно отчётливо различить одну характерную особенность — понятия, обыкновенно служившие для осмысления истории человечества, а также для научного описания и классификации различных человеческих обществ — как в диахронном, так и в синхронном планах — ныне нередко интерпретируются в контексте суждений иного рода — суждений сугубо оценочных, молчаливо отсылающих к заранее принятым ценностным шкалам. Эти последние, в свою очередь, явно или неявно соотносятся с задачами отнюдь не академического, а сугубо практического, даже утилитарного, свойства. В качестве примера приведём размышления о прогрессе, принадлежащие одному из наших маститых авторов, признанному авторитету в области политической философии, Б.Г. Капустину. В статье, написанной специально для университетской группы «Терра Америка», он замечает, что: «"Прогресс" как явление культуры — специфический продукт Просвещения, и возникает он в качестве формы самоосмысления нового «буржуазного» общества и одновременно — в качестве способа/стратегии его *самоутверждения*, что, естественно, включает в себя *дискредитацию и идеологическое подчинение* бывших в то время альтернативными

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00514 «Концептуализация общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании».

ему социальных формаций и укладов»². (Курсив мой — В.К.) Нетрудно видеть, что здесь слово «прогресс» используется для решения круга задач, очень далёких от проблематики социально-исторического познания.

Помимо термина «прогресс» в ряду интерпретируемых подобным образом понятий пребывает целый ряд категорий социально-философского знания — «разум», «нравственность», «современность», «модернизация», издавна играющих ключевую роль в философском и научном дискурсе. Ныне их число пополнилось часто употребляемым термином «глобализация». Трактовка этих терминов в охарактеризованном выше значении в сущности приводит к тому, что в логике называется «подменой тезиса» — из разряда научных обсуждаемая проблема нечувствительно переводится в категорию идеологических. А здесь названные понятия зачастую трактуются как всего лишь словесные маски, призванные прикрыть и облагородить действия, направленные к одностороннему обеспечению интересов некоторого общества и/или социальной группы. По логике такой трактовки человеческие общности, в известный период времени доминирующие на арене мировой истории (или в отдельно взятом сообществе), во имя самоутверждения и самооправдания сами себя возводят в ранг «разумных», «нравственных» и «прогрессивных». А отсюда главной задачей общественно-политической мысли всё чаще провозглашается разоблачение, «срывание» этих масок — для солидности эти процедуры именуются теперь учёным словом «деконструкция». Итогом этих усилий должно стать обнаружение «подлинности голой» прикрываемых высокими словами, но по сути всегда низменных притязаний на господство и подавление всего «иного».

Спора нет, такая трактовка бывает вполне правомерной — применительно к конкретным условиям и обстоятельствам. Названные понятия действительно могут служить достиже-

² Капустин Б.Г. «Разочарование как шанс на утопию» // Интернет-портал «Терра Америка», Terra America.run, 09.01.2013. Заметим в скобках, что, руководствуясь той же логикой, вполне можно было бы говорить также о «само-осмыслении» и прочих упомянутых в цитируемой фразе атрибутах общества, почитавшего себя «социалистическим», но Б.Г. Капустин, исполненный, как можно судить по многим его текстам, антибуржуазных настроений, предпочитает об этом умалчивать.

нию практических целей, большая часть которых обнимается общим термином «легитимация» (заметим попутно, что такие цели далеко не всегда враждебны интересам общества в целом — о чём нередко забывают любители разоблачительных «деконструкций»). Но при этом хорошо бы всё-таки соблюдать одно очень важное правило — подобные интерпретации не могут и не должны считаться единственно верными. Именно в силу многозначности содержания ряда терминов социально-исторического знания очень важно всякий раз чётко определить, в каком качестве они используются — как термины академического дискурса или как составляющие иного языка, служащего для решения задач, далёких от задач научного знания. Поскольку внешне эти понятия неразличимы, они, как было сказано, могут легко и незаметно оказаться перемещёнными из одной системы координат в другую, в забвении (или намеренном игнорировании) того, что каждая из таких систем обладает существенно различной семантикой. И совсем плохо дело оборачивается в тех — также нередких — случаях, когда лишь одно из нескольких возможных значений терминов объявляется единственно правильным, преодолевающим «иллюзии» и «заблуждения», порождённые прежними «неправильными» трактовками.

Понятно, что поставив вопрос таким образом, мы оказываемся перед необходимостью внятно сформулировать те критерии, которые позволят понять, с какого рода текстами мы имеем дело и для решения каких задач они были созданы. Представляется, что когда наши усилия направлены к изучению социальных процессов, а главной целью является выяснение причин и условий, порождающих наблюдаемые изменения, в качестве таких критериев служат регулятивные принципы научной мысли — предлагаемые суждения должны быть предельно ясными, непротиворечивыми, поддаваться независимой объективной проверке и быть свободными (или, как минимум, предельно дистанцированными) от ценностной ангажированности. Другими словами, понятийный аппарат и выраженные в нём результаты социально-исторических исследований должны отвечать общим требованиям, предъявляемым ко всему корпусу научных знаний. Ведь что бы там не говорили сторонники радикальной трактовки методологических установок «социологии знания», вряд ли нужно доказывать, что отказ от соблюде-

ния этих требований обесмысливает любые попытки получить достоверную информацию об обществе и его трансформациях. В этом случае научная дискуссия автоматически уступает место пустопорожним препирательствам, целью которых является не выяснение истины, а голословное утверждение собственной правоты — главным образом, путём обличения оппонентов в корысти и/или невежестве.

В свете таких соображений заслуживает внимания наблюдаемая в последние десятилетия ценностная инверсия понятия «прогресс». На протяжении более чем двух столетий оно служило для обозначения благотворных изменений в жизни общества — как уже совершившихся, так и ожидаемых в недалёком будущем. В силу этого понятие «прогресс» оказалось тесно связано со специфической трактовкой принципа историзма, выражая представление об основном содержании истории человечества как неуклонном «движении вперёд». Большей частью такое понимание сопрягалось с убеждением в пред заданном и потому непреодолимом стремлении человечества к некоторому высшему состоянию. Тем самым наряду с ретроспективным наличествовал и перспективный, футурологический план — здесь «идея прогресса» выражала устремления людей к безоблачному, всецело благополучному будущему. Эти устремления подкреплялись если и не общепринятым, то весьма широко распространённым убеждением, что «прогрессивное развитие» обусловлено неким объективным законом, действие которого проявляется в неукоснительно совершающемся восходящем движении человечества.

Таким образом, в европейской культуре — как в массовом сознании, так и в академических кругах — положительные коннотации этого термина в течение долгого времени несомненно преобладали; такое понимание дополнительно оттенялось соотношением с понятиями, служившими для обозначения сохранявшихся в обществе негативных явлений. В этом плане «прогрессивное» противостояло всему тому, что воспринималось как косное, отжившее, как помеха на пути обретения «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». И поскольку преодоление этих препятствий требовало направленных усилий, «борьбы», представления о прогрессе и его «представителях» в человеческом обществе практически неизбежно полагались в основание партийно-

политических программ определённого типа. Силой обстоятельств акценты в этих программах нередко переставлялись, выдвигая на первый план уже не созидательные задачи, а требования подавления и даже уничтожения «реакционных сил», злонамеренно противостоящих устремлениям к «общему благу».

Нетрудно видеть, что в эти очень общие, абстрактные формулы можно подставить весьма далеко друг от друга стоящие, и даже взаимоисключающие значения — приведённая схема отвечает и концепту «прогресса на путях сознания свободы», и идее «классовой борьбы в процессе построения коммунизма», и представлениям о миссии некоей «высшей расы», избранной для увенчания истории человечества. Но во всех этих вариантах, как уже отмечалось, каждая из противоборствующих сторон неизменно мыслила себя выразителем и деятельным агентом «прогрессивных изменений», а своим противникам предрекала участь оказаться «выброшенными на свалку истории».

Однако во второй половине XX века уже нельзя было игнорировать катастрофическое расхождение между расхожими клише «прогрессистов» и ужасающими событиями истории этого столетия — две самых кровавых мировых войны, унёсшие жизни десятков миллионов людей, массовые репрессии, геноцид целых народов. И всё это, во-первых, большей частью преподносилось как «борьба за прогрессивные преобразования», а во-вторых, совершалось с применением новейшей техники и средств связи, управления и контроля. Научные открытия и достижения инженеров — т.е. как раз те зримые воплощения могущества человеческого разума, с которыми связывались упования на лучшее будущее, на деле оказались орудиями невиданного прежде насилия и порабощения. Практически неизбежным результатом стала радикальная «переоценка ценностей». Как отмечает в своей статье Т. Шанин «В конечном итоге идея прогресса превратилась в могущественную идеологию порабощения. Во имя ее вершились и вершатся акты поразительной жестокости, оправдываемые «великим будущим», а потому допустимые, более того, мыслящиеся как прямые обязанности элит»³. В этих условиях быть «прогрессистом» стало попросту неприлично

³ Шанин Т. Идея прогресса // ВФ. 1998. № 8. С. 33–37.

но — человек, вопреки всему всё ещё пытавшийся мыслить в категориях «века Просвещения», почитался в лучшем случае наивным и прекраснодушным визионером, а большей частью — злонамеренным лицемером, стремящимся прикрасить и оправдать заведомые преступления пустыми разговорами о «лидерах поступательного хода истории», устремлённой к лучезарному будущему. Наряду с этим общественная мысль в своём мэйнстриме решительно отказалась от попыток разработать равно приложимый ко всем человеческим обществам и культурам «универсальный эталон», посредством которого можно было бы оценивать и измерять меру прогрессивности каждого из них. Ещё одним печальным итогом совершившегося таким образом переворота в мировоззрении стала реанимация пессимистических представлений о порочной в самой своей сути «природе человека», его фатально непреодолимой приверженности злу и насилию. Именно в этом стали видеть главную причину трагедий XX века, именно так — «объяснять», почему «прогресс науки и техники» привёл к результатам, прямо противоположным тем надеждам и упованиям, которые связывались с ним в конце позапрошлого столетия.

Представляется, однако, что можно и должно взглянуть на проблему общественного прогресса под другим углом зрения. Реальная история XX века вне всякого сомнения резко разошлась с ожиданиями и надеждами, а осознание этого обстоятельства закономерно вылилось в нарастающее разочарование и пессимизм. Но если отвлечься от преобладающих в массовом сознании *настроений*, и попытаться осмыслить произошедшее аналитически, что называется, «без гнева и пристрастия» — не окажутся ли приведённые выше историософские сентенции скоропалительными и поверхностными? Является ли в действительности завышенная оценка возможностей разума главной причиной человеческих трагедий в новейшей истории, или всё-таки следует искать иное объяснение? Может быть, дело не столько в избытке претензий, сколько в недостатке наших *знаний* о процессах общественного развития, о причинах и механизмах, обуславливающих ход и исход этих процессов? Возможно, крах наших ожиданий обусловлен именно их скороспелостью и необоснованностью? Наконец, следует ли, размышляя о культуре и её роли в истории, сосредотачивать всё своё внимание на культур-

ном разнообразии, доводя представления о различиях между культурами разных эпох и народов до степени несопоставимости, и совершенно забывая о сходстве между ними, сходстве, обусловленном *тождественными функциями* культуры в жизнедеятельности общественного человека? И ещё один разворот того же вопроса — даёт ли разочарование в «прогрессе» достаточные основания для «возврата к корням», для обращения к «исконным традициям» как надёжному средству преодоления кризиса, охватившего современное человечество? Можно ли всерьёз говорить об использовании прошлого опыта в условиях и обстоятельствах, никогда прежде не встречавшихся в человеческой практике? Всё это очень непростые вопросы, но важно понять, что «разочарование» — это эмоциональная реакция, а судорожные попытки поправить положение дел, не разобравшись в причинах, приведших к непредвиденному исходу, могут лишь усугубить проблемы, одолевающие человечество XXI века.

В этой связи стоит напомнить, что сомнения в автоматическом наступлении благотворных последствий роста научных знаний и их технологического применения высказывались ещё в XIX в. Понимая это, К. Маркс, обращаясь к проблеме условий и факторов общественного прогресса, делал сильный акцент на роли классовой структуры и межклассовых отношений. Отсюда рассмотренный в самом общем плане прогресс общества в его концепции связывался с *преодолением* частной собственности, и, как следствие, с исчезновением классов и преобразованием общества в систему свободных самоуправляемых коммун. При этом, не вдаваясь в детали проектирования грядущего общества, Маркс всё же указывал на одно граничное условие, или необходимейшую предпосылку, его возникновения. Этим условием, этой предпосылкой — вопреки прямому указанию «Коммунистического манифеста» — являлась отнюдь не *ликвидация* института частной собственности. Дело в том, что согласно логике разработанного Марксом метода, исчезновение частной собственности оказывается возможным тогда, и только тогда, когда развитие производительных сил приводит к качественному выравниванию всех видов общественного труда. Только при этом условии отпадает *необходимость* осуществления продуктообмена в *форме обмена товарами*, а, следовательно, частная собственность на средства и результаты производительного труда

становится ненужной и бесполезной. Наиболее важно здесь то, что подобное преобразование может совершиться отнюдь не в силу одного лишь волевого решения, пусть и подготовленного ростом классового самосознания пролетариата и обусловленной этим готовности к «справедливому» (читай — уравнительному) перераспределению объектов собственности, а лишь потому, что люди *перестают быть вынужденными* подсчитывать стоимостные эквиваленты обмениваемых потребительных ценностей и тем самым преодолевают существовавшую до того зависимость от своего положения в системе товарно-денежных отношений. Весьма важным для понимания сути проблемы моментом является не раз отмеченная Марксом зависимость от этой системы *обоих классов* — и собственники-предприниматели, и наёмные рабочие в своих решениях и действиях в последнем счёте подчиняются никем не управляемой, стихийной динамике состояний рынка. При этом, разумеется, каждый класс следует своим особым интересам, но при этом оба взаимно полагают друг друга и потому обойтись друг без друга никак не могут. Из всего этого следует, что до тех пор, пока сохраняется неравенство видов труда, сохраняется и *товарообмен* как основная форма общественных отношений. Но тем самым сохраняется и институт частной собственности, поскольку он является *необходимой предпосылкой* формирования таких отношений. А вот отменить эту необходимость одной лишь передачей прав собственности в руки государства никак невозможно. Дело в том, что в этом случае меняется только фигура собственника — множество обособленных частных лиц замещается одним-единственным верховным *частным собственником* — в лице государственного аппарата⁴. С другой стороны, остальная *часть общества* — т.е. все те, кто непосредственно не входит в структуры государственной власти, оказываются в положении лишённых собственности (экспроприированных) трудящихся. К тому же эти последние утрачивают в значи-

⁴ Подробнее об этом см.: Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества. М., 2008. Тем, кто считает некорректным соединение в характеристике этой формы собственности атрибутов «государственная» и «частная», напомним известное высказывание Маркса о «государстве как частной собственности бюрократии».

тельной мере статус свободных участников рынка труда, поскольку теперь они оказываются вынужденными работать согласно предписаниям государства, тотально контролирующего процесс общественного производства.

Замаскировать подобное положение вещей было призвано номинальное провозглашение производимой массы богатства «общественным достоянием». Заодно товарообмен объявлялся «ликвидированным» — на том лишь основании, что вместо закона стоимости в ранг «основного закона социалистической экономики» возводилось положение о «неуклонном повышении благосостояния трудящихся». Несостоятельность всей этой демагогии становится очевидной, как только принимается во внимание непреложный факт — деньги, как единственный инструмент вычисления и выражения товарной (меновый) стоимости производимой продукции, благополучно (или не очень) функционировали на всём протяжении истории «социалистического общества». Но обращение денег предполагает обращение *товаров* — и, стало быть, мы несомненно имеем дело с товарно-денежными отношениями — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно, что утверждение государственной частной собственности довольно серьёзно меняло характер функционирования всей системы — роль основного регулятора пропорций производства перешла от свободного товарообмена к централизованному распределению и перераспределению. В силу этого движение товаров и денег совершалось не по имманентным законам рынка, а деформировалось действием сильно подверженных произволу высшей бюрократии механизмов централизованного распределения. Тем не менее, в «социалистическом обществе» несомненно сохранялось главное — закон стоимости по-прежнему господствовал над людьми, всего лишь проявляя своё господство специфическим образом. Отсюда ни благие поначалу намерения революционеров, ни провозглашение государства «властью рабочих и крестьян» не могли отменить зависимости, необходимо порождаемой этой формой общественного устройства — люди работали на условиях и под контролем консолидированного собственника — правящей бюрократии, а размеры их заработка существенно зависели от её усмотрения. Дело в том, что организация, сосредотачивающая управление ресурсами в руках правящей верхушки, автоматически превращает её в главного получателя и рас-

порядителя всех видов ренты, а всех прочих — в зависимых просителей, конкурирующих за обладание долями ренты, назначаемыми по усмотрению «высшей инстанции». И такой порядок воспроизводится на всех уровнях общественной иерархии. Немаловажно и то, что в этих обстоятельствах произвол работодателя-бюрократа мог негативно сказаться на положении работников в гораздо большей степени, нежели в системе свободного трудового найма по договору, где стоимость рабочей силы варьирует под воздействием объективно складывающихся балансов спроса и предложения⁵.

Из сказанного следует, что незадачливые последователи Маркса, попытавшиеся реализовать программу построения «прогрессивного социалистического общества» в отдельно взятом (т.е. без учёта международного разделения труда) СССР, совершенно проигнорировали самое главное в марксизме — идею объективно-необходимой обусловленности структурных форм общества. Оставив без внимания важнейшую предпосылку преобразования социальной структуры, большевики совершенно закономерно получили те последствия своих усилий, какие только и могли реализоваться при имевшихся тогда наличных условиях. С учётом существовавшего в дореволюционной России весьма значительного неравенства видов труда и наряду с этим — практически полного отсутствия политической и правовой культуры, присущей демократическим государствам, консолидация прав собственности в руках государственного аппарата никак не могла привести к «освобождению трудящихся», но зато обусловила возникновение сверх централизованного — т.е. интегрированного преимущественно по вертикали и вдобавок значительно милитаризованного общества со всеми его классическими атрибутами — бесконтрольной бюрократией, значительным преобладанием военной промышленности над всеми прочими видами производства, привилегированным

⁵ Достаточно ярким примером такого произвола может служить бытовавший все годы советской власти идеологически мотивированный принцип начисления заработной платы т.н. «ИТР» (инженерно-техническим работникам). Зарботок низшего и среднего звеньев в этих профессиях — при достаточно высоком уровне квалификационных требований — был заведомо ниже зарплаты рабочих, поскольку последние входили в состав «класса-гегемона».

положением силовых ведомств, и особенно — тайной полиции, довольно быстро получившей статус «государства в государстве». Но поскольку такая организация общества мало эффективна, её существование в относительно продолжительных интервалах времени возможно только при условии богатства ресурсами; если их достаточно много, правящий бюрократический клан может какое-то время распределять их по своему благоусмотрению, игнорируя требование поддержания необходимых стоимостных пропорций между основными сферами общественного производства. В случае СССР не последнюю роль играли также иллюзии относительно прочности режима и его возможностей. Но чудес не бывает — рано или поздно затраты на поддержание системы заметно превышают отдачу и общество оказывается перед выбором — либо сменить тип организации, либо оказаться в зоне нарастающей неустойчивости и умножающихся рисков.

Принимая всё это во внимание, можно ли считать обоснованными утверждения, что крах социализма советского типа якобы доказывает, что созданная Марксом теория общественного прогресса «полностью провалилась», что она «не имеет никакой научной ценности, будучи предвзятой идеологической конструкцией», «не подтверждается фактами», и т.д., и т.п.? Скорее напротив — внимательный и непредвзятый анализ весомо свидетельствует, что ход истории в XX столетии получает наиболее полное и аргументированное объяснение как раз на основе базовых положений этой концепции. Конечно, её сторонникам уже пришлось и ещё придётся в дальнейшем корректировать некоторые представления о характере и способах преобразования общества, в том числе признав значительно большую значимость факторов духовной культуры, особенно в локальных ситуациях общественно-политических кризисов. Но базовая, фундаментальная идея Маркса, согласно которой крупномасштабные трансформации социальной структуры совершаются по закону, требующему известного соответствия между уровнем развития производительных сил и формой производственных отношений — эта идея на сегодня остаётся вполне работоспособной — при условии корректной её интерпретации и применения. Тем самым работоспособной остаётся и концепция исторического прогресса человечества — если понятие «прогресс» трактуется не как удобная идеологам, а служит

целям научного постижения истории, требующего, как было сказано в начале этой статьи, выявления и использования объективно-верифицируемых критериев, позволяющих оценить наличное состояние того или иного общества. Другим неперенным условием является решительный отказ от попыток рассматривать прогрессивное развитие человечества как фатальный процесс, неминуемо ведущий к предустановленному финалу. Никакой «обречённости» на грядущее счастье эта концепция не сулит и не подразумевает, поскольку в современной трактовке в ней не содержится представлений о существовании некоторого «закона», обуславливающего неперенное «совершенствование» общества путём перехода с одной предопределённой ступени развития на другую, более «высокую». Сегодня представление о законосообразности хода истории существенно иное, нежели то, что было в разработано в философии истории Гегеля. Коротко говоря, оно опирается на идею о том, что поддержание устойчивого развития человеческих обществ требует выполнения ряда объективно-необходимых условий — наличия орудий труда с таким КПД, который позволяет минимизировать затраты сырья и энергии; работников, владеющих соответствующей квалификацией; социальной организации в такой форме, которая позволяет свести к минимуму напряжения и риски открытых конфликтов; духовной культуры, главные черты которой — свобода мысли и ориентация людей на сотрудничество при сохранении значительного разнообразия и высокой интенсивности коммуникаций. Понятно, что общество должно также располагать институтами, позволяющими стабильно воспроизводить и совершенствовать названные элементы. Мера выполнения этих требований как раз и называется тем объективным критерием, который позволяет непредвзято судить о степени прогрессивности того или иного сообщества.

Переходя к проблемам гражданского общества и либерализма, нужно отметить, что понятия, выработанные для осмысления этих феноменов, за время своего существования в культуре были переосмыслены примерно в том же ключе, что и понятие «прогресс». Так, «гражданское общество», со времён Гегеля служившее для характеристики формы социальной организации особого типа, значительно отличающейся от предшествующего ей сословного общества, теперь по пре-

имуществу служит для обозначения совокупности самодеятельных общественных организаций, преследующих разнообразные цели некоммерческого характера. Известная расплывчатость, нечёткость смысловых границ употребляемого в таком значении термина дала повод уже упоминавшемуся Б.Г. Капустину для иронического замечания в том духе, что, несмотря на частоту упоминаний, «гражданское общество» следует уподобить Кэрролловскому Чеширскому коту и его улыбке. Согласно этому автору, в итоге шедших длительное время многоречивых дискуссий с участием крупных авторитетов «Наступает момент окончательного обнаружения отсутствия Чеширского кота. <...> ... улыбка, ..., т.е. моральная привлекательность гражданского общества, есть, а самого кота, т.е. социологически обнаруживаемого гражданского общества, нет»⁶. (Курсив мой — В.К.)

Думается, однако, что столь радикальный вывод и поспешен, и не обоснован. Аргументировать это утверждение достаточно несложно — если только повнимательнее присмотреться к той самой «эмпирической действительности», в которой, по мысли Б.Г. Капустина, никак не удаётся «уловить» наличие «гражданского общества». Как и всегда в социально-исторических исследованиях, решение занимающей нас проблемы обуславливается методологией анализа. В доводах, приводимых в доказательство отсутствия гражданского общества и, соответственно, социологической пустоты и бессодержательности соответствующего понятия, можно выделить три основных типа. Первоначально речь идёт о том, что это словосочетание рождено в головах небольшого числа оторванных от грешной земли интеллектуалов, а потому выражает всего лишь их прекраснородушные упования, ведь в реальном мире не существует созданной их воображением общности высокоморальных индивидов, исполненных социальной ответственности и гражданской солидарности. Эти соображения иллюстрируются ссылками на ряд работ современных западных авторов, среди которых одно из важнейших мест отводится Ю. Хабермасу с его теорией «коммуникативного сообщества»⁷. Однако правомерен вопрос — даже если признать претензии к концепциям этих авторов справедливыми

⁶ Капустин Б.Г. Критика политической философии. М., 2010. С. 31, 32.

⁷ Там же. С. 30–32.

ми, то почему это доказывает отсутствие гражданского общества? Возможно, в «эмпирической действительности» и правда нет того, о чём они пишут, но это претензия к созданным ими текстам, но никак не доказательство отсутствия объекта описания.

Другой ряд аргументов производит впечатление большей основательности. Главным здесь становится неопровержимый по видимости довод, что коль скоро гражданское общество провозглашается независимой от государства сферой социальной жизни, то бесспорные факты всё более и более нарастающей государственной поддержки институтов этой сферы демонстрируют фантастичность этого критерия. Какая уж там «независимость», если теперь «государство всеобщего благоденствия» тратит на социальные нужды прямо-таки астрономические суммы. И поскольку очевидно, что без такой подпорки предполагаемое «гражданское общество» не проживёт и дня, то следует признать, что мы имеем дело с чем угодно, но только не с тем, что, по определению, от государства зависеть не может и не должно. Не вдаваясь за неимением места в подробный разбор этой аргументации, отмечу только, что вся она построена на некорректном использовании термина — в данном случае «гражданское общество» неправомерно используется для обозначения специфической группы получателей разнообразных социальных трансфертов, что, как понятно, далеко не одно и то же.

И наконец, самый, пожалуй, ударный довод, так сказать, «ultima ratio» — призван окончательно развеять иллюзии относительно существования в современном мире «гражданского общества» как «зоны свободы, равенства и солидарности». Состоит этот довод в следующем: поскольку общество вне всякого сомнения всегда являет собой иерархически организованную систему с достаточно жёсткой субординацией социальных ролей и отвечающей ей совокупности правил, регламентирующих социальное поведение и отношения между людьми, ни того, ни другого, ни третьего в общественной жизни нет и быть не может. Здесь, как можно видеть, опровергается не столько существование гражданского общества, сколько общая правомерность использования категорий «свобода, равенство и солидарность» для осмысления человека и форм организации его деятельности. Таким образом, вопрос из сферы компетенции социологии и теории

государства и права переводится в область философии. Ну, а здесь уже довольно давно были преодолены представления об абсолютной, не знающей никаких ограничений, свободе и столь же абсолютных «равенстве» и «солидарности». При более взвешенном подходе обнаруживается, что всё это понятия соотносительные, более того, допускающие количественные сопоставления, и что, стало быть, можно говорить о мере, или о различных степенях — и равенства, и солидарности, и особенно свободы, привязывая эти характеристики к различным формам общественного устройства. Именно здесь, как представляется, проходит основной нерв дискуссии, наиболее отчётливо очерчивается её смысловое пространство.

Что же в этом плане можно было бы предложить в качестве альтернативы радикальному скепсису критиков концепции «гражданского общества»? Принимая во внимание все соображения относительно опасности оперирования преукрашенными иллюзиями, а также требование учитывать реальные факты — т.е. делая своей целью изучение «действительной жизни общества в отличие от мыслей об этой жизни», следует, как уже было сказано, сосредоточиться на сравнительно-историческом анализе форм социальной организации, не пренебрегая при этом анализом типологическим.

Во избежание отмеченной выше понятийной нечёткости и размытости определений представляется целесообразным возвратиться к некогда преобладавшей трактовке понятия «гражданское общество», восходящей к работам Г.В.Ф. Гегеля, при этом особо выделив те исторически новые черты, которые присущи обозначаемому таким образом феномену. Здесь прежде всего следует иметь в виду очень важное обстоятельство — *гражданское общество исторически формируется и укрепляется по мере разложения и распада предшествующего ему общества сословного*, постепенно «замещая» его собой. В терминах Гегеля эта историческая трансформация осмыслена следующим образом — становящееся гражданское общество конституируется на основе двух взаимоположенных принципов — «Одним ... является конкретное лицо ... как особенная цель, ... но существенно соотносящееся с другой такой особенностью ... так что каждое из них утверждает свою значимость и удовлетворяется только как опосредованное другой особенностью и вместе с тем как всецело опосре-

дованное только формой всеобщности, другим принципом гражданского общества»⁸.

Иными словами, в понятии «гражданского общества» фиксируется два важных момента — во-первых, это принципиально новый способ обособления индивидов: принадлежность человека к сословию заменяется на положение «частного лица»; во вторых — это изменившийся характер связей между такими лицами. В целом же мы получаем картину общества, где наличествует автономная сеть зависимостей, образующих структурную целостность, впервые в истории очень чётко отграниченную от «государства». Это последнее, в свою очередь, рассматривается исключительно как пребывающий вне и над этой автономной целостностью институт публичной власти. Таким образом, понятие «гражданское общество» описывает изменения в положении некоторого политически интегрированного множества людей, обладающих отныне одинаковым, общим для всех правовым статусом (граждане государства), но при этом не входящих в публичные властные структуры (аппарат государственной власти). Принимая во внимание эти соображения, представляется, что основной акцент в анализе гражданского общества должен быть сделан именно на существовании такой структуры социальных связей (заметим, вполне наблюдаемой), где основным элементом являются автономные самостоятельные индивиды — частные собственники, или суверенные лица — носители неотъемлемых прав, соблюдение которых гарантируется институтами публичной власти. Отсюда ясно, что формирование второго структурного уровня гражданского общества — т.е. совокупности некоммерческих и непрофессиональных институтов и организаций, возможно на базе сложившейся системы первичных отношений между свободными частными лицами.

И, наконец, последнее — со ставшим давно привычным, но тем не менее важным уточнением — «last but not least». Термин «либерализм» в нашем социальном и общественно-политическом дискурсе довольно давно стал чем-то вроде бранного слова, служащего для обозначения людей и умонастроений, якобы более всего способствовавших кризису, свыше двадцати лет сотрясающему наше Отечество. «Либе-

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227.

ралы» — или, как иногда говорят, желая как можно резко подчеркнуть уничижительный смысл наименования — «либерасты», воспринимаются как сторонники и пропагандисты совершенно чуждых и потому наиболее опасных для «нашей культуры» идей, ярые враги «государственности», проводники враждебных «нам» интересов и «агенты влияния» иностранных и тоже враждебных держав. Вся эта риторика охотно подхватывается не только публицистами известного толка, но и многими и многими представителями официальных властей — административной, законодательной и даже судебной, в том числе занимающими самые высокие посты в государстве. В тесной связке с термином «либерализм» обыкновенно используются также выражения «права человека» и «правовое государство» — также давно и, кажется, безнадежно скомпрометированные. Причин тут две — во всяком случае, две главных — во первых, это тяжелейшие обстоятельства, сопутствующие процессу преобразования общества и государства, начавшемуся в 90-е годы. Процесс этот, нельзя не признать, встречает сильнейшее противодействие практически во всех слоях и социальных группах российского общества и потому жизненно необходимые ему преобразования осуществляются очень медленно, вяло, непоследовательно, сопровождаясь множеством возвратных движений, что, в свою очередь, усугубляет кризисное состояние, неизбежное при любой крупномасштабной трансформации. О второй причине отчасти уже было сказано — это массивное насаждение (иначе не скажешь) охарактеризованных выше сугубо негативных представлений о сути либерализма как особой политической философии и о либерально-демократическом государстве как форме политической организации. Разумеется, любому осведомленному и непредубежденному человеку ясно, что эти представления более чем далеки от истины, что насаждаются они людьми по большей части либо предвзятыми и злонамеренными, либо очень смутно представляющими себе действительный смысл этих понятий и тех феноменов, которые они выражают. Понимая, что с оппонентами такого рода ответственная полемика попросту невозможна, обратимся к текстам, критически осмысляющим либерализм с позиций, претендующих на академическую беспристрастность и основательность. Здесь главным источником опять становятся работы Б.Г. Капустина — что поде-

лаешь, «положение обязывает», а в данном случае это положение автора, действительно, как уже отмечалось, занимающего сегодня самые высокие позиции в нашей философской и политической мысли.

Итак, Б.Г. Капустин совершенно справедливо полагает, что интерес к либерализму и истории либеральной мысли оправдан лишь тогда, когда в центре внимания оказывается ключевая проблема. «Эта проблема, — пишет он, — осуществимость общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (т.е. способность и возможность) человека действовать по своему усмотрению»⁹. При этом оговаривается, что сторонники либерализма якобы так никогда и не смогли договориться о том, «...что входит в подобное усмотрение и чем оно определяется, каким оказывается соответствующий этому условию общественный порядок,...»¹⁰. Оставляя в стороне все менее существенные соображения, попытаемся сразу определиться по этому главному пункту. Действительно, среди представителей либерального лагеря были и есть многочисленные разногласия, в том числе и по важным вопросам. Но признавая это, всё же никак невозможно согласиться с тем, что либералы не в состоянии сформулировать основное содержание исходных «усмотрений» человека, исповедующего принципы индивидуальной свободы, а равно и с тем, что им неясна форма подобного с этими принципами общественного порядка. Ровно наоборот, именно здесь с самого начала царила полная определённости — либерализм предполагает, что свобода индивида преследовать личные цели не может быть стеснена ничем, кроме такой же свободы, принадлежащей каждому из членов сообщества, и всем им, вместе взятым. Принцип этот нашёл наиболее точное выражение в чеканном афоризме К. Маркса «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». И этот же принцип полагается в основание общества, готового принять и отстаивать свободу и права человека в качестве образующего принципа — как в сфере публичной, политико-правовой, так и в области моральных требований и сообразных с ними оце-

⁹ Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах // ПОЛИС (Политические исследования). 1994. № 3. С. 14.

¹⁰ Там же.

нок социального поведения. Только на этом основании либеральная мысль допускает суверенность частных лиц и их интересов — поскольку отдаёт себе отчёт в том, что без такого основания общество действительно оказалось бы в состоянии нескончаемой «войны всех против всех». Разумеется, нельзя не признать, что на этом уровне анализа речь идёт, если угодно, об «идеальном типе», или, как сказано, об общих принципах такого общественного устройства, которое позволило бы практически реализовать установки политической философии либерализма. Но ведь первоначально вопрос и был поставлен именно об этом — о возможных общих принципах общественного устройства. А вот теперь важно обратиться к другой составляющей этой проблемы. Речь о правомерности использования общих, взятых без всякой дальнейшей конкретики, понятий: «частные лица», преследующие свои частные, «конечные» цели, заведомо не совпадающие «с условиями и целями существования общественного целого» — таковы, как утверждает Б.Г. Капустин, отправные положения и аппарат «общелиберальной» методологии¹¹. При этом подчёркивается, что эти «частные лица» всегда рассматриваются в либерализме изолированно, «без определенных опосредующих интересов и действия индивидов установлений и механизмов»¹². Возможно, эти претензии справедливы в отношении мыслителей XVII–XVIII столетий, а равно всех тех, кто и в последующее время не преодолел иллюзии относительно возможности существования изолированных индивидов, предстающих «частными лицами» независимо от того, в каком именно обществе они живут и действуют. Но после работ Маркса, утвердивших в социальной мысли представление об общественной природе человека, о том, что «человек — это такое существо, которое только в обществе может обособляться», такие претензии выглядят явным анахронизмом. Ведь из Марксовой концепции непреложно следует, что мера свободы человека всякий раз зада-

¹¹ Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах // ПОЛИС (Политические исследования). 1994. № 3. С. 15. Следует подчеркнуть, что речь здесь идёт именно об общих установках либерализма — в отвлечении от различий, характерных для его разновидностей, выделяемых автором.

¹² Там же.

на наличным состоянием общества, а это, в свою очередь, позволяет объяснить обусловленность различий между индивидами, принадлежащими к различным социальным стратам. Тем самым стратифицированное общество, действительно всегда обладающее определёнными наборами необходимых ролей и формой их композиции, в известном смысле задает входящим в него индивидам основные типы целей (стремлений), в том числе и тех, что направлены к обустройству их особой жизни и обеспечению своего благополучия. Скажем, взятые в этом плане «личные цели» феодального сеньора будут значительно отличаться, с одной стороны, от таковых же целей его вилланов, а с другой — от целей «буржуа» — купца или предпринимателя.

Опуская многие вытекающие отсюда соображения, отметим лишь, что идущее от Гегеля радикальное противопоставление «частных» индивидов «всеобщему» — социуму и/или государству методологически неверно, и неизбежно влечёт смысловые аберрации. Однако существенно, что наряду с этим Гегель отдавал себе отчёт в необходимом характере социальных связей, обусловленном взаимозависимостью общественных индивидов, когда «...субъективный эгоизм превращается в содействие удовлетворению потребностей всех других, в опосредствование в качестве диалектического движения особенного всеобщим, так что, когда каждый для себя приобретает, производит и потребляет, он именно этим приобретает и производит для потребления других»¹³. Отсюда следует, что в теоретическом осмыслении человека и общества следует исходить из того, что индивид всегда социален, а общество образуется множественными связями между действующими индивидами; тем самым общество и индивиды взаимно полагают друг друга. Стало быть механизмы, «опосредующие интересы и действия индивидов», работают не только на общество как целое, но и на каждого из этих последних.

При таком подходе становится очевидным, что проблема свободы человека не может рассматриваться безотносительно к состоянию общества; это понятие наполняется конкретным содержанием лишь тогда, когда обращается не к «индивиду вообще», а только к людям определённого социально-культурного типа, принадлежащим к обществу, пребывающему

¹³ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 240.

в определённом качественном состоянии. Тем самым свобода, которую разыскивают адепты либеральной мысли, возможна лишь в обществе, обладающем определённой структурной композицией, необходимой составной частью которой является «гражданское общество». Выше уже было показано, как и чем обуславливается обретение такой общественной формы. Кроме того, как можно видеть, «свобода индивида» — это не только и не столько идеологам, принимаемая или отвергаемая по личной склонности, но необходимая предпосылка формирования структуры социальных связей на определённой стадии исторического движения, затем становящаяся непременным условием эффективного функционирования общества сверхвысокой сложности.

Конечно, в своём ближайшем выражении требование индивидуальной свободы приобретает ещё более конкретные содержания. Речь здесь идёт прежде всего о свободе гражданской и политической, и о её правовых гарантиях. Не уходя далеко в эту весьма обширную область, отмечу только, что в этом плане величайшим, мягко говоря, недоразумением является имеющее широчайшее хождение представление о существовании либерального подхода к проблемам современного государства и права. Обыкновенно политической философии либерализма противопоставляют взгляды т.н. «государственников», которые, якобы в противоположность либералам-индивидуалистам, отстаивают интересы общества и государства. Но «государственность» — а здесь речь может идти только о «государственности вообще» — это понятие высокого уровня абстракции, и на этом уровне ему содержательно противостоит не «либерализм», а концепция, отрицающая необходимость государства, иначе говоря, политическая философия анархизма. Но либералы ведь никоим образом не анархисты, в их политических программах никогда не содержалось требования отменить или разрушить государство как таковое. Суть либеральной программы — это *преобразование* государства, его переход в иную форму, но никак не отрицание или разрушение. Центральным пунктом этой программы является требование ограничения властного произвола, сведения к минимуму возможностей злоупотребления властью, её «приватизации», т.е. превращения её институтов в «частную собственность» лиц, облечённых властными полномочиями. Исторически эта программа выростала из прискорбного

опыта, накапливавшегося целыми столетиями, когда нормой поведения носителей верховной власти как раз и был произвол, рождавшийся и поддерживавшийся отсутствием каких бы то ни было правильно действующих механизмов общественного контроля. В конце концов в целом ряде обществ возобладали возмущение и нежелание людей оказаться в зависимости от безответственных правителей, чей жизненный принцип «После меня хоть потоп», или стать сырым материалом для воплощения замыслов какого-нибудь близкого к параноиче фанатика, готового жертвовать миллионами жизней во имя любезной его больному воображению идеи «окончательного искоренения вселенского зла и утверждения правильного миропорядка».

Повторим ещё раз — главное в политической философии либерализма — это такое устройство государства, которое было бы способно дать институциональные и правовые гарантии от злоупотреблений властью имущих, поскольку их личные достоинства и добродетельные устремления, буде таковые и обнаружатся, в этом смысле никогда не могут считаться достаточными. Хорошо известно, что среди таких институциональных ограничений первое место принадлежит принципу разделения властей, а среди правовых установлений — принципу верховенства прав человека, полагаемому в основание всей системы законоположений. Да, эти установления в своей сущности не знакомы большей части российского общества и не укоренены в присущей ему политической и правовой культуре. Но вряд ли это даёт основания трактовать их как нечто, чреватое разрушительными последствиями или враждебное интересам нашего общества. За такую интерпретацию несут полную ответственность те, кто сеет ненависть и вражду к либерализму и либералам, самым бесцеремонным образом передёргивая факты и подтасовывая аргументы.

Раздел II.
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В РОССИИ

КОЧЕТКОВ А.П.

Государство и гражданское общество в России:
стратегия взаимодействия

Взаимодействие государства и гражданского общества является одним из наиболее серьезных факторов эволюции всего мирового социума. Гражданское общество возникло в определенный период общественного развития и связано с исторически преходящими формами государства, постоянно находится с государством в противоречивом, диалектическом единстве.

Исторический опыт стран демократии показал, что правящая политическая элита полностью не может игнорировать общественное мнение, опасается конкуренции со стороны элитных группировок, находящихся в оппозиции, или контрэлиты. Поэтому неизбежен компромисс между правящей политической элитой и основной частью рядовых граждан, который является прочной основой всей политической системы, если в этих странах сформировалась устойчивая традиция переговорного процесса, в ходе которого решаются все важнейшие государственные вопросы. Демократия существует там, где правящая политическая элита в обмен на поддержку со стороны рядовых граждан соглашается на контроль с их стороны, отказывается от возможности лишения остальных граждан активности, как субъекта текущего политического процесса, а вся политическая деятельность в обществе строится строго на основе закона.

Отсюда главное предназначение современного гражданского общества — быть противовесом безраздельному господству государственной бюрократии и правящих элит, способствовать

сохранению необходимого равновесия в социуме в триаде «государство — гражданское общество — элиты», что обеспечивает нормальное развитие демократического процесса. Поэтому было бы целесообразным определить *гражданское общество как систему общественных отношений и институтов, выражающую разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества, активно взаимодействующую с государством, правящими элитами и дающую возможность человеку реализовать его гражданские права*. При таком подходе гражданское общество не представляет собой некое независимое, изолированное от государства социальное пространство, противостоящее ему в любых формах. Наоборот, гражданское общество и демократическое государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей, поскольку государство, осуществляя управленческо-посреднические функции в общественной жизни, не может не соприкасаться с гражданскими ценностями и институтами, т.к. последние через систему горизонтальных связей охватывают все общественные отношения. Вместе государство и гражданское общество как бы погружены в обволакивающее их «глобальное человеческое общество» в самом широком смысле этого слова.

Таким образом, государство и гражданское общество неразрывно связаны друг с другом, составляют две части единого социального организма.

Гражданское общество как область частной жизнедеятельности сочетает в себе интересы и потребности различных социальных и политических субъектов, что довольно часто приводит к противоречиям и конфликтам между ними. Снимать остроту противоречий между субъектами гражданского общества, создавать определенную социальную гармонию призваны не только сами граждане, но главным образом демократическое государство, являющееся верховным арбитром. Без демократического государства гражданское общество не сможет нормально функционировать: в нём могут начаться дезинтеграционные процессы распада и острого противостояния разных социальных групп, общественных организаций. И, наоборот, без саморазвивающегося гражданского общества, способного контролировать правящую бюрократию, государство никогда не будет демократическим, станет одной из разновидностей авторитарных режимов.

Политическое руководство России неоднократно подчеркивало, что отношения с гражданским обществом являются стратегическими в российской государственной политике. Так, например, В.В. Путин отмечает: «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным... Демократия, на мой взгляд, заключается, как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и “обратной связи”»¹.

Сегодня в России существует разветвленная сеть различных организаций гражданского общества. По состоянию на конец 2012 г. было зарегистрировано 402 тыс. НКО (на 22 тыс. больше, чем в 2011 г.), которые ведут активный диалог, осуществляют разноуровневое взаимодействие с властью². Мнение граждан все чаще учитывается при решении значимых экономических, социальных и государственных проблем. В результате гражданских действий в последние годы скорректирована миграционная политика, усовершенствовано законодательство о российском гражданстве. Были приняты Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» и Федеральный закон «О создании системы общественного контроля в местах заключения», инициирована реформа милиции и пенитенциарной системы, введены суды присяжных, институт Уполномоченного по правам ребёнка, начался процесс гуманизации уголовно-процессуальной политики. Экологические организации предпринимали усилия по кардинальному изменению Лесного кодекса, введению государственной охраны лесов. Совместными действиями многих общественных организаций удалось остановить строительство «башни» Газпрома, который мог нанести непоправимый вред архитектурному облику Санкт-Петербурга;

¹ Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсант, 06.02.2012.

² Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (по сост. на 7 декабря 2012 г.).

удалось также отстоять многие памятники архитектуры в различных городах России. Исполнительной и законодательной власти все чаще приходится реагировать на активные действия движений автомобилистов, выступающих за наведение порядка на дорогах³.

Как осуществляется сегодня взаимодействие государства и гражданского общества в России? Рассмотрим некоторые формы такого взаимодействия.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) является распространённой и достаточно эффективной формой объединения активных граждан. ТОС — одна из форм осуществления местного самоуправления, исключительно гибкая и максимально приближенная к населению, имеющая ряд специфических особенностей. ТОС отличается многообразием возможных уровней объединения (от лестничной площадки до микрорайона или посёлка), они создаются как временно для решения конкретных задач, так и на длительный срок. ТОС может иметь или не иметь статус юридического лица, обладает правом заниматься коммерческой деятельностью, не противоречащей законодательству. Так, например, ТОСы в г. Кирове решают жизненно важные проблемы горожан, такие как: организация социально-бытовых и жилищно-коммунальных услуг, улучшение использования земли и источников воды, благоустройство микрорайонов, экология, работа с подростками, престарелыми, организация досуга населения, социальная защита и т.д. Администрацией города разработан механизм поддержки инициатив граждан. Наиболее активные представители органов ТОС по представлению территориальных управлений районов уже вошли в Городской координационный совет органов ТОС, где вместе с главой администрации г. Кирова решают общественно значимые проблемы города в целом. Для тех, кто своими силами обустроил свой подъезд, двор, улицу территориальные управления районов города проводят смотр-

³ Аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. — Электрон. текст. дан. — М.: НИУ ВШЭ, 2011.

конкурсы. Победители и участники отмечаются премиями, подарками и грамотами⁴.

Важной формой взаимодействия государства и гражданского общества является *гражданский (или общественный) контроль*. Например, контроль над формированием тарифов в сфере ЖКХ. В Старорусском городском поселении Старорусского района Новгородской области члены городского Совета ТОС потребовали в 2011 г. у коммунальной службы города расчёты тарифов, создали комиссию по проверке их правомерности. Были произведены альтернативные расчёты тарифов на услугу по вывозу бытового мусора. Итоги деятельности общественной комиссии и новые расчёты тарифов были обсуждены с руководителями и работниками коммунальной службы города. В результате активной гражданской позиции и настойчивой работы членов городского Совета ТОС тарифы на данный вид коммунальных услуг снизились не только до установленного до их повышения уровня, но стали ещё ниже⁵.

Действенной структурой общественно-государственного диалога становится Общественная палата Российской Федерации. Особое значение приобретает создание многоуровневой и многопрофильной сети общественных палат субъектов Российской Федерации и общественных советов муниципальных образований, а также при органах государственной власти. Такая многоуровневая система может более эффективно выполнять интеграционные функции между многочисленными профильными сетями некоммерческих организаций, общественных палат регионов и общественных советов муниципальных образований.

В рамках системы общественного контроля на региональном уровне действуют общественные палаты субъектов федерации. Они осуществляют экспертизу законодательных актов и важнейших проектов исполнительной власти, проводят слушания и вырабатывают рекомендации по проблемам, затрагивающим интересы общественности. К 2012 году в России было создано 65 региональных общественных палат. В 2012 г. были сформированы три новые общественные

⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2012. С. 38–39.

⁵ Там же. С. 42.

палаты — в Архангельской области, Сахалинской области и Хабаровском крае. Кроме того, были утверждены законопроекты об Общественной палате г. Москвы, Республики Бурятия и Ненецкого автономного округа⁶.

10 июня 2008 года был принят Федеральный закон №76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». На основе данного Закона в российских регионах были сформированы *общественные наблюдательные комиссии (ОНК)*, призванные осуществлять контроль за местами принудительного содержания граждан. Только за десять месяцев 2012 г. представители ОНК осуществили в общей сложности более трёх тысяч выездов в закрытые учреждения. По результатам обнаруженных нарушений прав граждан, временно изолированных от общества, были подготовлены 1,5 тыс. актов и заключений. Члены ОНК рассмотрели и направили заявителям около 8 тыс. ответов на их жалобы и обращения. Непосредственно в местах принудительного содержания были проведены встречи более чем с 12 тыс. заключённых⁷.

В то же время, в своей деятельности члены ОНК порой сталкиваются с непониманием со стороны сотрудников исполнительных учреждений и правоохранительных органов, несоблюдением федерального законодательства. Так, в марте 2012 г. председателя общественной наблюдательной комиссии Санкт-Петербурга не пустили во 2-й отдел полиции, где находились 8 человек, задержанных на несанкционированном митинге возле Мариинского дворца. В 2012 г. несколько происшествий в местах принудительного содержания оказались под особым контролем общественных наблюдательных комиссий. Например, когда ряд осуждённых в колонии особого режима города Львова объявили голодовку.

Ключевое направление повышения эффективности общественного контроля в нашей стране — интеграция дея-

⁶ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2011. С. 79; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2012. С. 45.

⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2012. С. 50.

тельности существующих структур общественного контроля, превращение их в целостную систему.

Сегодня в России в рамках деятельности Общественных палат стал активно формироваться институт общественной экспертизы — публичного осуществления организациями гражданского общества и их представителями научно обоснованного анализа и оценки правоприменительной практики, разрабатываемых законопроектов, программных и проектных разработок, направленных на формирование и реализацию государственной или муниципальной политики. Меры, предлагаемые властью, оцениваются под углом зрения их возможных последствий (положительных и отрицательных) для различных категорий населения; ведется поиск оптимального баланса интересов и компенсационных возмещений для тех групп, которым принимаемые решения наносят определенный ущерб.

За период существования Общественной палаты Российской Федерации было подготовлено более двухсот экспертных заключений по проектам нормативно-правовых актов, имеющих важное социальное значение. В 2012 г. такую экспертизу прошли наиболее резонансные законопроекты. Так, по результатам общественной экспертизы законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» Общественной палатой Российской Федерации было подготовлено заключение, в котором предложены так называемые «фильтры» для вновь создаваемых политических партий с целью исключения ситуации излишней раздробленности политической системы⁸.

Большой общественный резонанс вызвал законопроект «О полиции». По этому проекту члены Общественной палаты провели ряд публичных слушаний, приняли участие в обсуждениях в Государственной Думе и Совете Федерации, а также на площадках ряда общественных организаций, в том числе «Ассоциации юристов России», «Деловой России», «Федеральной палаты адвокатов».

Новым этапом в экспертной деятельности Общественной палаты РФ стала комплексная экспертиза «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов» и о проектах федеральных законов, внесенных одновре-

⁸ Там же. С. 51.

менно с проектом федерального бюджета на 2011 и на плановый период 2012 и 2013 годов.

Однако у гражданской экспертизы остается огромный еще нереализованный потенциал, который необходимо развивать всем структурам гражданского общества. Общественная экспертиза, по сути, контрольный и консолидирующий фактор в становлении правового и демократического государства. Для повышения качества принимаемых законопроектов и дальнейшей систематизации отечественного законодательства необходимо внести соответствующие поправки в Регламент Государственной Думы. Также необходимо расширить перечень нормативно-правовых актов, подвергающихся общественной экспертизе. Данные изменения позволят более продуктивно использовать институт общественной экспертизы и, как следствие, обеспечить большую общественную поддержку принимаемых законопроектов.

Первоочередным шагом на данный момент должна стать разработка и принятие федерального закона «Об общественной (гражданской) экспертизе». Необходимо также предусмотреть комплекс мер, которые обеспечат участие общественных институтов в разработке и процессе принятия решений (в том числе в экспертизе до принятия решений), а также в мониторинге и оценке осуществления того или иного решения.

Постепенно устанавливается контроль деятельности федеральных исполнительных органов власти Российской Федерации со стороны институтов гражданского общества. По состоянию на декабрь 2012 года в России действовало 52 общественных совета при федеральных органах власти, в состав которых входит 59 членов Общественной палаты Российской Федерации. Общественные советы сформированы в системе МВД России, в системе МЧС России, ФСИН России, ФССП России, ФМС России, ФАС России, Росприроднадзора, Ростехнадзора, Росграницы, Росфиннадзора и других министерствах и ведомствах. В деятельности этих общественных советов пока есть немало проблем. Они не имеют необходимых полномочий для осуществления гражданского контроля деятельности указанных министерств и ведомств. Нередки случаи бюрократического подхода к исполнению указов Президента России о формировании составов общественных советов при министерствах на основе предложений граждан, общественных объединений и организаций: право выбора

«удобных» из всего спектра общественных организаций всё равно остаётся за руководством ведомства. В.В. Путин предложил выработать новый порядок формирования общественных советов. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» было сформулировано требование установить перечень нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов. В течение 2012 г. Общественная палата Российской Федерации совместно с Правительством и Администрацией Президента Российской Федерации рассматривали эту проблему. В итоге было решено, что советы должны формироваться на основе предложений региональных общественных палат, авторитетных НКО, представителей ведущих вузов, Российской академии наук⁹.

Эффективным средством в борьбе с коррупцией может стать взаимодействие в решении этой сложнейшей проблемы власти и институтов гражданского общества. Общественная палата Российской Федерации в 2011 году подготовила и представила Президенту России доклад об эффективности проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики, где сформулировала рекомендации по повышению эффективности борьбы с коррупцией: 1) Создание эффективных механизмов гражданского общественного контроля; 2) Защита заявителей (как физических, так и юридических лиц), заявляющих о фактах коррупции и сотрудничающих со следствием; 3) Принятие Российской Федерацией новых международных обязательств, в том числе путем ратификации соответствующих конвенций и дальнейшего эффективного обеспечения и международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции; 4) Формирование критериев и показателей эффективности реализации антикоррупционных мер; 5) Повышение правовой культуры населения; 6) Введение принципа обязательности

⁹ Никто не судья в своем деле. Пресс-служба ОПРФ, 19.07.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/18518>

учета результатов антикоррупционной экспертизы; 7) Повышение эффективности антикоррупционного мониторинга; 8) Повышение эффективности антикоррупционных мер в отношении должностных лиц¹⁰.

Главной мерой борьбы с коррупцией и в то же время главным условием эффективности всех остальных предлагаемых мер является реальный контроль гражданского общества над работой органов власти на всех уровнях.

В последние годы правительство приняла ряд законов, направленных на поддержку формирующегося в России гражданского общества. Например, 20 июля 2009 года были приняты поправки в закон «О некоммерческих организациях», в соответствии с которыми упрощается порядок регистрации НКО, а также процедура контроля за их деятельностью. В 2010 году был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Согласно этому закону социально ориентированным организациям федеральная власть и органы местного самоуправления будут оказывать финансовую, имущественную, информационную, консультационную поддержку, а также поддержку в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев.

В 2012 году был принят закон «О политических партиях». Теперь минимальное количество членов, необходимое для создания и регистрации партии, снижается в 80 раз — с 40 тысяч до 500 человек. Кроме того, законопроектом отменяются требования к минимальной численности региональных отделений партии, однако они должны быть сформированы не менее чем в половине субъектов РФ. Недостаточная их численность не будет являться поводом для ликвидации политической партии. Закон также снижает требования к учредительному съезду партии: от регионального отделения потребуется участие не трех, а всего двух делегатов.

Также закон устанавливает срок для исправления ошибок, найденных Минюстом в документах, поданных на реги-

¹⁰ Доклад об эффективности проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. М.: Ответственная палата Российской Федерации, 2011.

страцию. Сделать это политические партии смогут за три месяца. Кроме того, отказ в регистрации должен будет сопровождаться мотивированным объяснением, что также упростит для претендентов на регистрацию подготовку необходимых бумаг. Более того, Минюст будет обязан оказывать поддержку и консультации претендентам для более успешного прохождения процедуры регистрации¹¹.

Изменение законодательства о НКО в части мер, направленных на улучшение экономических условий деятельности НКО (развития благотворительной деятельности и добровольчества, налогообложения и бюджетного финансирования НКО и т.д.) позволит создавать НКО-сектору страны не 0,5% валового внутреннего продукта, как в настоящее время происходит в России, а до 15–17% ВВП, как в Нидерландах.

В течение 2012 г. обсуждался законопроект «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В документе предложены механизмы осуществления общественного контроля, обозначены его основные задачи. В проекте представлены новые понятия, такие как «общественные интересы» и «обязательная общественная экспертиза»; прописаны процедуры общественного контроля: мониторинг, слушания, экспертиза, а также общественная проверка и общественное расследование. Предполагается ввести ответственность за нарушение общественного контроля, предусмотрены и механизмы предупреждения злоупотреблений со стороны «общественников». Субъектами общественного контроля признаются граждане, их объединения, инициативные группы, некоммерческие негосударственные организации, Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (общественные советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных, региональных органах исполнительной власти и органах местного самоуправления, общественные наблюдательные комиссии, комиссии по общественному контролю. Формой общественного контроля выступает общественный мониторинг¹².

¹¹ Подробнее см.: Перспективы становления гражданского общества в России (Часть I, II) // Полис. 2012. №№ 2,3.

¹² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2012. С. 48.

В целом, в последние несколько лет в России происходят серьёзные изменения условий финансирования объединений гражданского общества. Сокращаются гранты иностранных фондов, бизнес при принятии решений о финансировании НКО ориентируется, как правило, на мнение властей и предпочитает поддерживать только «разрешённые» проекты. В этих условиях для НКО фактически существует одна альтернатива: либо государственная поддержка, либо пожертвования и волонтерская помощь от общества. Удовлетворение спроса, который формирует государство, означает доступ к более широкому разнообразию источников финансирования. Например, конкурсы на получение «президентских грантов» воспринимаются как предложенная государством альтернатива иностранным фондам. На гранты социально ориентированным НКО из федерального бюджета в 2011 г. было выделено 1 млрд. руб., а в 2012 г. — 1,5 млрд. руб.

В 53 субъектах Российской Федерации были приняты региональные программы поддержки социально ориентированных НКО. Общий объём их финансирования в 2011 г. составил более 3 млрд. руб., в 2012 г. — 4 млрд. руб.¹³

Расширение возможностей гражданского контроля позволит более эффективно расходовать средства федерального бюджета. С помощью гражданского контроля можно «спасти» бюджетные средства, оседающие в карманах коррупционеров.

Современные тенденции развития политических институтов в мире свидетельствует о возрастающей роли публичной политики, которая представляет собой особое качество государственного управления — отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, «логики обслуживания», развития нового государственного менеджмента, исключая жесткие вертикальные формы «господства-подчинения». Публичная политика опирается на активное гражданское участие в принятии властных решений, а также в их реализации. На выборах Президента Российской Федерации в марте 2012 г. была отмечена высокая активность НКО, включившихся в наблюдение за ходом выборов (Российский фонд свободных выборов, Ассоциация по защите

¹³ Там же. С. 54–55.

избирательных прав «Гражданский контроль», Общественный совет «Честный выбор», Общественный комитет «За честные выборы», Корпус наблюдателей, Лига избирателей, проект «Гражданин — наблюдатель» и др.). За ходом выборов наблюдала Общественная палата Российской Федерации и более 50 региональных общественных палат, которые также провели специальное дистанционное обучение наблюдателей. По требованию общественности впервые избирательные участки были оборудованы веб-камерами, и трансляция велась в Интернете¹⁴.

Все это способствовало тому, что в 2012 г. политическая жизнь в России приобрела новый динамизм. На фоне массовых оппозиционных митингов была проведена политическая реформа — либерализовано законодательство о политических партиях, возвращены прямые выборы губернаторов, подготовлена реформа Совета Федерации. Эти шаги должны привести к повышению общественно-политической активности и конкуренции, расширению публичной сферы.

В 2012 г. появились новые площадки взаимодействия государства и гражданского общества, в частности, институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Его полномочия будут закреплены в отдельном законе. Площадкой диалога может стать и созданная в 2012 г. новая система «Открытого правительства». По словам Министра Российской Федерации М.А. Абызова, неэффективность механизмов передачи информации, подготовки и принятия решений — один из главных вызовов для современной России. Ответом на этот вызов и призвано стать «Открытое правительство», которому предстоит внедрить современные технологии для вовлечения в обсуждение и выработку государственных решений значительного количества людей, представляющих различные точки зрения¹⁵.

Привлечение общественности к обсуждению решений органов власти и важнейших законопроектов постепенно становится частью государственной политики. Так, 22 февраля 2012 г. было подписано постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных кон-

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Управление без иерархии // Ведомости, 25.06.2012.

ституционных законов и федеральных законов», которые оформили порядок проведения общественного обсуждения таких законопроектов с использованием сети Интернет¹⁶. Согласно этим Правилам, документ должен появляться в сети Интернет в течение двух дней после поступления в соответствующий департамент министерства, а отзывы о нём включаются в отчёт для дальнейшего рассмотрения Правительством. Кроме того, в течение года шла разработка методики оценки эффективности деятельности (КРП) руководителей федеральных органов исполнительной власти в части улучшения условий ведения бизнеса¹⁷.

Важнейшей формой прямого общественного контроля за государственным аппаратом является доступ граждан к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти. От полноты и своевременности информированности граждан зависит их способность влиять на власть с целью обеспечения и защиты своих прав и свобод, эффективного управления, качественного оказания публичных услуг. Элементом открытости органов государственной власти является система электронного правительства, которая позволяет гражданам получать государственные услуги в электронном виде. Центральным звеном системы электронного правительства в России является официальный «Портал государственных услуг». В октябре 2012 г. количество пользователей Портала достигло 15 млн. человек, а более 3 млн. пользователей зарегистрировали на Портале свои личные кабинеты¹⁸.

Эффективное взаимодействие активного гражданского общества и сильного государства — важнейшее условие гармоничного развития обоих. Применительно к сегодняшней России неуместен спор, должно ли государство направлять развитие гражданского общества, либо гражданское общество призвано ограничивать государство. Граждане ожидают и от государства, и от гражданского общества гораздо

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации № 159 от 22 февраля 2012 г.

¹⁷ У министров и руководителей федеральных ведомств появятся персональные КРП // Ведомости, 13.07.2012.

¹⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2012. С. 46.

большей активности и эффективности, считая необходимым их равноправное партнерство. Их взаимоотношения должны выйти на новый уровень, предполагающий ответственное партнерство и взаимответственность в решении важнейших проблем развития России.

Вместе с тем взаимоотношения структур гражданского общества и государственных органов пока далеки от идеала. Основная причина в том, что в нашей стране еще не завершился процесс становления, как зрелого гражданского общества, так и сильного, эффективного демократического государства, хотя и то и другое уже сложились в своих основных чертах.

Влияние гражданского общества на решение важнейших проблем общественного развития в нашей стране пока явно недостаточно. Многие инициативы и предложения граждан бесследно исчезают в бюрократическом аппарате государственного управления разных уровней власти. Нет статистических данных о том, сколько инициатив или предложений, исходящих из недр гражданского общества учтено и внедрено в практику работы органов государственной власти в масштабе всей страны. На общенациональном уровне, а во многом и на региональном, не отработан механизм обратной связи, люди не чувствуют, что их гражданская деятельность нужна «власти предрежащим». Учет инициатив гражданского общества в масштабах всей страны, внедренных в практику работы государства, могли бы вести или Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ или Общественная Палата, что на практике способствовало бы формированию механизма обратной связи в деятельности между государством и институтами гражданского общества.

Трудности становления гражданского общества во многом обусловлены традиционно сильным для России влиянием бюрократии на общественную жизнь и часто нежеланием правящей элиты «конкурировать» на равных с независимыми негосударственными структурами в вопросах определения повестки социального, политического и экономического развития общества. Бюрократия, как и раньше нередко стремится максимально контролировать деятельность существующих структур гражданского общества, поскольку не желает создавать механизмы органичного взаимодействия государ-

ства и некоммерческих организаций в решении актуальных для социума проблем.

Демократия станет реальной, если правящая элита готова не на словах, а на деле поделиться властью со своими гражданами. Исторический опыт западных стран, в частности, Англии показывает: формирование демократии там стало возможным в течение длительного исторического периода сочетания непрерывной борьбы и переговоров правящей элиты и остальной части общества. В результате был достигнут социально-политический консенсус на основе признания определенных прав граждан, ставший прочной, общепризнанной всеми традицией. В России такой традиции нет, общество только находится на пути признания переговорного процесса (а не конфронтации) основой развития всего политического процесса в стране.

Существование гражданского общества, его формирование невозможны без появления новых общественных индивидов — социально активных граждан, имеющих равные гражданские права и своеобразные гражданские качества, достаточно высокий уровень гражданской культуры. В современной России численность граждан, соответствующих этим критериям, явно недостаточна.

Часть из 402 тыс. формально зарегистрированных в настоящее время НКО существует только на бумаге. По некоторым экспертным оценкам, число социально активных граждан в России сегодня составляет от 1 до 2 млн. чел. (из 143 млн. общей численности населения страны), что не так уж и мало, но недостаточно для развитого гражданского общества. Так, например, в Германии из 82 млн. населения 23 млн. занимается каким-то видом общественной деятельности.

Без гражданской культуры говорить о гражданине как о самоценной личности в современном смысле этого слова, а значит — и о гражданском обществе, бессмысленно. Гражданская культура является отражением всего многообразия общественной жизни, гражданских прав и оказывает решающее влияние на утверждение социального статуса гражданина. Это понятие отражает уровень осознания индивидом общественных задач, социальных проблем, его активности в претворении их в жизнь.

Современное российское общество стало атомизированным. Сегодня только 17,6% считают, что большинству людей

можно доверять, а противоположного мнения придерживается 78,1%¹⁹. Невысок уровень доверия граждан и ко многим институтам гражданского общества. Из числа общественных институтов наибольшее одобрение россиян заслужили СМИ и Православная Церковь, наименьшее - профсоюзы и политические партии²⁰. В 2012 г. Общественная Палата оказалась единственным общественным институтом, рейтинг которого вырос со среднего показателя в 25% до 35–36%²¹.

В настоящее время во всех странах мирового сообщества, в том числе и в России, наметилась устойчивая тенденция сокращения среднего класса, одной из основополагающих опор гражданского общества.

В целом, гражданскому обществу сегодня не дают стать реальным противовесом и стратегическим партнером государства:

— низкая общественная активность большинства российских граждан, недостаточно высокий уровень их гражданской культуры, высокий уровень социального недоверия в обществе;

— сокращение среднего класса (социальной основы гражданского общества);

— сохраняющееся определяющее влияние на жизнь социума не граждан, а российской бюрократии, которая не всегда готова конструктивно сотрудничать с организациями гражданского общества;

— отсутствие традиции переговорного процесса между государством и гражданским обществом в решении всех важнейших общественных проблем;

— отсутствие механизмов реального взаимоконтроля со стороны государства и гражданского общества.

Решение указанных проблем имеет стратегический характер. Поэтому неизбежен значительный по времени переходный период тесного, часто противоречивого взаимодействия

¹⁹ Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. 2009. № 1. С. 127.

²⁰ ВЦИОМ. Рейтинг одобрения деятельности общественных институтов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/ratings-social-institutions>

²¹ Там же.

и взаимовлияния демократически сформированных органов правового государства и институтов гражданского общества. Граждане по мере повышения их культурного уровня, приобретения управленческих навыков, компетенции в суждении о важнейших общественно-государственных проблемах могут постепенно через институты гражданского общества брать на себя часть функций государственной власти, что превратит органы самоуправления в естественного партнера демократического государства. Пока же российские граждане нуждаются в гарантированной законом и обеспеченной государством возможности свободно выражать свою политическую волю и повышать уровень своей гражданской культуры.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

Философский смысл современных дискуссий в России о российском государстве и перспективы развития гражданского общества

Обсуждения перспектив развития институтов гражданского общества в современной России обычно ограничиваются вопросами реформирования избирательной системы, создания условий для развития подлинной, а не имитационной многопартийности, повышения политической культуры, вполне законными требованиями «чистых» выборов. Но при этом, проблеме конституционно-правового устройства российского государства не уделяется, на наш взгляд, должного внимания. Между тем, от того каким представляется нам в обозримом будущем устройство государства, зависит решающим образом само понимание природы, сути, роли гражданского общества, а не только масштабы и формы существования его институтов.

Между тем, именно одной из самых дискуссионных тем общественном сознании выступает природа российской государственности, вопросы преемственности её конкретно-исторических форм, причины кризисного состояния современного российского государства и возможные пути его преодоления.

Наличие глубокого раскола в обществе по всем этим вопросам очевидно. В последние годы дискуссия вокруг государства достигла предельной остроты. Если государство как страна является ценностью для подавляющего большинства граждан, то этого нельзя сказать об их отношении к государству в его нынешнем конституционно-правовом виде. Практически все участники дискуссий признают, что государство находится в переходном состоянии. Отсутствие значимых успехов в модернизации страны, в противостоянии

негативному воздействию мирового финансово-экономического кризиса, в решении внутренних проблем все больше побуждает граждан ставить вопрос о масштабном и нередко радикальном реформировании конституционно-правовых основ государства, но в каком направлении его вести — здесь далеко до однозначного понимания. По степени радикальности разброс мнений колоссальный.

Зеркало, в которое смотрят российские граждане, пытаются понять, в каком государстве они живут, разбито на многие осколки. Можно ли собрать воедино эти различные, а нередко и прямо противоположные мнения-осколки и, если это возможно, то ясно сказать, какой должна стать в результате «сборки» оптимальная форма российского государства с тем, чтобы оно могло вместе с институтами гражданского общества успешно противостоять всё более опасным вызовам и угрозам XXI века.

Можно выделить шесть основных точек зрения на российское государство, имеющих место в общественном сознании страны. Грани размыты и относительны. Каждая из точек зрения представлена большим количеством научных книг, вывешенных нередко в полном объеме в Интернете, самых различных материалов в СМИ, звучит на митингах и демонстрациях, присутствует на плакатах, листовках и в лозунгах.

Первая из выделяемых нами точек зрения — либерально-западническая, или радикальный либерализм. И.М. Клямкин, вице-президент фонда «Либеральная миссия», неоднократно говорил о том, что Россия может сохраниться при условии, если станет частью западной цивилизации, сменив свой цивилизационный код: «Стратегическая ориентация на Запад, если она произойдет, неизбежно приведет к смене цивилизационной парадигмы»¹. Применительно к государству это означает, согласно Е. Гайдару, что «Россия сегодня имеет уникальный шанс ... стать республикой “западного” типа»².

Весьма показательна в этом отношении позиция неизменно радикальной Л. Шевцовой. На круглом столе «Российская государственность сегодня», проведенном Фондом, она гово-

¹ Испытание миром: беседа с И.М. Клямкиным. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/5k11.htm>

² Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 199.

рила следующее: «Нужна кропотливая и напряженная работа по переформатированию атрибутов и признаков государственной машины. Мы нуждаемся именно в смене матрицы, а не в ремонте нашего государственного здания»³. В работе «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом?». Л. Шевцова утверждает: «Уже до того, как в Россию пошла западная помощь, Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти. <...> Державничество строится на отталкивании России от Запада. <...> Если речь идет о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути “подчиненного” либерально-демократического развития как страны Центральной и Восточной Европы»⁴.

Политические цели теории и практики радикального либерализма хорошо известны — парламентская демократическая республика, реальная многопартийность, предельно четкое разделение функций ветвей власти, ликвидация поста президента, как поставленного согласно Конституции выше всех ветвей власти, немедленное установление реального верховенства прав человека в правовом государстве, решительное отделение власти от собственности («какой же это капитализм в России, когда собственность сращена с властью»⁵ — восклицает Л. Шевцова) — стали общим местом при любом обсуждении сторонниками радикального либерализма роли государства в российской жизни.

Партийный эквивалент этой теоретической позиции — партия «Правое дело», которая выступила на выборах в Госдуму в 2007 г. с лозунгами за достройку капитализма. Партия получила 1% голосов. После ряда неудач радикальные либералы создали во главе с М. Прохоровым партию «Гражданская платформа», у которой появился свой устойчивый электорат. Позже после упрощения процедуры регистрации возникла объединенная партия — «РПР-Парнас».

Что касается отношения к федерации, то оно, на первый взгляд, не находится в центре внимания радикальных либера-

³ Режим Путина: укрепление демократического государства или утверждение авторитаризма? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/1142>

⁴ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2011. С. 26, 135, 126.

⁵ Там же. С. 144

лов. Кажется, не так уж важно, будет ли новая проектируемая ими Россия унитарной парламентской республикой или останется федеративной республикой. Но это только на первый взгляд. Не так давно А. Кудрин и его «Комитет гражданских инициатив» предложили оригинальный вариант реформы законодательства о выборах и принципов государственного устройства в целом, который состоит в том, чтобы предоставить субъектам РФ конституционное право вводить вместо президентской (губернаторской) формы правления парламентскую форму. Такой вариант устройства государства вполне может привести к превращению Российской Федерации из президентской республики в парламентскую, а затем, — из федерации в конфедерацию (если не де-юре, то де-факто). Ни в одной развитой стране такое сочетание двух форм не встречается.

Если одни сторонники радикального либерализма выступают за преобразование российской государственности «сверху», то другие для достижения радикальных перемен делают основную ставку на активность масс «снизу», на деятельность организаций гражданского общества. Широкое распространение в них получили взгляды организаторов демонстраций на Болотной площади, которые в своем манифесте в январе 2013 года потребовали, в частности, создания прочных конституционных гарантий от нового рецидива единовластия («самодержавия и престолонаследия») и решительно выступили против персоналистского авторитаризма.

Вторая точка зрения - русский этнический национализм. Это явление сложное, многосоставное, имеющее большую историю. В нем выделяются два направления — радикальный и умеренный национализм. Сторонники умеренного национализма ставят вопрос о придании русским особого правового статуса в современной РФ, включая создание Русского государства на её территории (на этом поле много работает ЛДПР). Эта точка зрения становится радикальным национализмом, когда противопоставляется Русь, Русское государство России. Можно говорить о своеобразном европеизме радикального русского этнического национализма.

С точки зрения одного из его теоретиков П. Хомякова основное противостояние в современной русской жизни лежит не между правыми и левыми, нынешней оппозицией и режимом, «патриотами» и западниками, а между теми, кто хочет сохранить Россию и теми, кто хочет возродить Русь.

Не надо бояться, что возродившаяся Русь будет не похожа на привычную Россию. Это государство антинародное и антирусское. Русь была частью Европы. Она могла бы пойти вперед к национальному государству, а пошла назад к империи.

Поэтому настоящий русский националист совершенно спокойно относится к развенчанию мифов о создателях России — Ярославле, Александре Невском, их подручном Батые и их спонсоре — Православной Церкви. Развенчание этих мифов позволит настоящему русскому националисту многое понять и прояснить. Например, прояснить тот непонятый пока многими вывод о том, что невозможно быть русским националистом и православным одновременно. Русский националист может быть только поклонником родной веры, веры в своих русских богов. «Иго, установленное в 1237 году, пережило века. Оно не свергнуто до сих пор. И все мы имеем несчастье жить под этим игом. И добиваться его свержения»⁶.

Предельно радикальных взглядов придерживается А. Широпаев, художник-реставратор, публицист, автор книги «Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию». Его позиция ярко передана в поэтических строках: «Сгинь, Россия, во чреве Змия! Мы тебе отомстим за Русь». Его статья «Иная русскость» активно обсуждалась в Интернете. Основная идея, которую разделяют все этнические националисты, состоит в том, что «иная русскость» — это неимперская русскость, оппозиционная московскому унификаторскому централизму. Собственно русское государство (т.е., европейское) погибло вместе с новгородской свободой. После падения Новгорода начинается эра безраздельного господства Московии — России — Совдепии, имеющей не русскую, а евразийскую природу⁷.

Идеи русского этнического национализма развиваются также в работах Г. Гачева, Ю. Афанасьева, В. Соловей⁸. Сoder-

⁶ П. Хомяков. Россия против Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://via-midgard.info/blogs/13055-tossiya-protiv-rusi-istoricheskoe-rassledovanie.html>

⁷ См.: Томин Л., Кетов А. «Троянский конь» национал-демократии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centurion-center.narod.ru/nazdem.html>

⁸ См.: Гачев Г.Д. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997; Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001; Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.

жаты они в работах английского историка Дж. Хоскинга. Это известный автор ряда значительных трудов по истории России, но его деятельность нередко выходит далеко за рамки привычного для кабинетного ученого. Он неоднократно заявлял, в том числе на встречах и пресс-конференциях в Москве, что он русский националист. Дж. Хоскинг активно пропагандирует и распространяет русский национализм, на наш взгляд, в его радикальном варианте.

В предисловии к книге «Россия: народ и империя (1552–1917)» Дж. Хоскинг пишет: «Любой русский человек признает, что эти два слова (Русь и Россия) различны по тональности и ассоциациям. Русь - смиренная, простая, святая и, определённо, женского рода: часто говорят “матушка Русь”, и поэт Александр Блок называл Русь “женою”. Россия — величественная, космополитичная, светская и — с позволения грамматики — мужского рода. <...> Тема этой книги — как Россия воспрепятствовала расцвету Руси, или — если хотите — как строительство империи помешало формированию нации»⁹.

Русский этнический национализм представляет собой удобную идейную площадку для разжигания сепаратистских настроений в различных регионах страны. Нередко те авторы, которые выдают себя за регионалов, оказываются на деле сепаратистами. Своей активностью выделяется, к примеру, карельский регионал В. Штепа, главный редактор интернет-журнала «Иначе», автор целого ряда книг и публицистических работ. В частности, он развивает философию регионализма как новую политическую философию. Согласно его точке зрения, сепаратизм — это стремление региона с помощью любых средств к отделению от единого государства, в то время как регионализм — это движение за культурную идентичность и социальное самоуправление, когда прежние иерархические пирамиды национальных государств сменяются взаимосвязанной сетью регионов-кластеров. Однако при более близком рассмотрении его идеи регионализма оборачиваются требованием демонтажа централизованного государства.

В статье «Многополярная Россия» В. Штепа пишет о «неоновогородском» проекте, который фактически предлагает

⁹ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nationalism.org/library/science/nationalism/hosking/hosking-people-empire.htm>

возвращение России ее прежнего облика. «Это самоуправляемые области и республики (а может быть, где-то возникнут и княжеские монархии по типу Монако или Лихтенштейна — почему нет?), устанавливающие между собой прямые взаимосвязи — политические, экономические, информационные, культурные. Это живое многообразие — взамен надоевших столичных идеологических дихотомий: “левых-правых”, “патриотов-либералов” и т.п. <...> В этой сети найдется место и Московии — а возможно, учитывая популярные ныне там “третьеримские” настроения, она станет первой монархией на российском пространстве — но только в границах Ивана Калиты. И, конечно, без всякого контроля над северными и сибирскими ресурсами — с чего бы это?»¹⁰

Среди различных сепаратистских движений, имеющих место на Урале, Дальнем Востоке, Приполярном Севере, заметно выделяется своей активностью сибирский регион. К примеру, М. Кулехов, координатор Областной Альтернативы Сибири считает себя именно «сибирским националистом». В статье «Россия и Сибирь: союз или развод?» он прямо пишет: «Мы не хотим распада Российской Федерации. Но мы его и не боимся»¹¹. 2 ноября 2012 г. в «Независимой газете» появилась большая статья о сегодняшней Сибири трех известных авторов — В. Иноземцева, В. Рыжкова, И. Пономарева. Новая сибирская «идентичность по своим основам европейская, а по направленности — глобальная и космополитическая. Не изменившись сегодня, не потребовав от остальной части страны больших прав, Сибирь утратит возможность изменить Россию, <...> не способную преодолеть колониального отношения к самой достойной из своих составных частей»¹². Сибирь по-прежнему колония, утверждает в статье. Авторы в мягкой форме, но фактически поддерживают идеи сибирского сепаратизма.

На левом фланге, прежде всего, нужно выделить точку зрения коммунистов на будущее российского государства. В партийной программе КПРФ говорится об убежденности

¹⁰ *Штена В.* Многополярная Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article9857.htm>

¹¹ *Кулехов М.* Россия и Сибирь: союз или развод? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article18447.htm>

¹² *Континент Сибирь // Независимая газета. 2.11.2012.*

компартии в том, что спасение Отечества — только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма. Когда КПРФ придет к власти законным путем, говорится в программе, то на референдум будет вынесен вопрос о восстановлении в полном объёме советской системы государственной власти.

В многочисленных общественных и партийных движениях, направленных на возрождение российской монархии, как правило, обсуждаются вопросы создания и реализации программы перехода страны к имперскому, православно-монархическому образу жизни. Подчеркивается, что пришло время ответить на вызовы времени, восстановить заново идею империи и саму империю. В этом ряду находится и русское имперское движение (РИД) — русская православная национально-патриотическая и монархическая организация. По ряду важнейших принципов ее идейные позиции серьезно отличаются от русского этнического национализма. Их программная цель — реставрация российской самодержавной монархии как формы государственного устройства.

Отдельно следует сказать о взглядах А. Проханова и его сторонников, а также о недавно созданном ими Изборском клубе. Имперская позиция А. Проханова решительно расходится с традиционными представлениями об империи. Если попытаться пойти дальше пророческого стиля, свойственного А. Проханову, вглубь тех смыслов, которыми наполнены его высказывания, то в целом у него более современное понимание империи. Его так называемая, «пятая империя» включает в себя исторический опыт и достижения предыдущих форм российского государства, причем А. Проханов делает особый упор на исключительную значимость современного когнитариата, инженерной технократии в возрождении России, особенно её оборонного потенциала. «Пятая империя» в принципе должна нести в себе элементы полицентричности. Наряду с вертикалью власти она будет опираться в своем функционировании и на сетевые принципы организации экономической жизни и управленческой деятельности.

Единственной идеологией, которая поддерживает нынешнюю конституционно-правовую форму государства, является российский консерватизм или либеральный консерватизм. Но эта идеология партии «Единая Россия» носит откровен-

но прагматический характер, она призывает к сохранению и удержанию всего положительного, что имеется в современной централизованной форме государства, в его достижениях. Но содержательных критериев отличия положительного от негативного, плохого от хорошего она не содержит. По существу речь идет о сохранении статус-кво.

Таким выглядит разбитое зеркало российского государства, в которое смотрятся российские граждане. Точки зрения или абсолютно не совместимы, или совмещаются только по некоторым смыслам. Сторонники каждой из указанных точек зрения абсолютно убеждены в том, что их время придет и победа будет за ними. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Что делать? Можно конечно поступить так — собрать представителей всех названных и неназванных точек зрения. Собрать, закрыть их в одном помещении и не выпускать, пока не появится белый дым, как это было недавно при выборах нового Папы Римского, что означало бы, что согласие большинства собравшихся по основным принципам устройства российского государства достигнуто. Но кто будет играть роль распорядителя и как долго придется ждать?

Каждая из представленных точек зрения выражается, поддерживается и активно пропагандируется широким кругом самых разнообразных институтов гражданского общества — от парламентских партий до интернет-журналов и многотысячных митингов. Можно ли действительно выработать сегодня более или менее целостный и вместе с тем сбалансированный научный взгляд, который был бы способен послужить основой для достижения общественного согласия на природу и пути совершенствования российского государства, открывал бы горизонты преодоления раскола, способствовал укреплению солидарности российских людей и эффективному функционированию институтов гражданского общества? Это пока открытый вопрос, но это вопрос вопросов сегодня для России.

Что же представляет собой российское государство в теоретическом плане? Что это за тип государства? В литературе последних лет говорится о том, что сегодня Россия есть полуразрушенная империя или недостроенное национальное государство и несформировавшаяся гражданская нация. Так

в каком же направлении должна пойти реальная трансформация и куда фактически идет российское государство?

Поиск ответа на вопрос, какое устройство государства оптимально, следует начинать с анализа места и роли России в современном глобальном мире. Нам сегодня крайне не хватает по этому вопросу глубокого и объективного знания. Мы слишком озабочены внутренними проблемами и многие точки зрения, перечисленные выше, по существу игнорируют это обстоятельство. Сегодня недостаточно говорить о государстве только с позиций решения внутренних проблем.

С наступлением мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов завершился первый большой период в развитии процессов глобализации. Эпоха буржуазных национальных государств, вообще-то говоря, закончилась. Кто не успел, тот опоздал. Сегодня на мировой арене существуют такие государства или надгосударственные образования, которые можно назвать импероподобными (этатистскими) государствами. Пришла эпоха борьбы на мировой арене импероподобных государств-цивилизаций. В качестве примера, можно привести Евросоюз или США как государство, целью которого выступает установление нового мирового порядка.

Если Россия намерена сохранить себя как суверенное государство, то импероподобное, с нашей точки зрения, его устройство в наибольшей степени может способствовать решению накопившихся острейших проблем. Форма должна соответствовать содержанию, а содержание обладать адекватной формой.

Слово империя вызывает у многих либерально ориентированных исследователей сугубо негативное отношение. Однако одно дело эмоции, другое дело, когда крайне важно выявить современное научное понимание понятия или концепта.

С метафизической точки зрения, а, следовательно, и с точки зрения логики исторического процесса, несомненно, следует признать наличие матрицы российской государственности, которая оформляется в основном к концу XVI века, в период царствования Ивана Грозного. Впоследствии она совершенствуется на протяжении ряда столетий и реализует себя в своих «импринтах», в виде конкретно-исторических форм: помимо Московского царства — в Петербургской империи,

в Советском Союзе (или Красной империи) и до известной степени в нынешней Российской Федерации.

Сегодня общепринято говорить о двух типологически различных матрицах государства¹³. Одна — западная модель — включает рыночную экономику, демократическую (федеративную) республику, приоритеты индивидуальных ценностей над коллективными, материальных над духовными и т.д. Другая — незападная (восточная) — модель включает в себя раздаточную экономику, унитарно-централизованное устройство государства, систему духовно-нравственных ценностей, которая утверждает приоритет коллективного, общего блага над личным, духовного над материальным, справедливости над формальным законом и т.д. Укрошение российским государством евразийского хаоса привело с необходимостью к прочному утверждению такой по содержанию матрицы российской государственности.

Каждая из указанных выше матриц состоит из некоторой совокупности базовых институциональных матриц, посредством которых обеспечивается воспроизводство конкретного общества. Главной функцией каждой базовой институциональной матрицы выступает регулирование той или иной основной сферы общественной жизни — экономики, политики, идеологии, духовной, социальной сфер, разумеется, во взаимодействии с другими сферами. «Поскольку эти базовые институциональные матрицы инвариантны, сохраняют свою природу, — пишет С.Г. Кирдина, — то в таком случае они определяют характер исторической эволюции государства»¹⁴. Матрица развивается, трансформируется, но неизменно сохранение в каждой конкретно-исторической форме набора некоторых основных её системообразующих характеристик. Но подчеркнем, в данном случае речь идет о матрице российской государственности, имеющей по существу имперский или импероподобный характер.

Первый фундаментальный принцип имперской государственности — принцип многообразия, который означает от-

¹³ См.: Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004; Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.

¹⁴ Кирдина С.Г. Институциональный анализ и развитие России. М., 2000. С. 17.

существование какой-либо административно-политической, правовой, национальной, культурной или конфессиональной унификации на территории империи. Этот принцип многообразия дополняется своей естественной противоположностью — принципом единоличной верховной власти, наличием вертикали власти, централизованного управления до определенного уровня, где он соединяется с принципом многообразия в построении государства. Если идти сверху вниз, то в управлении империей нарастает многообразие, если идти снизу вверх, то идет ограничение многообразия. Нет одного без другого. Имеет место двуединство принципа иерархии и принципа автономии в отношении центра и регионов. В современном звучании он также может выражаться через сочетание единства вертикали власти и сетевого способа управления экономикой региона.

Естественно, в имперском устройстве любого государства, в том числе и российского, есть немало черт, которым вряд ли можно давать в целом положительную оценку. У российской матрицы есть, например, такая малопривлекательная черта как самовластье. Не просто самодержавие, с ним более или менее всё понятно, а именно самовластье (вспомним А.С. Пушкина: «И на обломках самовластья напишут наши имена»). Оно исторически возникло во времена Московского царства, пережило различные эпохи и столетия, и сегодня никуда не исчезло¹⁵. Необходимость этого качества у власти в дореволюционные времена постоянно подпитывалась особенностями российской истории, в первую очередь, потребностью в масштабных реформах с целью преодоления её зависимого и отсталого типа развития. А ещё и потому, что в этой черте запрятана глубоко русская особенность — неожиданная и быстрая смена реакционного, консервативного поведения верховной власти на революционное. Эта черта радикально отличает российский тип империи от империй Европы и Азии. Поэтому «самовластье» нужно не просто ругать, но уметь «работать» с ним на политическом пространстве, искать гражданскому обществу пути и способы его ограничения, а при благоприятной обстановке его использовать

¹⁵ См. подробнее: Шевченко В.Н. Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти / Политические стратегии российского государства как философская проблема. М., 2011.

в позитивных целях. Глубокого понимания этой особенности недостает сегодня многим институтам гражданского общества.

Третий фундаментальный принцип — принцип служения, который можно рассматривать как краеугольный камень в отношении человека к имперскому устройству государства. Это старый имперский принцип: неважно, какой ты крови, этнической принадлежности и вероисповедания, важно, как ты служишь Отечеству.

Отсюда вытекает и четвертый фундаментальный принцип имперского устройства государства. Империя всегда выступает как носитель духовного, объединительного начала. Империя (империум — власть, могущество) изначально связана с идеей, выступает как носитель универсальной идеи. Империя возникает и существует, когда есть такая идея. А если её нет или она пропадает, то империя распадается и уходит с исторической арены. Собрать под свое крыло, под защиту другие народы и тем самым стать удерживающим центром мира — вот назначение имперской идеи. В этом смысле империя не связывает себя определенной пространственной границей. Степень универсальности идеи определяет в идеале границы империи. Сакральный характер верховной власти, самодержавие и мессианство, понимаемое как многообязывающее и трудное следование Мессии-Христу, как утверждение вселенской, универсальной правды, — вот, что несла в себе империя как идея. Она предполагает определенное понимание мира и проповедует, утверждает, что на земле империи живет огромный многоэтничный народ, уверенный в своем великом будущем и показывающий своей созидательной трудовой деятельностью, организацией жизни, решением нравственных, социальных и культурных проблем пример для других стран и цивилизаций мира.

Если по каким-то причинам империя в эпоху общества модерна на Западе не смогла трансформироваться в инструментальное государство западного типа (империя — добуржуазный тип государственного устройства), то независимо от любви или нелюбви к имперскому началу в государственном устройстве важно признать неизбежность его сохранения и сделать из этого соответствующие выводы научного, а не идеологического характера. При условии, если российское государство собирается выжить и быть самостоятельным игроком на глобальном поле. Только это имперское начало

нужно правильно понять, уяснить, какие конкретные формы оно может принять в современную эпоху.

Почему история не смогла радикально изменить матрицу российской государственности? Ответ следует искать, прежде всего, в экономической сфере жизни, в зависимом и отсталом типе развития. Импероподобная форма государства и тесно связанная с властью, отчасти сращенная с ней сдаточно-раздаточная или распределительная экономика (с включением сегментов экономики рыночного типа), и сегодня выступает важнейшим условием жизнеспособности западного типа социального организма. Только государство как власть может образовать и удерживать экономическое пространство. Разделить власть и собственность смогла только одна цивилизация — западная (впрочем, этому разделению сегодня приходит конец), но мы некритично переносим стандарты западной цивилизации на инородную в общем-то для них отечественную почву, а затем удивляемся, что они так плохо на ней приживаются.

Однако опасно представлять, что матрица воспроизводит себя как импринт, как простой отпечаток шаблона. В этом случае и начинаются все трудности установления преемственности конкретно-исторических форм российского государства. К примеру, Петербургская империя, демонстрирует все три классические черты империи, но отчетливо выраженной имперская идея за двести лет в ней так и не сложилась¹⁶. Но если у империи нет идеи, нет духовного стержня или она утрачивает его, то она, в конечном итоге, гибнет. Исторический тупик Российской империи начала XX века оказался неизбежным следствием всего предыдущего хода развития страны¹⁷.

Ранее было отмечено, что Российская Федерация, несмотря на решительный разрыв с советской системой, зафиксированный в Конституции 1993 года, с одной стороны, воспроизводит многие черты матрицы имперского устрой-

¹⁶ См. *Спиридонова В.И.* Московское царство как прообраз политических стратегий российского государства / Политические стратегии российского государства. М., 2011.

¹⁷ См. *Шевченко В.Н.* В.И. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России / Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. М., 2011.

ства государства, а, с другой, пытается решительно порвать с ней. Эта ситуация переходного состояния породила много проблем.

Как известно, чуждая форма разрушает содержание. РФ отвергла имперский принцип автономии и жестоко за это поплатилась явной угрозой распада в 90-е годы прошлого столетия. Фактически и сегодня Чечня, Башкортостан, Тува, ряд других национальных республик обладают широкой автономией в отличие от русских регионов, а это и есть проявление одного из имперских или импероподобных принципов устройства государства — не должно быть жесткого единообразия в организации управления, но обязательно сохранение жесткой вертикали власти.

Из всего сказанного становится очевидным, что импероподобное устройство российского государства в наибольшей степени может адекватно ответить на вызовы и угрозы как внешнего, так и внутреннего характера. Но политический вектор государства будет определяться теми духовно-ценностными ориентирами, которые будет разделять и поддерживать верховная власть.

В жизни сегодняшнего российского государства одновременно присутствует несколько достаточно сильных трендов, каждый из которых претендует на победу над другими трендами и на последующую реализацию своего видения нового конституционно-правового устройства государства.

Либеральный тренд — это сильный тренд дальнейшей эволюции государства в сторону западной модели парламентского типа. В этой модели как минимум заложена линия на сознательное подчинение более сильным государствам Запада во имя дальнейшей демократизации политической системы. Значительная часть либерально ориентированных институтов гражданского общества тратит огромные усилия на то, чтобы заставить верховную и законодательную власть превратить страну в парламентскую республику. При этом руководители ведущих стран Европейского Союза неоднократно заявляли о своей готовности принять Российскую Федерацию в его состав, но не целиком, а по частям. Что произойдет со страной в этом случае — вполне очевидно.

Второй мощный тренд, присутствующий в политической жизни страны, — это тренд на дальнейшее развитие молодого отечественного капитализма в рамках пока не имею-

щей внятного содержания идеологии российского или либерального консерватизма. С одной стороны, Президент РФ много делает для укрепления вертикали власти, а с другой, всячески поощряет развитие крупного и олигархического бизнеса с тем, чтобы он мог при активной поддержке сильного государства успешно конкурировать в той или иной степени с мощными транснациональными корпорациями, отвоевывая себе посильную долю в ходе распределения мировой капиталистической прибыли. Пока это плохо получается у молодого капиталистического хищника, многоопытные мировые акулы капитализма умеют хорошо защищать свои позиции и прибыли. В экономическом плане монетаристский эксперимент в России терпит почти полное фиаско (дефолт, кризис 2008–2009, Кипрские издержки), но радикальные либералы, возглавляющие экономический блок в правительстве, продолжают настаивать на продолжении курса. А некоторые из них мечтают о создании корпорации-государства, т.е. рыночно-экономического, не социального, а в тенденции — асоциального государства, в котором выше всего ценится бизнес-эффективность на мировой арене, а подавляющая часть людей превращается в бесправную и беспощадно эксплуатируемую биомассу¹⁸.

Вряд ли можно говорить о явном проявлении тренда на возможный приход КППРФ к власти, а тем более малочисленных левых движений. Примерно с тех же позиций можно оценить и реальные возможности восстановления самодержавно-православной империи в России. Но они могут появиться у при складывании экстремальных условий в стране, аналогичных ситуации 1917 года. В то время между западными странами шла кровопролитная война, а в России после отречения Государя от престола властная имперская вертикаль стала быстро рассыпаться. К осени 1917 года наступило фактическое безвластие в стране. Как говорится, власть валялась на улице (так было и осенью 1991 года). И весь вопрос был в том, кто её подберет.

Наконец, существует достаточно сильный тренд в направлении создания социального государства. В принципе

¹⁸ О корпорации-государстве см. подробнее в докладе А.И. Фурсова, прочитанном на заседании клуба «Красная площадь»: <http://spear.forum2x2.ru/t2497-topic>

это левый тренд, но он весьма своеобразный. Левый электорат голосовал на президентских выборах за В.В. Путина¹⁹, за первое лицо в полном соответствии с массовыми настроениями, господствующими в импероподобном (имперском) государстве, когда единственным, кому доверяют миллионы людей в стране, является только первое лицо, олицетворяющее верховную государственную власть. Тренд на социальное государство среди других трендов следует признать наиболее предпочтительным. По справедливому замечанию В.И. Толстых, сегодня проект социального государства «предстает как насущная и долгосрочная цель-задача, способная соединить и объединить усилия всех гражданских сил и объединений, независимо от их партийной принадлежности. Вряд ли кто рискнет открыто выступить против самой этой идеи, поскольку она впитала и воплотила в себе “рациональные зерна” всех гуманистически ориентированных течений мысли и общественных движений — либеральных, социалистических, национальных, консервативных»²⁰.

Тренд поддерживается значительной частью правящей элиты, и это рождает надежду на эволюционную смену политического курса. О смене курса постоянно говорят многие политики и дальновидно мыслящие политологи. В сегодняшней ситуации, если построение социального государства будет поставлено президентом как стратегическая задача развития страны и принято значительной частью общества, то, скорее всего, обойдется без очередной «перестройки», т.е., разрушения существующих государственных структур, а необходимая реорганизация государства будет носить контролируемый сверху характер. Но этот тренд на социальное государство есть одновременно и евразийский тренд — от Европы, к созданию Евразийского Союза. Они взаимно усиливают друг друга.

Созидание подлинно социального государства имеет, в сущности, социалистический тренд и, прежде всего, по причине приоритета реализации социальных целей и задач государства над экономической эффективностью. Развитие экономики должно быть подчинено решению социальных проблем, в

¹⁹ См.: Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 30.12.2011; Швеценко В.Н. Левое измерение современного российского общества // Альтернативы. 2013. № 1.

²⁰ Толстых В.И. Россия эпохи перемен. М., 2012. С. 335.

первую очередь демографических проблем, социальной защиты граждан, повышению уровня и качества их жизни. Известно, что рост материального потребления, так называемое потребительство, может иметь неограниченный характер, если оно ничем не сдерживается. Это очень опасная ситуация, способная привести к неотвратимой деградации человеческой цивилизации. Из этого тупик можно выйти только при условии, если духовные потребности общества будут определять смысл и масштабы материальных потребностей. Именно этим качеством отличалась российская (русская) цивилизация. Сегодня много говорится об утрате многих духовных скреп в обществе. На каких путях может произойти духовное возрождение страны?

Главное сегодня — решительно поменять повестку дня. Импероподобное устройство государства противится глубокому партийно-политическому размежеванию в обществе. Сама по себе высшая верховная власть по своей природе неполитическая или, точнее говоря, надполитическая. Скорее всего, духовность должна изначально явиться объединительным и надполитическим по своей сути «общим делом», которое окажется способным объединить основную массу людей и партий, общественных движений вокруг практической его реализации.

Нет совершенных обществ и нет совершенных людей. Если общество находится в состоянии духовно-творческого подъема, связанного с претворением в жизнь громадного по своим масштабам общественного проекта, тогда стремление к цивилизованности, к возвышенному, более совершенному берет верх над варварским, низменным. И наоборот, отсутствие духовно-исторического творчества меняет их местами, низ побеждает верх. Начинаются процессы упрощения, ведь общество и его сложность есть дело рук человека, и эта сложность требует постоянного воспроизведения, больших затрат социальной энергии. А если всего этого нет, если отсутствует стремление в массовом сознании общества к историческому творчеству, даже в простых его проявлениях, тогда начинается погружение в варварство. Варварство в его современном понимании — это возвращение общества из более сложного состояния в более простое. Впрочем, вопрос об идейной и социальной основе неизбежной духовной революции в России рано или поздно будет решен, но только она подведет

общество к выбору наиболее оптимальной формы государственного устройства. А до тех пор идейный разброд в вопросе о российском государстве будет продолжаться, пока не будет найдена идейно-духовная основа для его преодоления.

Для каждого вектора возможного развития российского государства характерна своя модель взаимоотношений между государственной властью, государством и гражданским обществом. Отдельные фрагменты этих моделей присутствуют в современной политической жизни России. Однако сами эти модели ещё не стали предметом самостоятельного теоретического анализа, который должен, помимо всего прочего, показать, насколько применимо к современному российскому обществу западное понимание гражданского общества, особенно в его политической составляющей.

НИЖНИКОВ С.А.

Проблемы современной демократии и гражданское общество

Реальная демократия является наиболее сложной системой власти, которая создается даже не десятилетиями, а столетиями. Как любой социально-политический феномен, она носит комплексный и многоаспектный характер. Укажем важнейшие составляющие того образа демократии, который сложился в европейской культуре. Это, прежде всего, наличие среднего класса (в качестве большинства населения) как социально-экономической основы демократии; частной собственности; регулируемой и социально ориентированной рыночной экономики; наличие демократических институтов; правового государства и т.д. Исходя из сказанного ясно, что демократия не может быть насаждаемой сверху или из-за океана, тем более насильственно. Не может быть она также введена просто принятием соответствующей конституции или указами президента, распоряжениями председателя правительства. Не родится она и на улицах и площадях в драках с полицией. Демократия — это каждодневный труд каждого и дело всего народа, в котором, конечно, важнейшую роль играет элита. Тем не менее, реальная демократия и гражданское общество вырастают снизу, из развитого самоуправления, что так подчеркивал и на чем настаивал А.И. Солженицын¹.

Уже широко известный сейчас русский философ И.А. Ильин был против немедленного внедрения демократии в России,

¹ См. об этом также: *Махаматов Т.М.* Демократия как образ жизни народа. М., 2005.

считая, что она «...не есть легко вводимый и легко усвояемый режим. Напротив — труднейший... Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы, она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека — политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущества, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все кончилось коррупцией, безобразной смутой и разложением государства? И все во имя доктрины?»².

Сейчас эти слова уже можно расценить как пророческие, так как новейшая Россия в конце XX века не смогла избежать всего того, о чем предупреждал Ильин в начале XX века.

Отечественные мыслители указывали, что самой большой проблемой создания демократии являются не наличие соответствующих институтов, а уровень самосознания граждан. Новгородцев, вслед за Ильиным подчеркивал, что демократия, как наиболее сложная система организации власти «требует и большей зрелости народа». По сути она есть самоуправление народа, но «это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретает долгим и суровым опытом жизни»³. Поэтому демократия невозможна без воспитания народа, без повышения его нравственного уровня, без развития политической культуры.

Современная западная демократия выросла на древе буржуазного либерализма, сдобренного социал-демократией. Однако, по мнению Г.П. Федотова, «отказавшись от христианского идеала своей молодости, и даже от рационализма своих зрелых лет, современная демократия ищет оправдания принципу большинства в относительности всякой исти-

² Ильин И.А. О грядущей России. Джорданвилл, 1991. С. 144.

³ Новгородцев П.И. Демократия на распутии // Соч. М., 1995. С. 396.

ны и всякой ценности. Но такое мировоззрение разрушает культуру и обезличивает человека»⁴.

М.К. Мамардашвили, как и Лео Штраус, подчеркивает, что гражданское европейское общество «кристаллизует евангельское христианство в секуляризованных социальных и гражданских институтах». Поэтому демократия может быть демократией только тогда, когда она вторична, а не первична: вторична от того духовно-нравственного культурного фундамента, который формировался столетиями и даже тысячелетиями, создавая особую «пространственно-временную плотность истории». Мамардашвили далее отмечает (а это был приблизительно 1989 г.), что российское пространство в этом смысле «почти что пустое», ибо в нем недостаточно «исторических точек», «сцеплений» и «сгущений», на основе которых только и возможна гражданская позиция, свобода и ответственность граждан страны. «Сцепления» и «сгущения» «завязывают историю», ибо «сама по себе она не течет»⁵. Нельзя сказать, что опыт России XX века недостаточно богат и трагичен, но из него еще не извлечены смыслы, еще не произошла кристаллизация катастрофического опыта, и потому возможны повторы безумия. И вряд ли за прошедшие два десятилетия этот опыт извлечен в достаточной степени. А если он не извлечен, то не спасут никакие институты и никакие законы и указы, ибо их действенность определяется указанной социальной «плотностью».

Если не возникло представления о незыблемости естественных прав человека, то не будет действовать и позитивное право, сколь хорошо бы оно ни было разработано. Мамардашвили подчеркивает, что «простая механическая или натуральная совокупность, общежитие людей лишь через такого рода связность превращается в общество. И гражданское общество, это, конечно, не общество вообще и не общество отдельно от других обществ, а есть определенное качество общества. Вот качественное общество есть гражданское общество. Оно не все общество, а общество, приведенное в определенное состояние... Убери усилие и исчезнет гражданское общество.

⁴ Федотов Г.П. Н.А. Бердяев — мыслитель // Собр. соч. в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М., 2004. С. 286.

⁵ Мамардашвили М.К. О гражданском обществе // Опыт физической метафизики. М., 2008. С. 234–235, 240–241.

Вот у греков: исчезло усилие, и исчезло гражданское общество еще до того, как варвары его разбили»⁶. То же произошло и с немцами в 20-е годы XX века, когда была создана Веймарская республика с ее сложными демократическими институтами. Куда проще оказалось взаимодействие «один фюрер, один народ», — такая прямая, непосредственная демократия, приведшая к чудовищным последствиям. В России мы наблюдаем такую же картину в то время, когда советская власть — тоже фактически прямая «народная» демократия — вырождается во власть тарана и тоталитарную партократию. Мамардашвили утверждает, что в 1917 г. произошло «коллективное самоубийство общества и государственности», общество вступило в «зону распада социальных связей», породивших лавину последствий. И вот мы до сих пор «имеем это максимально разряженное пространство, пустое пространство», в котором «почти что нет точек, в которых мое усилие завязалось бы», создав в качестве объективации гражданское общество. Все в социальном мире, по мнению Мамардашвили, зависит от личных усилий человека. Поэтому, «если социальная теория говорит о чем-то, чего я не могу сделать, в чем не могу участвовать и понимание чего не может стать элементом моего действия, то такая теория не существует»⁷. Ведь главное в социальной действительности — утверждение свободы человека, а если таковой нет, да еще и теория подводится под этот детерминизм, то происходит уничтожение и свободы, и основанной на ней социальности.

«Почему вообще нужна история?» — задается вопросом мыслитель. И сам же отвечает, что «время есть усилие, усилие бытия». Нам дано время, и личное, и историческое, чтобы мы состоялись, состоялись как граждане, чтобы на основе наших поступков могла возникнуть такая «связность», которую называют гражданским обществом. И нет других, внешних путей для этого. «Драму души» Мамардашвили, в духе Достоевского, рассматривает как «одну из исторических сил в человеке»: «То, что в действительности кажется социальными реакциями, социальными ролями... в действительности является драмой души... Так что труд души и свободы, труд свободы и есть собственно история. И очевидно, в истори-

⁶ Там же. С. 242.

⁷ Там же. С. 242–243, 245.

ческой сфере, или в сфере сознания (что одно и то же), прямыми путями являются только кривые (как, очевидно, в неевклидовой геометрии). Прямо — ничего нельзя», ибо «благими намерениями дорога в ад выстлана». Так призывы к прямой демократии и «гражданскому обществу» здесь и сейчас могут вести к развалу уже тех связей, которые худо-бедно, но работают. Разгул «демократии», как показала Веймарская республика, сломы 1917 и 1991 гг. в России могут вести лишь к разрушению социальности, а отнюдь не построению реального гражданского общества. Все реальное, как говорит древнекитайская мудрость, совершается медленно, но и неотвратимо.

Демократия, правовое государство, гражданское общество и другие важнейшие социально-политические понятия представляют, выражаясь языком Макса Вебера, «идеальные типы», которые вообще в реальности в полном объеме невозможны, но к которым необходимо стремиться, чтобы в результате в «осадок» выпадало какое-то более-менее устроенное человеческое общество. В этой связи демократия, как и другие указанные понятия, представляет в действительности процесс. Поэтому даже несколько некорректно спрашивать, есть где-либо демократия, или ее нет. Она всегда в какой-то степени есть, а в какой-то нет. Но ни одну страну в мире нельзя назвать всецело демократической. Каждая страна находится на той или иной стадии становления или развития демократии.

Особенно важны для демократии свобода слова, СМИ и совести. Уже Иммануил Кант утверждал, что даже одной гласности достаточно, чтобы общество начало демократизироваться и излечивать свои язвы. Видимо, понимая это М. Горбачев начал перестройку именно с гласности. Вместе с тем необходимо отметить, что ни демократия, ни гласность и другие принципы не являются самоцелью. Цель и высшая ценность — утверждение ответственной свободы и наличие реальных прав личности. Однако иногда свобода слова и гласность, также как и сама демократия интерпретируются как самодостаточные явления, нанося на деле вред личности, обществу и государству. Это происходит, когда демократия понимается как вседозволенность и анархия, а свобода слова превращается в произвол, лишенный всяких моральных ограничений, правовой и гражданской ответственности. Однако искусствен-

ное и командное, насильственное ограничение свободы слова столь же плохо, как и его произвол. Контроль над СМИ должен быть прежде всего общественным, профессиональным и моральным. Гражданское общество естественным путем должно при помощи специальных институтов давать правовую и моральную оценку деятельности СМИ.

Гражданское общество часто определяют как совокупность прямо не зависящих от государства и политической системы общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей людей. Тем не менее, долгое время понятия общества и государства рассматривались как синонимы. Однако постепенно зрело осознание того, что общество — это нечто более широкое, чем государство, что есть формы общественной жизни, непосредственно не регулируемые государством. Впервые гражданское общество пытался определить Аристотель, в Новое время его разрабатывал Гегель, определяя как «систему всесторонней зависимости», как «дифференциацию, которая выступает между семьей и государством». Он полагал, что гражданское общество создано впервые в современном ему мире и содержит в себе три момента: 1) систему потребностей, которая удовлетворяется посредством труда; 2) правосудие как форму защиты собственности; 3) полицию и корпорации как «заботу о предотвращении остающейся в этих системах случайности». Гегель подчеркивал, что развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства. Государство как единство различных лиц уже представляет собой гражданское общество, но только по определению, а не по понятию. Гегель подчеркивает, что в гражданском обществе «средства к существованию и благо единичного и его правовое наличное бытие переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены». Субъектом гражданского общества является «гражданин вообще (в качестве bourgeois)», т.е. для Гегеля полноценным гражданином может быть только собственник⁸.

Сейчас гражданское общество определяют как сферу жизнедеятельности людей, организованную и внутренне

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 235.

упорядоченную, свободную от непосредственного влияния со стороны государства и его должностных лиц. В гражданском обществе и посредством его люди реализуют свои частные интересы, объединяются в группы и организации. Оно охватывает семью, общественные объединения, сферу воспитания и образования, науки и культуры, религиозные сообщества и организации (церкви), профсоюзы, систему средств массовой информации, неписанные формы человеческого поведения и т.д. Гражданское общество объединяет людей юридически равных и свободных, экономически независимых и самостоятельных относительно государства, отношения которых с госаппаратом регулируются правом.

Правовое государство возникает одновременно с гражданским обществом и одно не бывает без другого. Своими законами правовое государство определяет меру свободы личности, наполнить же содержанием ее может только гражданское общество. Правовое государство — формальная сторона, а гражданское общество — содержательная сторона человеческой свободы. Только правовое государство может обеспечить невмешательство государственных должностных лиц в частную жизнь граждан, гарантировать им свободу выбора и других гражданских прав, по принципу можно все, что не запрещено законом и не противоречит морали. Вместе с тем лишь развитое гражданское общество может быть гарантом прочности и стабильности правового государства. Гражданское общество является социальной основой правового государства.

К основным сущностным признакам правового государства можно отнести следующие: верховенство закона (правовое государство ограничено в своих действиях конституцией, законом, оно учреждается, структурируется и функционирует на основе закона); гарантированность прав и свобод личности и гражданина; равенство всех перед законом; принцип разделения властей; независимый суд. Россия, хотя и имеет все данные положения прописанными в действующей Конституции, находится еще в начале их практического воплощения.

Демократия, правовое государство и гражданское общество невозможны без взаимной ответственности власти и народа: граждане также обязаны соблюдать законодательство и нести ответственность в случае их нарушения в соответ-

ствии с законом. «Каждый народ достоин своего правительства», однако, вместе с тем, не каждое правительство достойно своего народа (а бывает так, что и электорат может быть недостойн своего правительства). Так правительство РФ в эпоху разгула псевдо-рыночной вакханалии в 90-х гг. поощряло рост олигархических капиталов и фактически ввергло страну в новый застой, ибо реальные реформы, направленные на развитие самоуправления, не проводились, хотя о них много говорили. Власть также ответственна перед народом — она призвана обеспечивать равные возможности для граждан пользоваться защитой закона, признавать неотчуждаемые права человека, которые не должен нарушать закон.

Вместе с тем относительно гражданского общества существует несколько устойчивых и усиленно навязываемых нашему обществу мифов. Первый из них — об отсутствии гражданского общества в России. Действительно, оно еще не сложилось как система независимых институтов, способная оказывать существенное воздействие на государство, осуществлять действенный контроль за его деятельностью. Страна находится еще в начале этого сложного пути, прохождение которого усугубляется пассивностью обывателей, критиканством и нигилизмом интеллигенции, отсутствием стремления к самоуправлению, что связано с многовековым подавлением народной инициативы вначале крепостным правом, а затем тоталитарным режимом. Однако нельзя сказать, что гражданское общество в России полностью отсутствует. Из опыта последних лет, можно привести множество примеров, когда граждане, их объединения, отстаивали свои права и добивались успеха.

Следующий миф касается противостояния гражданского общества и государства, как будто у них не одна и та же задача — создание хорошо функционирующего общества. Гражданское общество должно не только критиковать власть там, где она совершает ошибки, предохранять ее от них, но и поддерживать усилия властей, направленные в сторону созидания и развития. Власть не может все делать плохо, у нас же даже то, что делается хорошо, — все равно плохо. Еще со времен Троцкого и ранее его, основная масса нашей интеллигенции и СМИ живут по правилу, «чем хуже, тем лучше», и даже — «чем лучше, тем хуже», т.е. априорно исходят из того, что у нас не может быть ничего хорошего, особенно

со стороны власти. Это хорошо известный со времен Достоевского и «Вех» феномен, называемый *нигилизм*. Именно он разъедает наше государство и не дает созидать нормальное гражданское общество. И зачастую именно те, кто с пеной у рта ратуют за гражданское общество, его же и разрушают распространением яда нигилизма по отношению ко всему, что происходит в стране. Остается только посочувствовать студентам, что они вынесут из этого нигилизма? Как они будут жить и строить новую страну, которую их учат презирать? В настоящее время необходима консолидация гражданского общества и государства, ибо у них одни цели и задачи, и одна страна — Россия, которую, как, оказывается, так легко разрушить и потерять за разговорами о «демократии» и «гражданском обществе». Так уже было в 1917, так повторилось в 1991.

Следующий миф касается обвинения власти в отсутствии гражданского общества. Здесь вообще мы вступаем в сферу какой-то шизофрении нашей «передовой» («креативной», как сейчас принято говорить) общественности: с одной стороны власть упрекают в том, что она ничего не делает для создания гражданского общества, с другой, как только она предпринимает какие-либо шаги в этом направлении (организация деятельности Общественной Палаты, например), ее сразу обвиняют в том, что она стремится создавать подконтрольные себе институты. А выход из этой ситуации один: интеллигенция, наконец, должна начать не просто говорить о гражданском обществе на конференциях и митингах, но реально созидать его собственным каждодневным трудом. Можно начать с собственного подъезда и детской площадки у дома, с собственного трудового коллектива и т.п. У нас же выработалась привычка, если лампочка в подъезде не горит, — виноват президент или премьер и они, сговорившись, уж точно против «демократии». Зато известные оппозиционеры могут обсуждать с высшими должностными лицами других стран, кто у нас должен быть очередным президентом, и кого они рекомендуют поддерживать со стороны США. Такой вакханалии «демократии» нет, пожалуй, нигде в мире.

Сейчас есть необходимая юридическая основа для создания и развития гражданского общества в России, и высшая политическая власть, взяв курс на модернизацию страны, с необходимостью заинтересована в развитии реально действу-

ющих демократических институтов. Но для этого одной законодательной базы и желания власти мало, — необходимо реальное участие граждан в этом процессе. В конце концов, созидать гражданское общество — задача граждан, а не власти. И если у нас нет гражданского общества, то начать надо с себя. Как говорили наши знаменитые либералы прошлого, прежде, чем воспитается гражданин, не может возникнуть гражданское общество. Только личность может быть реальным членом гражданского общества, созидать его. Полноценным гражданином может быть человек, не только наделенный юридическими правами и обязанностями, но и имеющий достаточный уровень самосознания, то есть осознанно относящийся к себе, своему месту и роли в обществе, активно участвующий в политической жизни. И здесь необходимо избегать как аполитичности, так и политиканства, равно наносящих ущерб обществу. Самая большая наша проблема — это дефицит личностей. Личность характеризуется независимостью и ответственностью, моральностью. И в этой связи можно сказать, что главное поле борьбы за народовластие и гражданское общество — студенческие аудитории и школьные скамьи. И именно здесь требуется наше реальное участие. В этой сфере лежит наша ответственность и наше дело, которое неизбежно принесет свои плоды в будущем.

Исследователи отмечают, что «американская трактовка русской демократии фактически строится на противопоставлении России Западу и опирается на теорию европоцентризма и американской исключительности. По сути, это своеобразное отражение стереотипов восприятия по типу “свой — хороший, чужой — плохой”⁹. Демократия уже давно перестала мыслиться в своем истинном смысле слова, превратившись в оружие «духовного княжения» (Макиавелли) определенных сил в мире: «В этом случае развитие демократии в России рассматривается как необходимый инструмент для обеспечения американских интересов в мире»¹⁰. В этой ситуации необходимо «выпрямление имен», о чем утверждали уже древнекитайские мудрецы, т.е. необходимо вернуть демо-

⁹ Лантвева Е.В. Тема «русской демократии» в американской политологии и современных научных и общественно-политических изданиях США // Демократия в современном мире: сборник статей. М., 2009. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 104.

кратии ее истинный смысл как народовластия, как демократии суверенной.

Согласно американскому политологу Дмитрию Саймсу, «за последние годы в США возник комплекс по распространению демократии. Возникли целые организации, которые этим занимаются профессионально... Это тысячи и тысячи людей, связанных с администрацией и конгрессом». При этом почему-то эти организации, финансируемые высшими госорганами, называются неправительственными. Д. Саймс указывает на большевистско-троцкистские корни этого американского «демократического мессианизма», движимого «небольшевистским эмоциональным зарядом». Относительно митингов, проходивших в России в период выборов 2011–2012 гг. Саймс отмечает следующее: «Что же касается демонстраций в России — у меня было четкое ощущение, что они иногда делались для иностранных корреспондентов, и одним из мотивов было желание быть замеченными в Вашингтоне»¹¹.

Демократия из политического идеала народовластия превратилась в идола, требующего все новых и новых жертв. Современные разговоры о демократии сделали ее заложницей определенных геополитических интересов. Демократия сейчас — это священная корова однополярной геополитики, результат идеологического диктата одного суверена и его идеологии над миром. Следствие этого — двойные стандарты, деление мира на «ось зла» и «ось добра», «плохих и хороших парней». Как отмечает Е.В. Лаптева, «обращаясь к работам американских авторов, необходимо помнить о том, что одной из черт американской политической культуры является настойчивое, а зачастую агрессивное распространение собственной модели экономического и политического развития. Американские политологи нередко отказываются от учета конкретного многообразия моделей, понятий и опыта. Они воспринимают американскую демократию, американский исторический опыт как безусловный образец для подражания»¹². И при этом «провинившихся» все время отчитывают

¹¹ Цит. по: *Сапожникова Г.* Почему Америке есть дело до всего мира? // Комсомольская правда. 18.04.2012.

¹² *Лаптева Е.В.* Тема «русской демократии» в американской политологии и современных научных и общественно-политических изданиях США // Демократия в современном мире: сборник статей. М., 2009. С. 101.

за несоблюдение либерально-демократических принципов, они уже заранее поставлены в положение обвиняемых (презумпция невиновности здесь не работает). Демократия сейчас — это новый вид оружия массового уничтожения, а именно, разрушения сопротивляющихся мировому суверену политических систем. Эта «демократия» действует безотказно, лучше ядерного оружия, разрушает неудобные государства как извне, так и изнутри, подпитывая «либеральную» оппозицию. Хотя всегда ясно, за какую «свободу» и для кого борется эта «оппозиция», ясно и какими методами — любыми, в том числе постоянной ложью, клеветой, зомбированием, подкупом и даже призывами к насилию и осуществлением насилия («цветные революции»). Когда речь идет о борьбе за «свободу», нет времени разбираться в средствах, думать о тех, для кого она должна восторжествовать. Под лозунгом свободы позволительно делать все, как в 1917 году под лозунгом равенства. Современный радикальный «либерализм» в России — это своеобразный большевизм начала XXI века. В России нет «демократии», зато она есть в Ираке (террор и фактически гражданская война, идущая там, не принимаются во внимание). Выборы, проводимые в России, подвергаются сомнению и зачастую не признаются, а в Ираке и Афганистане, находящимися под оккупацией, где совершаются почти ежедневные теракты с многочисленными жертвами, — фактически были признаны еще до их осуществления.

Понятие демократии извращено не только в международной политике, но и у нас в стране. Когда олигархи становятся защитниками демократии, то что-то неладно или с олигархами, или с той «демократией», которую они отстаивают. Ведь уже со времен Платона и Аристотеля известно, что наличие олигархов и демократия несовместимы.

Эти беззаветные любители человечества — сказал бы Достоевский — сколько бед уже принесли и еще принесут людям своим желанием построить то ли коммунистический рай на Земле, то ли (можем мы добавить в начале века XXI) либеральную демократию при помощи насилия и войск. В любом случае требуются жертвы, но тем, кто выживет, будет «хорошо». Именно так произошло с бывшей Югославией, которую просто разбомбили силы НАТО. XX и XXI века с мировыми войнами и геноцидом, бомбометаниями во имя демократии, убийством человека во имя или равенства (на-

чало века), или свободы (его конец), показали, какими методами действуют большевики и их идеологические антиподы. Хотя до прихода к власти и большевики были самыми большими «демократами» и отстаивали свободу «пролетариата».

Некоторые наши правозащитники, кормящиеся от различных зарубежных фондов, в том числе и спецслужб (мыслима ли такая «оппозиция» в какой-либо цивилизованной демократической стране?), избрали объектом своей защиты исключительно олигархов и мошенников (у которых десятки превосходно оплачиваемых адвокатов), зачастую и террористов, а простого человека некому защищать, ибо, что на нем можно заработать? Одни только затраты.

Отметим, что в данном случае критикуются ни США, ни тем более их народ, ни идеи либерализма и демократии, а, прежде всего определенные политические силы, извращающие гуманистические понятия в угоду своим эгоистическим целям. Такому извращению а затем и критиканству подверглось понятие «суверенная демократия»: его оболгали либеральные СМИ, не успев понять. На деле суверенная демократия — это ответ на «демократическую» экспансию, идеологию однополярной геополитики. Согласно высказываниям В. Суркова нам нужна такая же демократия, как в США, как в Европе, а именно — суверенная, т.е. основанная на власти собственного многонационального народа России¹³. Что же здесь антидемократического? А ведь это вообще единственно возможная форма народовластия. Или нам нужна не суверенная, а призывная? Как известно со времен Линкольна, реальная демократия есть власть народа, для народа и осуществляемая посредством самого народа, т.е. суверенная. Ведь суверенитет государства базируется на суверенитете народа.

Как отмечает В.В. Сербиненко, «одной из особенностей демократической традиции является то, что самая последовательная и глубокая ее критика оказывается инструментом развития демократии и даже необходимым условием ее существования. Безудержная апологетика и псевдорелигиоз-

¹³ См.: Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // PRO суверенную демократию. Сборник статей. М., 2007; Сурков В. Национализация будущего // PRO суверенную демократию. Сборник статей. М., 2007.

ное поклонение — вот что несовместимо и с демократическим идеалом и с демократической практикой... Сила демократии в признании ее слабостей»¹⁴.

С.А. Франк, В.В. Розанов, И.А. Ильин, А.И. Солженицын указывали, что демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством во благо общества¹⁵. В этой связи демократию можно представить как метод приведения к власти лучших. На деле в тех странах, где признается демократия как действительная реальность, существует аристократия. Если же демократия не способна выделить из своей среды лучших и предоставить им контролируруемую народом власть, то демократия вырождается или в охлократию как власть толпы, или «управляемую» (кем-то, но не народом) демократию. Исторически это уже происходило в Древней Греции, где демократия сменялась охлократией или тиранией, почему величайшие философы античности — Сократ, Платон и Аристотель были противниками такой «демократии».

Россия нуждается в *народовластии*, а не во власти «демократов» без демоса, она нуждается в свободе, но не власти «либералов» с ее пониманием как вседозволенности, безответственности и аморализма, со свободой лишь для избранных. Она нуждается в элите, которая бы действительно отстаивала интересы народа, чтобы не получалось, как отмечал А.С. Парин, что народ у нас «без элиты».

¹⁴ Сербиненко В.В. Русская идея и перспективы демократии в России // Метафизика социокультурного бытия в опыте русской философии. Ставрополь, 2010. С. 305.

¹⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 2005. С. 48.

ГИРЕНОК Ф.И.

О чувстве несправедливости в политике

Равным — равное, неравным — неравное. Эта мера, говорю я вслед за Платоном, ведет к справедливости. Если же неравным давать равное, то эта политика может породить чувство несправедливости у одних и чувство вседозволенности у других. Чувство несправедливости у русских стало формироваться еще в девятнадцатом веке, об этом рассказывает Ю.Ф. Самарин в «Письмах из Риги».

Система неравномерного властвования

Россия — империя, то есть как империя она должна была быть системой равномерного властвования. Мера власти для русских и мера власти для немцев должна быть одной и той же и в Риге, и во Владивостоке. Но когда Самарин в составе ревизирующей комиссии приехал в Прибалтику, в остзейский край, он понял, что положение русских в Прибалтике не равно положению немцев. Русские, присоединив к России Прибалтику, имели в ней один объем прав, а немцы — другой, больший.

Окраины притесняют русских

Деконструкция взглядов началась с ремонта комнаты, в которой жил Самарин. Оказалось, что отремонтировать ее можно, но русским эту работу поручать было нельзя. Они не были приписаны к цеху. Самарин обратился к знакомому купцу за разъяснениями. И тот ему объяснил. Дурак, мол, ты. Какая империя? Здесь же русские живут как люди второго сорта. Здесь правят бал немцы. Они граждане города.

А русские — обыватели. Гражданином города может стать, во-первых, законнорожденный, во-вторых, немец, в-третьих, лютеранин, в-четвертых, сдавший немцу экзамен по торговле или ремеслу. Немцы завладели магистратом, то есть всеми должностями городского управления. Они начальники. Русские подчиненные. Магистрат, как Академия наук. Братство немцев предлагает ему кандидатов, а он выбирает в свой состав. Захочет — выберет, не захочет — не выберет. Русских не хотели.

Граждане, в свою очередь, могли быть членами большой гильдии и малой гильдии. Купеческой и ремесленной. Русские в Прибалтике жили почти полтора столетия. И немногим удалось стать членами большой гильдии, которая, в свою очередь, делилась на три группы: простых членов, братьев и старшин. Так вот русское купечество могло состоять в простых членах. Но его никогда не принимали в братство. «Небольшое число граждан, немцев по национальности, составило братство, которое, ссылаясь на старинные привилегии, завладело всеми должностями городского управления, несмотря на то, что оно составляет только пятидесятую или даже сотую часть всего числа русских обывателей»¹. Все русское купечество составляло только один голос, равняющийся голосу одного гражданина, состоящего в братстве. «Мещане же и ремесленники греко-российского исповедания не причисляются даже к малой гильдии и не принимаются в цехи»².

Русские платили подати, исправляли городские повинности, а доходами города распорядились немцы, магистрат. Вот обеднеет какой-нибудь член братства, а его для поправления своего состояния отправляют к городским бенефициям, или доходным местам. Русский не может быть биржевым маклером, а член братства может. Или вот браковщик. Выгодная должность, хлебная. Но православного к ней и близко не подпустят. Он не член братства. Вздумает православный судиться, а в суде немцы. И тяжбу ведут они только на немецком языке и по иностранным законам. Если даже русский судится с русским, то дело все равно ведется на немецком языке.

Чтобы стать мастером, то есть получить право открыть мастерскую, принимать заказы и работать на свой счет, нуж-

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1889. С. 621.

² Там же.

но было обучиться ремеслу у местного мастера. А то, что ты получил образование в Петербурге, в расчет не принимается. Затем нужно было прослужить два-три года подмастерьем. После этого уехать на несколько лет на свободные заработки. Вернуться, сдать экзамен немцу, угостить всех мастеров, внести денежную сумму в городской фонд, и после этого ты мастер. Русские могли быть только учениками и подмастерьями.

Однажды русским печникам все это надоело. И они взялись за дело, то есть стали класть печи, несмотря на то, что они не были приняты в цех печников. Вышел скандал. Мастера цеха попросили власти запретить православным дальнейшее отправление ремесла. Магистрат запретил. Русские направили жалобу губернатору. Тот вмешался. Кончилось дело тем, что двенадцать православных приняли в цех печников с условием, что каждый из них будет иметь не больше двух учеников и будет работать под надзором у немца, а также 5 копеек с каждого заработанного рубля они должны будут отдавать немецким мастерам цеха. Стоит немец, трубкой попыхивает, плеткой помахивает, а русские работают. И немцу за то, что он над ними стоит, они еще и 5% барыша платят.

Как-то русские мешане потребовали свободы в отправлении торговых промыслов. Тогда суд их лавки и вовсе закрыл.

Конечно, прибалтийский дворянин пользовался своим сословным правом по всей России. А русский дворянин должен был вступить в рыцарство, и только после этого он мог пользоваться своими правами в Прибалтике. Самарин рассказывает, как остзейские дворяне русскую землю покупали. Они собрали деньги и решили купить земли, примыкающие к остзейским землям, но так, чтобы эти земли вошли в состав Прибалтики. Задумали. Сделали. Ничто им не мешает. Да на беду в том районе было поместье какого-то русского дворянина. И тогда остзейские дворяне направили в Петербург ходатайство, в котором испрашивалось разрешение включить в остзейский край и земли русского дворянина с условием, что этот дворянин будет в Прибалтике мещанином.

Самарин стал выяснять причины бедственного положения православных в Прибалтике. И три года выяснял, а потом написал семь писем к своим московским друзьям, в которых рассказал об увиденном в Риге. Он писал: «систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской

народности — вот что теперь волнует мою кровь». Не мы их, а немцы нас победили. «И после мы повторяем в своих учебниках: остзейский край завоеван, остзейский край присоединен к России. Мне кажется, — писал Самарин, — Россия присоединена к остзейскому краю и постепенно завоевывается остзейцами»³.

Причины бедственного положения русских

У немцев был Фихте. У русских — Самарин. Но если «Речи к немецкой нации» Фихте создали национальное сознание немцев, то «Письма из Риги» не стали речью к русской нации. Они привели к движению два десятка человек в Москве и Петербурге, и на этом все закончилось. «Письма из Риги» существуют как факт литературы, а не политики. Почему? Потому что у русских проблемы с волей к власти, по причине которой русские в остзейском крае не выступили с протестом, не организовали партию, не блокировали магистрат, не отказались от гражданского повиновения, а пресса не подняла шум. Герцен не забил в набат. Засулич не бросила бомбу в губернатора остзейского края. Правительство не собралось на экстренное заседание, царь не подал в отставку. Эта причина — смирение соборного человека.

Вот Самарин. Его письма — это не крик дословного, а обстоятельное научное исследование, ориентированное на поиски истины: «здесь сознаешь себя как русского и, как русский, оскорбляешься»⁴. Самая резкая фраза в его письмах звучит так: «Или мы будем господами у них, или они будут господами у нас»⁵. Если мы не будем русскими, нас сделают немцами. В России немцы должны обрусеть. Но энергия этого возгласа растворяется в громадных просторах России и в анонимной объективности. Она не действует. Ее не слышно.

Чтобы не стать немцем, Самарин отрастил себе бороду и тем самым выразил протест против порабощения имперского народа крайними племенами. Конечно, это мужественный шаг. Ведь Самарин — камер-юнкер двора его Император-

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 106.

ского Величества. А по указу царя дворянам запретили носить бороду, считая это подражанием Западу и неуважением к русской одежде. Бородатый дворянин должен был явиться в полицию и дать подписку о сбритии бороды. Самарин носил бороду до смерти.

Соборность

«Письма из Риги» подчеркивают особенность русского человека. Русские — люди имперские и одновременно соборные. Что значит соборные? Это значит, что мы исходим в своих действиях из доверия к людям, полагая, что мир изначально добр. Мы не полагаем, что тот, кого мы впервые встретили, изначально зол и от него нужно ждать самого плохого. Мы свободу связывают с бытом. У нас с одной стороны быт, а с другой — метафизика. А как только соборный человек выталкивается из традиционной социальной ячейки, он теряет. Его бытовая метафизика терпит крах.

В Прибалтике он столкнулся с правилами эгоистического существования и растерялся. На первый план выступило смирение как условие его существования. Условием существования личности является свобода, а соборного человека — смирение. Но из смирения не рождается воля к власти. В нем образуется бунт, то есть нечто неожиданное для самого бунтующего. Русские в Прибалтике смиренно просили одинаковых прав для себя и для немцев. Немцы требовали привилегий. Напор корпоративно организованной протестантской личности разламывал соборную структуру русского православного человека, важнейшими элементами которой были: смирение, совесть, община, круговая порука, соборное сознание, традиция.

Для того чтобы выжить, русский принужден был делать замены: его совесть менялась на честь, круговая порука на личную ответственность, смирение — на свободу, соборное сознание — на сознание индивида. Вот этот факт Самарин и обозначил как факт превращения русского в немца. Русский мог оставаться русским только под защитой князя, царя. Империя была его панцирем, броней, защищающей от внешних воздействий. То есть русская империя была способом существования неорганизованных множеств соборного человека, его ответом на вызов корпоративно организованных

личностей. Но защищенный извне, всемирно отзывчивый человек был не защищен от внутренних воздействий свободно ориентированных личностей. И в том, и в другом случаях он полагался на власть, на опору, которая держала его панцирь и обязана была следить за тем, чтобы под эту броню не попали существа, отравляющие соборный механизм, коммуникативные практики русского человека. А они попали. И Самарин об этом написал. Конечно, нашему народу было бы наплевать на власть, если бы он составил себе форму быта, независимую от власти. Но у соборного человека она зависима. И поэтому между народом и властью существует неписанный уговор. Власть держит панцирь. Народ терпит власть. Этот уговор делает жизнь русского человека абсолютно незащищенной в случае измены власти. Верховная власть должна заступаться за народ. А она этого не сделала в Прибалтике, в Польше, на Кавказе, и вот теперь она этого не делает даже в Москве. Власть должна была вынудить играть на русском политическом поле по русским правилам, то есть должна была подтвердить внутреннее право русского народа на формы жизни, которые он избрал. Ограничение власти монарха воспринималось Самариним как ограничение возможностей заступника, а также как расширение возможностей покушения на соборную жизнь со стороны начал, враждебных соборности. Поэтому Самарин был против конституции, против парламентской республики в России, против федерализма. Почему?

Неделимость власти

Потому что власть неделима. Когда она делима, она делает вид, что слушает народ, хотя предпочитает делать свои дела. Когда она неделима, она обращена к идее блага народа. Одно из этих благ для русского человека — государство.

Помимо этого есть еще одна причина. Есть народы, которые надеются на одни свои человеческие силы при достижении поставленных целей. К таким народам относятся европейцы. У них человеческие учреждения заменяют Бога. Русский народ не верит только в свои силы. Он еще уповаet на Бога. Самодержавие, империя были способом существования человека, уповающего на синергию своих сил и силы Бога. Но имперская организация власти стала давать сбой

на окраинах России. Она, изменив земскому принципу, стала ориентироваться на этнический, на национальный признак существования людей. И это при нулевом национальном сознании русского человека. То есть некоторые окраинные народы стали получать этнические привилегии. В то время как в России традиционно на каждое сословие возлагались обязанности перед государством. Тяготы доставались русским, привилегии инородцам. А это создавало возможности существования в России так называемых псевдонаций. Или народов-призраков. Что, в свою очередь, уже в XIX веке поставило русскую империю перед выбором: или полная денационализация империи, или Россия — для русских. Всякие промежуточные варианты будут губительны потому, что они при отсутствии национального сознания русских создадут нерусские квазинации. Федерация в России — это способ формирования и существования нерусских псевдонаций, которые под видом национальной демократии децентрируют политическую власть и она перестает служить защищающим панцирем для русского народа. И он должен будет либо умереть, либо стать материалом для какого-то иного народа. Уже неправославного.

Федерализм

Федерализм — один из самых неплодотворных путей развития русского государства, ибо он, как говорит Самарин, обособляет граждан и земли, раздваивает и уничтожает русское государство. Федерализм превращает Россию в гостиницу, в которой русские не находят для себя места. Они лишаются соборного имперского сознания и погибают, ибо национальное сознание у них не сформировано. На смену соборному имперскому человеку приходит обособленная национальная личность. Самарин обращает внимание на то, что немцы, господствуя в Прибалтике, управляли ею через немцев, шведы — через шведов. А русские привлекают для управления и немцев, и шведов, и сами управляемые народы. Русская власть не привлекает к управлению окраинами только русских, боясь обидеть чувства окраинных племен. Поэтому федерализм в России стал легальным способом формирования нерусских (антирусских) национальных элит. В остзейском крае получили власть остзейские дворяне. А это

неправильно, то есть несправедливо. Потому что аппарат управления был присвоен определенным этносом. Русские в этом крае стали подданными не царя, а местных корпораций. И самое главное. Возникает иллюзия существования неких наций там, где их нет. «Неужели всякий обрубок, без корня и верха, вправе присваивать себе значение нации? Мы доживем, наконец, до того, что немецкий клуб в Москве заговорит о своей народности»⁶. В империи должен быть один центр власти, одни законы и никаких социальных или национальных привилегий. В основе имперского быта России лежит неразделенность власти, неразделенность русского крестьянина и земли.

Н. Данилевский

Не В. Соловьев, и не Ю. Самарин, а Н. Данилевский стал точкой интенсивности русского сознания. Ю. Самарин возопил от ужаса мистериальных игр Бога и обратился к русской нации. Но нация его не услышала. Ибо никакой русской нации не было. Его услышал Н. Данилевский и написал «Россию и Европу». В. Соловьев дезавуировал написанное. Соловьев — это философская заглушка для русского сознания. Шум, заглушающий голос Н. Данилевского. И вот теперь все русские философы делятся на тех, кто шумит и заглушает. И на тех, кто слышит голос Данилевского. А услышали его немногие: К. Леонтьев да В. Розанов. Не все Данилевскому нравилось даже у Хомякова.

Политика и мораль

Хомяков пишет письмо англичанину Палмерсу, чтобы разъяснить смысл православной культуры России. Данилевскому противны эти ухаживания за иностранцами. Ведь русские и так привыкли смотреть на самих себя чужими глазами. Смотрят и ищут в себе общечеловеческие ценности. Например, Хомяков полагал, что государство — это средоточие любви и морали. А Данилевскому смешна его наивность. Или вот любовь Хомякова к Европе. Разве Хомяков не знает, что Европа враждебна России по самому своему смыслу. Нелюбовь к России расположена у Европы на уровне инстинкта,

⁶ Там же. С. 31.

бессознательного, ибо Россия — непреодолимое препятствие для нее. Европа разграбила Константинополь, обыграла Византию, но она не смогла превратить нас, русских, в материал своего развития, подобно Африке или Индии, не смогла изменить нас по своему образу и подобию. И поэтому Европа не может не видеть в России что-то враждебное для себя.

Хомяков морализирует государство. У него государство действует по законам морали и любви. Теоретически это, может быть, и так. То есть вполне возможно, что первое действие, рождающее государство, было моральным. Но теперь, когда оно уже есть, оно перестало быть моральным. На уровне воспроизводства государства в качестве государства нет места для любви и морали. Данилевский отказывается понимать государство в моральных терминах, ибо мораль — это самопожертвование, а политика — достижение общего блага посредством минимальных жертв. Поэтому-то мораль появляется в отношениях между людьми, а не между государствами.

Человек соотносит себя с вечностью, и поэтому он может пожертвовать собой. Государство — явление преходящее, временное. И поэтому действия государства должны основываться на законах временного существования. На политике, а не на морали. Одно государство не может приносить себя в жертву другому. «Око за око, зуб за зуб, строгий бентамовский принцип утилитарности, то есть здоровое понятие пользы — вот закон внешней политики, закон отношения государства к государству»⁷.

Между тем руководители русского государства действуют часто не как политики, а как моральные люди, прибегая к государственному самопожертвованию. Всякому свое. Политику — политика. Народу — мораль. Для всякого разряда существ и явлений есть свой закон. Различные этносы, вошедшие в состав России, это не исторические народы. У них нет никакой политической жизни вне русского государства. Но этот факт пытается оспорить русская интеллигенция.

Интеллигенция

Данилевский не любит интеллигенцию. Во-первых, это результат чужеземной прививки, действие Петра, которое

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 34.

«произвело ублюдков самого гнилого свойства...»⁸. Во-вторых, это полагание национального в качестве эмпирических пут для человека, помехи на пути его движения к общечеловеческому. Например, для Белинского человек вообще был выше конкретного человека. А чистая идея — значимее любой определенной идеи. Образованные люди России устремились к человеку вообще. К чистому сознанию. Правда, славянофилы стоят особняком. Но над ними всеобщий смех и глумление.

Например, 1878 год. Россия победила в войне с Турцией. Казалось бы, надо радоваться. А радоваться было нечему. Европа злилась. В ней господствовали антирусские настроения. На стороне Турции Европа буржуазная, католическая, демократическая и социалистическая. Но это полбеды. Возникли сомнения в самом смысле существования России, ее исторического бытия. Носителем этих сомнений стала интеллигенция. Мощным телом русской империи стала управлять хилая голова русской интеллигенции. «С этими сомнениями в сердце, — писал Данилевский — исторически жить невозможно»⁹. Интеллигенция предрешила судьбу России. И Данилевский это понял.

В составе России были многие народности. Для того чтобы войти в мировую культуру, им нужно было стать русскими, обрусеть. А поскольку «русское» (плохое) было постепенно замещено интеллигенцией на «европейское» (хорошее), постольку разным этносам теперь уже не было нужды в России. Им не нужно было делать себя русскими по нравам и обычаям. Достаточно принять на себя общеевропейский облик, чтобы прикоснуться к плодам мировой культуры. Но европейское враждебно русскому. Оно усиливает отчужденность окраин России, тех, кого можно назвать инородцами. Иными словами, интеллигенция заразила сепаратизмом этносы России. Даже некоторые русские перестали осознавать себя русскими, выдавая себя за европейцев. Сепаратизмом заразилась даже Украина — наша малая Россия.

Конечно, все истины односторонни. «Если бы этого не было, то понятия всех людей о том, что им хорошо известно, должны бы быть тождественны»¹⁰. А они не тождественны.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Данилевский Н.Я. Горе победителям. М., 1998. С. 269.

¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 132.

На всем лежит печать национального, единичного. Если общечеловеческое децентрируется, то национальное нельзя децентрировать. Европа вырабатывает не только идею личности, но и средство нейтрализации этой идеи: диалог. Признание другого. Там, где у европейцев действует диалог, у русских работает дисциплинированный энтузиазм.

Дисциплинированный энтузиазм

Дисциплинированный энтузиазм — это управляемый аффект, упорядоченная эмоция, являющая себя в том, что русские называют волей. У нас воля — это не наслаждение, как у римлян, не богатство, как у англичан и не латышское сопряжение воли с властью. Это свобода одного, не ограниченная свободой другого.

Русский народ может быть приведен в состояние дисциплинированного энтузиазма не только идеей, но и формой, неделимой полнотой бытия. Дисциплинированный энтузиазм «есть сила, которой мир давно уже или даже вовсе еще не видел»¹¹. К примеру, разделение властей убивает органическую волю, возможность действия не по внешнему принуждению. Воля не абстрактна, она всегда конкретна, всегда чья-то. Право, отделенное от правды, разрушает возможность проявления дисциплинированного энтузиазма. Народное тело не слышит приказа разделенной власти. Не подчиняется ему. И наоборот. Голова не внемлет импульсам тела, и оно сотрясается в конвульсиях. Запутывается в аффектах и страстях. И как в том, так и в другом случаях для людей нет дела, захватывающего душу полностью. Без остатка.

Бирюлево. Метаморфозы русских.

У русских происходит все не так, как в Европе. Там у них, сцепление культурных форм. И они живут этим сцеплением. У нас, как в Бирюлево, недисциплинированный энтузиазм русских оборачивается серией спонтанных микровзрывов, за которыми не следует изменение порядков. В России культурные содержания не работают за человека. У нас все случается изнутри, в душе, с захватом смыслов того, что тебя касается.

¹¹ Там же. С. 459.

И идет этот захват незримо для власти. Неслышно для прессы. «Когда же происходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы...»¹². Пришло время, и вот уже нет царя. И мы отказались от православия. Пришло время, и вот уже нет коммунизма. И мы все буржуазные демократы. Придет время и нынешняя власть, как показало Бирюлево, исчезнет так же неожиданно, как она и появилась. Внешним образом эти метаморфозы не объяснить. Ибо они приобретают смысл сначала внутри нас, тихо. А потом уже обнаруживаются вовне, как антикультурный жест, как манифестация полноты органического.

Конституция в России — это фарс

Органическая полнота власти неделима. Эта ее неделимость выражена, по мысли Данилевского, в самодержавии. Конечно, власть самодержца можно ограничить. Можно ввести конституцию и парламент. Без сомнения, русский народ выполнял и будет выполнять всю предписанную ему внешнюю обрядность. Он будет выбирать депутатов, как выбирал своих старшин и голов, будет голосовать за партийные списки, но не будет придавать избранным иного смысла и значения, как только слуг царя, как исполнителей его воли. У нас парламент и конституция никакой иной опоры, кроме воли правителя иметь не будут. Как же могут они ее ограничивать, если они на нее опираются. «Русская конституция, русский парламент... возможны только как мистификация, как комедия»¹³.

«При чтении некоторых наших газет, — пишет Данилевский, — мне представляется иногда этот вожаемый Петербургский парламент: видится мне великолепное здание... амфитеатром расположенные скамьи, сидят на них представители русского народа во фраках и белых галстуках, разделенные, как подобает, на правую, левую стороны, центр... скамьи министров, скамьи журналистов, председатель с колокольчиком...наконец и сама ораторская кафедра...а на ней оратор, защищающий права и вольности русских граждан...

¹² Там же. С. 191.

¹³ Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. Спб.: 1890. С. 228.

Но между всеми фразами оратора, всеми возгласами депутатов, рукоплесканиями публики мне слышится, как все заглушающий аккомпанемент, только два слова, беспрестанно повторяемые, несущиеся ото всех краев Русской земли: шут гороховый, шут гороховый, шут гороховый»¹⁴.

Россия как политическая калека

Россия подавляет своей громадностью. Означает ли это, что ее территория наращивалась путем завоеваний? Для того чтобы ответить на этот вопрос, Данилевский различает народы исторические и неисторические. У исторических народов есть государство, и поэтому они являются политическими нациями. У неисторических народов нет государства, и поэтому они неполитические нации. О завоевании можно говорить только применительно к государствам. Если же сталкиваются исторический народ и неисторический, то в результате столкновения происходит расселение народа. Так вот Россия расселялась. Европа завоевывала. При расселении было невозможно ущемление личных и гражданских прав неисторических народов. При завоевании одним государством другого — возможно.

В археографии конфликта между Европой и Россией Данилевский отходит от идеи Хомякова о том, что народ — это его вера. Дело не в вере, а в государстве. Народ — это его государство. А если это так, то суть дела состоит в утверждении формулы: один народ — одно государство. Вера может быть разной, но государство одно. Если же у одного народа разные государства, как сейчас у русских, то все они признаются Данилевским как политические калеки. «Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою»¹⁵.

Осень Европы

Никому не дана привилегия бесконечного прогресса. И Европе не дана. Каждое общество стареет по-своему. Есть время цветения, а есть время плодоношения и угасания. На

¹⁴ Там же. С. 229–230.

¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 26.

взгляд Данилевского, Европа отцвела в XVI–XVII вв. Плодоносным был для нее XIX век. Ну а плод есть дар начала осени. Солнце Европы перешло меридиан и склоняется к Западу. Как долго продлится осень Европы, никто не знает. И Данилевский этого не знал. Во всяком случае, он об этом не писал.

«Осень Европы» — это время ее отказа от христианства. Язычество бродит по Европе. Единую веру в ней заменила независимость мнений. Государство освободило себя от церкви, т. е. стало свободным от христианства. Брак стал гражданским, свободным от Христа. Без тайны. В нем обнаружилось голое половое влечение. Стороны влечения заключают контракт. Юридически нет причин для запрета разводов, многоженства, гомосексуальной семьи. В мире людей утвердилась коннозаводская практика. Христианство еще существует. Но уже как декоративный спектакль. Как христианство по инерции. Без святости церкви. А без нее христианство перестает быть христианством, цивилизация — цивилизацией. Почему? Потому что, если есть законы и есть тяжба между двумя сторонами, то должен быть и суд. То, что рассудит. Нельзя позволить тяжущимся прямо толковать закон. Но мистически этим судом всегда была церковь. Она стояла между Откровением и верующими. И теперь она утратила свой мистический смысл, а цивилизация — потеряла смысл суда. Осень для Европы — это весна для России, и русские должны использовать открывающуюся перед ними возможность исполнения смысла своего бытия.

Если славянство не будет иметь такого же высокого смысла, как и Европа, то оно не будет иметь никакого смысла. И тогда Россия «есть только мыльный пузырь, форма без содержания, бесцельное существование, убитый морозом росток»¹⁶. Но если Россия — «мыльный пузырь», то для чего так много жертв со стороны русского народа? Если мы не культурно-исторический тип, то нам ничего не остается, как обратиться в этнографический материал для достижения посторонних для нас целей. «И чем скорее это будет, тем лучше»¹⁷.

¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 125.

¹⁷ Там же.

ФИЛИПЕНКО Е.В.

Школа А.С. Панарина и дискуссии
о цивилизационном пути России
(итоги X Панаринских чтений)

Академическая или университетская среда — это, прежде всего, традиции, без которых не может быть преемственности, а важнейшая из традиций — поддержка научных школ, составляющих живое ядро научного наследия, ведь именно здесь происходит смычка поколений. Одна из наиболее заметных школ Московского университета и философского факультета была заложена профессором Александром Сергеевичем Панариным. Яркий и самобытный мыслитель современности, философ и политолог, которого с полным основанием можно назвать «пророком в своем Отечестве» (так называется одна из работ, посвященных его творчеству)¹, оставил после себя целую плеяду последователей и учеников, работающих на ниве политической философии.

География школы обширна. Наследие Панарина изучается, прежде всего, на кафедре философии политики и права философского факультета МГУ, в которую вошли члены кафедры теоретической политологии, созданной им в 1996 году. Не забывают Александра Сергеевича и в Институте философии РАН, где он до последних лет жизни возглавлял сектор социальной философии. Множество единомышленников и учеников он оставил в Государственной академии славянской культуры и, соответственно, во многих славянских странах. Среди них — Болгария, Польша, Сербская Республика (здесь была переиздана уже упомянутая книга о Панарине и пла-

¹ См.: *Расторгуев В.Н.* Пророк в своем отечестве: о прогностическом даре Александра Панарина. М., 2010.

нируется переиздание его монографий), Белоруссия и, конечно, Украина, с которой он был тесно связан с момента своего рождения и до последних лет жизни. Территориальная и институциональная разобщенность никогда не были препятствием для совместной деятельности ученых, которые относят себя к панаринской школе. Одной из основных площадок для обмена новыми идеями и проектами стали «Панаринские чтения» — ежегодный московский форум, посвященный памяти философа. При этом многочисленные отдельные конференции и семинары, посвященные наследию Панарина, но организационно не связанные с чтениями, не раз проходили в Москве и в Крыму.

Ежегодные чтения включали в себя иногда по две-три большие конференции, в том числе с международным участием, которые проходили как в МГУ и Государственной академии славянской культуры, к созданию которой Панарин имел прямое отношение, так и во всемирно известных культурных и научных центрах. Например, в 2004 году, через год после кончины Панарина, первые чтения состоялись в Государственном историческом музее, вторые чтения были организованы в Доме Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына (Александр Исаевич принял участие в подготовке форума, войдя в состав оргкомитета), третьи чтения — в Кремле, в Оружейной палате. Ряд больших конференций проходил в рамках чтений в Паломническом центре Московской Патриархии, который неоднократно брал на себя заботы по изданию и распространению материалов чтений.

Если кратко коснуться содержательной истории Панаринских чтений, то можно заметить, насколько широк и разнообразен охват тем, которые становились предметом дискуссий. «Культурное наследие как основа национальной идентичности» - тема первых чтений. Вторые Панаринские чтения были посвящены образовательной стратегии («Образование в России: образ России»). Различные аспекты межкультурного взаимодействия были предметом обсуждения на третьих чтениях в г. Севастополе. Тема четвертых чтений — «Культура наследования: природа дарения в глобализирующем мире». К пятым чтениям, посвященным взаимодействию духовной и политической власти, проявил интерес председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Кирилл, в настоящее время Святейший Патриарх, бла-

гословивший их проведение. В рамках каждого форума работала молодежная конференция или секция. К примеру, прологом к восьмым чтениям стала Международная научно-практическая конференция «Молодежь — Культура — Политика: историческая память и цивилизационный выбор», давшая возможность многим молодым исследователям представить результаты своей работы широкой публике.

* * *

Десятые юбилейные Панаринские чтения «Миссия России в современном мире», проходившие 26 декабря 2012 г. в Московской университете, подвели двадцатилетний итог работы научных и образовательных центров, которые были созданы при участии А.С. Панарина. Среди них Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, Государственная академия славянской культуры, а также Российский НИИ культурного и природного наследия имени академика Д.С. Лихачёва. В работе форума участвовали ученые, представляющие целый спектр научных дисциплин: философы, культурологи, политологи, социологов, филологи, экономисты, а также деятели культуры, служители церкви и политики, что подтверждает многоплановость и всеобщую значимость научного наследия Панарина (об этой особенности научной школы, созданной Панариным, о ее открытости говорила на пленарном заседании профессор И.К. Кучмаева, организатор и президент ГАСК.). К сожалению, даже беглая аннотация всех заявленных докладов и сообщений потребовала бы написания обширного текста, но не смола бы передать творческую атмосферу, которая отличала этот форум. Поэтому ограничимся упоминанием нескольких основных тем.

Большая часть докладов была посвящена различным аспектам цивилизационной преемственности и культурной идентичности России в ситуации поиска альтернативы глобализационному единообразию, а также поиску стратегий, в том числе и образовательных, способных консолидировать российское общество и преодолеть последствия социального разлома. Декан философского факультета В.В. Миронов, открывая чтения, отметил, что реформа образования — это поле конкурентной борьбы, на котором сегодня мы можем заметить смену культурных приоритетов в результате некри-

тического заимствования других моделей, что, в конечном счете, может поставить Россию в положение «аутсайдера».

Аналогичную позицию обосновал и лидер партии «Справедливая Россия» С.М. Миронов, который организовал и провел в Государственной Думе вместе с профессором В.Н. Расторгуевым за несколько дней до пленарного заседания молодежную секцию «Пролог Панаринских чтений»². По мнению С.М. Миронова, новый закон «Об образовании», принятый Государственной Думой, «уничтожит остатки системы всеобщего бесплатного образования в нашей стране», закрыв детям из бедных семей доступ к знаниям. Последствия ошибок такого рода — наследственная бедность и наследственное социальное неравенство. При этом докладчик ссылаясь на труды А.С. Панарина, вскрывшего причины демонтажа социальных программ и проведения в жизнь реформ, представляющих прямую угрозу для демографического и социокультурного потенциала России. Основная часть доклада была посвящена цивилизационному измерению российской политики и двум ключевым вопросам: может ли цивилизационный потенциал России стать ее конкурентным преимуществом в глобализирующемся мире, и сможет ли Россия реализовать свое предназначение в мировой истории? Вывод, сделанный С.М. Мироновым в докладе, сводится к тому, что Миссия России целиком предопределена ее культурой с ее постоянным поиском справедливости.

Огромный интерес вызвал пространный и яркий доклад выдающегося ученого-индолога академика Е.П. Челышева, председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Сам этот совет, одним из главных направлений работы которого является изучение цивилизационных особенностей развития России, был создан при деятельном участии А.С. Панарина. Челышев уделил особое внимание той роли, которую сыграла концепция Панарина в реализации целого ряда перспективных научных программ.

О справедливости как «функции совести» говорил и член этого совета, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент

² Информацию о работе молодежной секции см.: http://new.philos.msu.ru/kaf/fpp/news/item/prolog_x_jubileinykh_panarinskikh_chtenii_1586.

РАН Г.Б. Клейнер в докладе «Миссия России: скрепляя пространство и время». Соединив философский и экономический подходы, автор показал, что основой оценки государственной политики должна стать «экономика совести», поскольку территориальный и ресурсный потенциал страны-цивилизации должен использоваться, прежде всего, по совести. Обосновывая свою позицию, Клейнер ссылался на концепцию Панарина, изложенную в ряде работ, в том числе в книге «Реванш истории», где утверждается, что в центре следующей фазы мировой истории стоит не экономический, а постэкономический человек, «ориентированный на духовные, культурные и экологические приоритеты». Вся духовная традиция России ведет к тому, что встреча доэкономического человека с постэкономическим произойдет в России, которая к середине XXI века станет оплотом планетарной духовной реформации.

Заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ профессор М.А. Маслин, продемонстрировал, насколько тесно связаны идеи А.С. Панарина с наследием религиозной русской философии. По мнению докладчика, вне историко-философского контекста трудно и даже невозможно понять историческую судьбу и миссию России. Эту же тему продолжил и А.П. Козырев в своем докладе «Миссия русской философии». Своеобразный итог дискуссии по этой теме подвел заведующий сектором русской философии ИФ РАН профессор М.Н. Громов: «Русская философия — это философия страдания и прозрения, жертвенного служения истине, различная в своих проявлениях, трудная в интерпретации. Она включает самые разные интенции. Но самым ценным в ней является то, что создавалось по знакам вечности. К этому выводу пришёл в ходе своей духовной эволюции и Александр Сергеевич Панарин, обратившийся к православной цивилизации, которая составляет основу нашего культурного развития».

Одним из модусов вечности, по словам главного редактора «Русской народной линии» А.Д. Степанова³, является

³ По инициативе и при поддержке «Русской народной линии» была сделана видеозапись ряда пленарных докладов, прочитанных на Панаринских чтениях. С записью можно познакомиться на сайте кафедры философии политики и права философского факультета МГУ: <http://new.philos.msu.ru/kaf/fpp>

непрерывность научного и духовного поиска. В его докладе особое внимание было уделено взглядам и прогнозам Н.Я. Данилевского, которые помогают понять, в частности, историю становления Советской России. Они, по мнению докладчика, объясняют и особый путь России, которой было суждено стать «осажденной крепостью во враждебной капиталистическом (западном) окружении». С точки зрения докладчика, и катастрофу 1917 года, и сталинский проект не следует рассматривать только как разрыв преемственности. Напротив, мы видим здесь внутреннюю логику, свидетельство единства и неразрывности русской истории.

Многие выступавшие затронули широкий спектр вопросов, связанных с долгосрочным планированием и стратегическим прогнозированием, современным состоянием русской культуры, деятельностью ряда ведущих научных, образовательных и просветительских центров, а также идеями выдающихся русских мыслителей — Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, В.И. Вернадского, Н.С. Трубецкого, Н.Н. Моисеева и многих других, в ряду которых особое место занимает А.С. Панарин.

Своеобразной смысловой кульминацией чтений стало яркое выступление известного православного проповедника и писателя, выпускника МГУ протоиерея Артемия Владимировича, который полностью солидаризировался с позицией Панарина, считавшего, что научное знание и религиозное чувство органично дополняют друг друга.

Глубокое впечатление оставил и доклад профессора кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Т.А. Сенюшкиной. Она не только рассказала о многочисленных творческих поездках Панарина в Крым, но и показала созданный при ее участии документальный фильм, посвященный памяти Александра Сергеевича Панарина. Панарин действительно любил Ливадию и был убежден, что «Крым — это место большого диалога великих цивилизаций». В настоящее время фильм доступен широкому зрителю⁴.

Итог работы форума подвел один из его организаторов профессор В.Н. Расторгуев, отметивший возрастающий с каждым годом статус Панаринских чтений — как по составу участников, так и по масштабу поднимаемых проблем. Он

⁴ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=8C1ARcg7JQs>

отметил: «Научная школа, созданная Панариным, развивается и получает все большую известность, поскольку его идеи становятся востребованы временем. Школа Панарина выделяется тем, что она тесно связана с конфессионально-цивилизационным и философским наследием исторической России. Теория Панарина не воспроизводит и не навязывает обществу концептуальные схемы, механически заимствованные из западной политики и политологии, не занимается оправданием распада и научной легализацией несправедливо устроенного мира. Напротив, она ищет альтернативы моноцивилизационному тренду и установлению мирового единодержавия, так называемой однополярности».

Приложения

РАНЖОН Ф.

Гражданское общество: история понятия*

Предисловие от переводчика

Тема гражданского общества в современной политической науке занимает важное место. Это определяется процессом развития отношений между гражданским обществом и государством. Изменения функций, выполняемых государством в современных условиях, порождают необходимость переосмысления соотношения гражданского общества и государства. Однозначных трактовок проблемы не существует. Это связано с тем, что для стран с различным уровнем экономического и политического развития не может быть единых образцов взаимоотношений между этими институтами. Глобализация также накладывает определенные особенности на взаимодействие гражданского общества и государства.

Актуальность современных теоретических исследований названной проблемы не вызывает сомнения, так как они способствуют созданию концептуальных схем, позволяющих увидеть тенденции развития противоречий между гражданским обществом и государством, а также способствующих нахождению динамического равновесия данной системы на каждом конкретном историческом этапе. В России после перестройки тема гражданского общества снова приобрела актуальное звучание в связи с насущной необходимостью осмысления предпосылок его формирования в нашей стране. Иностранный опыт невозможно перенести на чужую почву, однако знакомство с теоретическими трудами зарубежных коллег полезен для продвижения вперед в познании проблемы, важной для общества в целом. На наш взгляд, определенный крен в ознакомлении с иностранными источниками в сторону англо-саксон-

* Перевод выполнен по: F. Rangeon, *Societe civile: histoire d'un mot*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.societologie.ca/Articles/Sociologie/Francois_Rangeon_Histoire_d_un_mot_Societe.pdf

ской традиции обедняет процесс накопления знаний в данной области. Поэтому знакомство с другими подходами и идеями о гражданском обществе, например, французских авторов был бы весьма полезным для российских специалистов и читателей, интересующихся данной проблематикой.

Французские исследователи внесли значительную лепту в разработку темы «гражданское общество-государство». Одной из важных вех на этом пути стал вышедший в 1986 году в Париже в издательстве *PUF* сборник статей французских исследователей, носивший название «Гражданское общество». В этом сборнике участвовали французские исследователи, рассмотревшие различные стороны гражданского общества: Ф. Ранжон, Ф. Дюпир, Д. Лопшак, Р. Дрэ, Д. Рази, П. Доши, С. Легран, Д. Мемми, К. Спану, М.-Ж. Кампана, Н. Декопман, Ж. Шевалье и др. Среди публикаций многие вызывают живой интерес. Вместе с тем, первой статьей, открывающей сборник, если не считать Презентации, написанной Ж. Шевалье, является статья Франсуа Ранжона, озаглавленная «Гражданское общество: история понятия». Видимо, это не случайно, так как она обращается к основе основ всякой науки — понятийному аппарату. В дальнейшем понятию «гражданское общество» посвятил книгу другой французский автор Г. Пиротт¹. О гражданском обществе писал в своем исследовании «Меч и цеп: Генеалогия гражданского общества и фанатизма»² адъюнкт-профессор политических наук Парижского института политических исследований Доминик Кола³. Такое внимание к базовому понятию проблемы, определило выбор текста для перевода. Статья Ф. Ранжона⁴, на наш взгляд, будет интересна читателю. Хотя она и дана с сокращениями, переведенный фрагмент дает представление о проблемах, поднимаемых в ней автором.

А.В. Соловьев

¹ *Pirotte G.* La notion de société civile, Ed. La Découverte, Paris, 2007.

² *Colas D.* Le Glaive et le fléau : Généalogie de la société civile et du fanatisme, Ed. Grasset, Paris, 1992.

³ Доминик Кола — р. 1944, французский политолог, адъюнкт-профессор политических наук в Парижском институте политических исследований. Известный исследователь. Автор переведенного на рус. яз. учеб. пособия «Политическая социология». М., 2001.

⁴ Франсуа Ранжон — р. 1950, профессор политических наук Пикардийского университета им. Жюль Верна, автор многочисленных публикаций.

РАНЖОН Ф.

Гражданское общество: история понятия

«Гражданское общество — это одно из самых неоднозначных понятий, являющееся предметом современных политических споров. Некоторые определяют гражданское общество через противопоставление Государству: программа либерализма, утверждает Г. Сорман⁵ должна «провести четкую границу между государством и гражданским обществом»⁶, поскольку гражданское общество представляет собой совокупность различных институтов (семья, предприятие, ассоциация...) в которых индивиды преследуют общие интересы независимо от государства и, «в соответствии с процедурами, создают особые ценности»⁷. Для других, гражданское общество не является прстой изнанкой Государства, но напротив «местом, где личное/частное и общественное взаимно проникают друг в друга»⁸. Последние не признают манихейское противопоставление между Государством и гражданским обществом и считают, что «имеется элементы власти, института, закона в самом гражданском обществе»⁹. Двойственность отношения гражданского общества к Государству, имеет ли оно внешний или комплементарный характер, артикулируется в двойном приближении к гражданскому обществу, которое одни сводят к его экономическому измерению, а другие напротив, настаивают на необходимости

⁵ Ги Сорман — французский журналист, политолог, издатель, общественный и государственный деятель (*прим. перев.*)

⁶ *Le Monde*, 27 déc. 1984.

⁷ Y. *Cannac*, *Le Débat* n° 26, sept. 1983.

⁸ J. *Freund*, «L'essence du politique», Sirey, 1965. p. 299.

⁹ G. *Lavau*, «L'espace politique français», *Esprit*, déc, 1979, p. 61.

«придавать большее значение всем неэкономическим измерениям гражданского общества»¹⁰. Это гражданское общество, так часто вспоминаемое сегодня и украшенное многочисленными добродетелями — свободой, инициативой, самоорганизацией — характеризуется, таким образом, многообразием своего содержания.

История слова позволяет понять происхождение этой многозначности. Она на самом деле показывает, что двусмысленность слова гражданское общество не в новинку и что данное понятие никогда не функционировало изолированно, но напротив, его значение всегда было связано со значением противоположного выражения. Итак, слово «гражданское общество» появляется во французском языке в XVII веке, одновременно со своим антонимом «естественное состояние». Понятийную пару естественное состояние — гражданское общество сменяет впоследствии и теперь имеющее силу противопоставление гражданского общества и государства. Эта эволюция порождает инверсию смысла слова гражданское общество, которое сначала политически организованное общество, т.е. государство, затем его *противоположность*, т.е. частное общество или общество без государства. Странная эта история слова, значение которого поменялось коренным образом на противоположное!

Эта запутанная история, сплетенная из последовательных смещений смысла, из разрывов, из возвращений назад интересна с нескольких точек зрения. Сначала она показывает, значение слова гражданское общество вписывается в двойную проблематику, проблематику соотношения гражданского и естественного и соотношения государства и общества. История слова не может быть изолирована от смещения и изменения проблематик, в которые оно включено. Кроме того, она указывает на то, что отсутствие ясного и стабильного определения слова не должно интерпретироваться негативно. Эта семантическая гибкость, напротив, является одним из условий политических прений. Она, наконец, раскрывает, насколько значение политических терминов зависит от положительных или отрицательных смыслов, которые им придаются. В проблематике, которая начиная с XVII века, противопоставляет естественное состояние гражданскому обществу, последнее

¹⁰ P. Rosanvallon, Le Débat, n° 26, sept. 1983.

приобретает ценность через свою связь с темами прогресса, разума, мира. Разъединение Государства и гражданского общества порождает затем, начиная с XVIII века, смену ценностей. Одни превозносят Государство, символ порядка и справедливости, противопоставляя его гражданскому обществу, неспособному решить свои внутренние конфликты, тогда как другие, напротив, ассоциируют гражданское общество с темой свободы, противопоставляя его инструменту принуждения, которым является государство.

На этом основании, выражение гражданское общество, несомненно, является *политическим* понятием, характеризующимся отсутствием единого значения и тем, что оно не может функционировать в одиночку; слова политического словаря, далекие от того, чтобы быть нейтральными инструментами мысли, представляют собой орудия политического конфликта. История идей отражается через семантическую эволюцию терминов из политического словаря; именно в эту историю мы хотели бы здесь внести вклад, указывая на главные изменения словосочетания гражданское общество.

Именно из-за ретроспективной иллюзии часто появляется соблазн думать, что современное значение слова вытекает из линейного процесса прогрессивного накопления смысла. История словосочетания гражданское общество, напротив, обнаруживает серию разрывов, неясностей, так как самые устаревшие значения не всегда наименее используемые. Открытое понятие, гражданское общество является предметом постоянного обновления дефиниции. С самого появления словосочетание носит двусмысленный характер, обозначая одновременно в политическом плане государство, а в экономическом плане рыночное общество. Такое двойное измерение позволяет понятию освободиться впоследствии от налета государственности и, эмансипированному таким образом, достигнуть своей автономии, но не настолько, чтобы исчезла изначальная двусмысленность. Эстатическому гражданскому обществу приходит на смену обособленное от государства гражданское общество, управляемое своими собственными законами; одновременно рыночное общество уступает место гражданскому буржуазному обществу, явившемуся, по мнению Маркса, результатом «политической эмансипации», происшедшей от Революции 1789 г. Обремененное либералами и марксистами отличающимися, а порой и против-

речивыми значениями и функциями, понятие становится подозрительным в глазах одних и других и в начале XX века подвергается временному упадку. Однако, в течение недавних лет понятие возрождается в новых формах. Подвергнувшись переоценке, гражданское общество *преображается* и выкристаллизовывает сегодня требование автономии и освобождения от Государства в общественной жизни.

Эмансипация гражданского общества

Две новых версии гражданского общества берут начало в XIX веке. Одна, вдохновленная либерализмом, представляет автономное гражданское общество: в Гражданском кодексе, как и в творчестве Б. Константа, это утверждающееся гражданское общество без государства (А). Другая версия, сначала гегельянская, затем марксистская опирается на две принципиальные характеристики гражданского общества, выделенные в конце XVIII века: экономическое общество и конфликтное общество. Гегель разрешил противоречие между расширением сферы государства и автономизацией гражданского общества, представляя государство и гражданское общество как два различных момента одного и того же процесса. Будучи освобожденным, гражданское общество становится у Гегеля «буржуазным обществом», сферой необходимости, обмена и столкновений частных интересов. Маркс заимствовал этот термин у Гегеля, но противопоставляя гегелевскую теорию реальности государства и современного ему общества и констатировал отсутствие примирения. Государство, далекое от решения противоречий гражданского общества, как это вообразил Гегель, наоборот, усиливает их (Б).

А) Социальное общество без государства

Отсутствие в Декларации прав человека и в революционных Конституциях, где оно заменено с одной стороны термином «нация», с другой — словом «общество», выражение «гражданское общество» испытывает первое затмение в конце XVIII века. Робеспьер, Сен-Жюст, Сийес, говорят не столько об отношении между гражданским обществом и государством, но в большей степени об отношении общество-нация. Сен-Жюст противопоставляет таким образом общество,

которое «не является продуктом человеческой деятельности», Республике, которая является результатом «установления»¹¹. Сийес противопоставляет «нацию», совокупность членов, живущих по одному закону»¹² в реальном разделенном и множественном обществе¹³. Перевооружив порядок вещей, Сийес преподносит нацию как предшественницу общества: «нация существует прежде всего, она источник всего»¹⁴. Итак, нация, являющаяся «единой» и «всем», затмевает гражданское общество. Промежуточные элементы, коллективные интересы должны исчезнуть и раствориться в нации¹⁵. Короче, гражданское общество у Сийеса больше не существует, и закон Ле Шапелье от 14 и 17 июня 1791 года провозглашает упразднение коалиций. Хотя кажется, что таким образом гражданское общество исчезает в революционных муках, оно, однако, скоро возродится. Это возрождение показывает новое развитие ее возможностей. Творчество Канта хорошо отражает эту новую динамику гражданского общества. Показывая, что гражданское общество является сферой права, как публичного, так и частного, он отказывается от его простого противопоставления естественному состоянию, утверждая, что «на самом деле только в нем [гражданском обществе] может осуществляться наибольшее развитие естественных предрасположенностей»¹⁶. Гражданское общество вновь обретает таким образом юридическое значение, которое экономисты XVIII века ранее сделали оккультным. Гражданский кодекс 1804 года образцовой иллюстрацией этого возрождения гражданского общества, общества, управляемого своим собственным правом. «Общество» в Гражданском кодексе (ст. 1832) это «договор», в котором «два или более лиц соглашаются совершить что-либо сообща». В противоположность нации общество является результатом произвольного и рационального расчета людей. Общество цивилизуется посредством права: цивилизация — слово, придуманное в XIX веке,

¹¹ *Institutions Républicaines*, section 2, in *OEuvres choisies*, Gallimard, coll. *Idées* ", 1968, pp. 312 et 314.

¹² *Qu'est-ce que le Tiers Etat?*, P.U.F., coll. "Quadrige", 1982, p. 31.

¹³ *Id.*, p. 50.

¹⁴ *Id.*, p. 67.

¹⁵ *Id.*, pp. 86–87.

¹⁶ *Critique de la faculté de juger*, # 83.

обозначает господство права над силой. Гражданский кодекс является отражением общества, которое мыслится прежде всего как «гражданское» общество, то есть управляющееся свойственным ему правом, а именно гражданским правом. Смещением смысла гражданское право становится частным правом, то есть правом социальных отношений, в противоположность публичному праву, праву суверенитета. Гражданское право становится моделью и основой всякого права: Гражданского кодекса, называемого кодексом Тронше, это «перистиль французского законодательства»¹⁷. Кодекс является конкретным проявлением существования принципа внутреннего порядка в гражданском обществе, этот порядок является не только экономическим, как у Смита, но также юридическим. Странный парадокс, но кодекс Наполеона, результат государственного творчества, предстает как инструментом автономии гражданского общества.

Получив свое законодательство, гражданское общество с этого момента может раскрепоститься и порвать пуповину, которая связывала его с государством. Этот разрыв нашел отражение в противопоставлении гражданского и политического. Гражданское общество постепенно идентифицирует себя с частной сферой, отличающейся от публичной сферы, где господствует государство. Творчество, которое кажется нам наиболее значимым в закреплении этого разрыва, это творчество Б. Констана.

С Б. Констаном либерализм становится доктриной, одной из принципиальных характеристик которой является отделение гражданского общества от государства. Можно сказать, что «существование этого отделенного от государства гражданского общества, которое находят только в либеральном обществе, является таким образом одним из характерных элементов последнего»¹⁸. Б. Констан превозносит уверенность общества в своей самодостаточности. Автор требует признания прав и свобод гражданского общества по отношению к государству: «именно гражданскую свободу я требую вместе с другими формами политической свободы»¹⁹. Граж-

¹⁷ *Tronchet*, séance du 6 thermidor an IX, in *Loché*, t. I, p. 395.

¹⁸ *La démocratie libérale*, P.U.F., 1978, p. 264.

¹⁹ *De la liberté chez les Modernes*, éd. M. Gauchet, *Le livre de poche*, coll. "Pluriel", 1980, p. 510.

данская свобода, то есть «мирное пользование индивидуальной независимостью»²⁰ является, согласно Констану, результатом «прогресса цивилизации», торговли, «коммуникации»²¹. Этот прогресс обогатил систему отношений, которые создают меду собой индивиды в гражданском обществе: социальные разветвления более сложны и более пространны, чем раньше». Гражданское общество является, по сути, коммуникационным обществом, сетью межличностных связей. Совсем не собираясь противопоставлять чисто индивидуальную свободу коллективной политической свободе, автор показывает, что «сфера деятельности индивидов» является рациональной сферой, где разворачивается динамизм межличностных связей. Двойная угроза нависла над гражданским обществом. Риск заключается в том, что индивиды счастьем [их] частной независимости и [их] частных интересов»²², замыкаясь таким образом в их индивидуальной сфере. Противоположная опасность заключается в поглощении общества государством. Констан провозглашает логическое и онтологическое предшествование общества по отношению к государству: «с момента существования общества между людьми устанавливаются некоторые отношения ... Законы ... не являются причиной этих отношений, которые, наоборот, предшествуют им»²³. Государство возникает из гражданского общества, а не наоборот. И то, и другое управляется по своим собственным организационным принципам, а законы государства лишь отражают законы общества. Так устанавливается дуализм гражданское общество-государство, разрыв, который Констан объясняет «природными» причинами: в гражданском обществе отношение между людьми «соответствует их природе» и тем самым являются необходимыми: «есть часть человеческого бытия, которая *по необходимости* остается индивидуальной и независимой, и которая по праву находится вне всякой социальной компетенции»²⁴. Автор натурализует гражданское общество, отделяя его таким образом от государственного господства и даже переворачивая отно-

²⁰ Id., p. 182.

²¹ Id., p. 184.

²² Id., pp. 512–513.

²³ Id., p. 57.

²⁴ Id., p. 271 (*курсив автора*).

шение государство — гражданское общество. Прогресс цивилизации порождает растущую автономию гражданского общества по отношению к государству. Противоречие, которое мы приводили раньше, между фактическим развитием господства государства и дискурс возрастающей автономии гражданского общества является тем самым противоречием, которое Б. Констан анализирует и старается разрешить. Принцип этого разрешения заключается в идее, согласно которой оба движения: укрепления государства и автономизации гражданского общества, не исключая друг друга, являются в реальности коррелятивными. Констан прекрасно видит, что обогащение и усложнение, расширение гражданского общества само по себе не порождает закат государства. Как объяснить тот факт, что рост государственной опеки над гражданским обществом идет совместно с увеличивающейся автономизацией гражданского общества? Сначала автор проводит границу между гражданским обществом и государством и определяет пределы суверенитета. Затем он анализирует фактическую взаимозависимость между гражданским обществом и государством. В противоположность некоторым современным либералам он не противопоставляет гражданское общество и государство как две сферы действительности, но, напротив, стремится осуществить их сочетание. Современность Констана заключается в показе того, что речь идет не столько о создании искусственных преград вмешательству государства, сколько о способствовании самоорганизации гражданского общества. Автор думает, что укрепление государства не обязательно противостоит укреплению гражданского общества: сильное государство предполагает мощное гражданское общество. Речь не идет о разоблачении государства во имя гражданского общества, так же, как речь не идет об отказе от политической свободы в пользу гражданской свободы; напротив, надо «сочетать одну с другой»²⁵.

Здесь измеряется путь, пройденный от изначального уравнения между гражданским обществом и государством. От искусственного гражданского общества установленного человеком мы перешли к естественному гражданскому обществу, управляемому своей собственной внутренней необходимостью. На смену приданию главенствующей роли

²⁵ Id., p. 514.

государству, гаранту политических свобод, приходит экзальтация общества, в котором царят гражданские свободы. Центральным вопросом с этих пор становится вопрос примирения гражданского общества с государством, и именно на этот вопрос пытался ответить Гегель в своей работе «Основания философии права». Возвращаясь к экономистам XVIII века, Гегель наделяет гражданское общество чертами «буржуазного общества».

Б) Гражданское общество или буржуазное общество

Гегелевская концепция гражданского общества вне сомнения является концепцией, которая более всего способствовала закреплению современного смысла за этим понятием. Отказываясь от традиционного определения государства и гражданского общества²⁶, Гегель под влиянием Смита и Стюарта понимает гражданское общество как «систему потребностей», то есть как сферу производства и разделения труда. Чтобы четко отметить, данное гражданское общество характеризуется своим экономическим измерением, Гегель называет его «*bürgerliche Gesellschaft*» то есть «буржуазным обществом».

Так он объясняет выбор этого нового выражения: «в праве, объект является личностью ... в семье, это член семьи. В гражданском обществе это *Bürger* (буржуа)»²⁷. Под «буржуазным обществом» он не подразумевает, как это сделает позднее Маркс, исторически конкретное общество — такое, в котором буржуазия стала господствующим классом, но этап промежуточного между семьей и государством процесса²⁸.

Освобождаясь от семьи, человек становится «буржуа», способным удовлетворять свои потребности своим трудом. Гегель, редко прибегавший к иностранным терминам, использует французское слово «буржуа», («*der Bürger als bourgeois*»), чтобы четко выделить отличие от гражданина: буржуа являются все те, кто обращены исключительно к себе, кто преследует лишь свои частные интересы в противоположность гражданам, которыми руководит общий интерес. «Буржуа»,

²⁶ Principes de la philosophie du droit, # 258, remarque.

²⁷ Id., # 190, remarque.

²⁸ См.: J.-P. Lefebvre et P. Macherey, Hegel et la société, P.U.F., coll. «Philosophies», 1984, pp. 20 ss.

таким образом являются не только торговцы и промышленники, но в более широком смысле все индивиды занятые своей безопасностью и частной собственностью.

Переход от семьи к гражданскому обществу представляет собой то, что Гегель называет «моментом различия»²⁹. Тогда, как индивид являлся лишь членом семьи, который освобождается в обществе и посредством гражданского общества и сам становится собственной целью своей деятельности.

Буржуазное гражданское общество представляет у Гегеля три последовательных измерения: сначала экономический порядок («система потребностей»), затем юридический порядок («юрисдикция») и, наконец, институциональный порядок («администрирование и корпорация»). Не стоит сводить его к его первому измерению: в противоположность экономистам XVIII века Гегель рассматривает гражданское общество как институционально-юридическую сферу, преобразующую государство. Не являясь простой изнанкой государства, гегелевское гражданское общество является его предвестницей. Кроме того, государство превосходит гражданское общество, но не упраздняет его. Гражданин всегда остается буржуа, так же как членом семьи. На этом основании гегелевское государство никакое не тоталитарное в смысле, когда оно было бы для гражданина единственно возможным миром и когда оно поглотило бы гражданское общество. Государство превосходит гражданское общество поскольку последнее преследует единственную «ограниченную и конечную»³⁰ цель, то есть частные, индивидуальные или коллективные интересы. Гегель не выступает против гражданского общества во имя государства: он признает за ним даже некоторые добродетели, в частности признание личного/индивидуального права и профессиональной этики: в гражданском обществе «частное благосостояние осуществляется и одновременно признается как право. Священность брака и профессиональная честь являются двумя основами ... гражданского общества»³¹. Однако основным предназначением гражданского общества является подготовка почвы для государства: «итак, гражданское общество приводит к государству» утверж-

²⁹ Principes de la philosophie du droit, # 181.

³⁰ Id., # 256.

³¹ Id., # 255.

дает Гегель³². Перевернув логический порядок изложения, Гегель показывает государство не только как «истину» гражданского общества, то есть его реальное осуществление, но также как «его настоящую основу». На самом деле, именно в государстве рождается и развивается гражданское общество, следовательно, государство «в действительности» является первичным. Так гражданское общество ретроспективно становится моментом идеи государства: оно приобретает смысл по отношению к государству. Гражданское общество уже является потенциальным государством, но оно лишь «государство без сплоченности»³³ или также «государство с трудностями и размежеваниями»³⁴. Итак, гражданское общество понимается Гегелем как нехватка универсальности и единства по сравнению с государством. Но это не значит, что гражданское общество существует только по отношению к государству. В самом деле, Гегель придает ему собственную состоятельность. Хотя и опирающееся на эгоистические основания — преследование частного интереса, удовлетворение потребностей — гражданское общество не является естественным состоянием, где господствует война всех против всех. В гражданском обществе буржуа удаётся организовать и достичь относительной всеобщности. В этом смысле гражданское общество — это сфера частных институтов: корпораций и ассоциаций... Этим институтам удаётся сочетать индивидуальные частные интересы, и они способны через свою юридическую деятельность регулировать некоторые конфликты интересов. Но в гражданском обществе эти конфликты постоянно сохраняют угрожающий характер, и частным институтам, обслуживающим только коллективный интерес, а не общий интерес, не всегда удаётся предотвратить их.

Гегелевская версия гражданского общества настаивает таким образом одновременно на его освобождении и его зависимости по отношению к государству. Гегель устанавливает границы этого освобождения: гражданское общество реализуется через иное, чем оно само — через государство. Государство обязано решать внутренние противоречия гражданского общества: следовательно, оно должно быть «под-

³² Id., # 256.

³³ Encyclopédie, # 523.

³⁴ Principes de la philosophie du droit, # 183.

чинено господству» государства³⁵. В итоге Гегель восхваляет подчинение гражданского общества государству, являющемуся сферой примирения конфликтов.

Начиная с Гегеля считается само собой разумеющимся, что гражданское общество — это не государство, но что оно существует только в соотношении с государством. Это соотношение, однако, носит двусмысленный характер: между государством и гражданским обществом завязывается сложная игра противоположности и комплементарности. Основываясь на критике Гегеля, Маркс вырабатывает свой собственный анализ гражданского общества, понимаемого в очередной раз во взаимосвязи с государством.

По отношению к гегелевской версии гражданского общества реакция Маркса двоякая. Сначала он противопоставляет гегелевскую концепцию реальности существующего гражданского общества и государства и констатирует отсутствие соответствия. Государство не является фактическим осуществлением свободы и общего интереса; гражданское общество не просто подчинено государству. Затем Маркс накладывает гегелевское представление о гражданском обществе на тексты экономистов, вдохновивших Гегеля; тут он тоже констатирует отсутствие соответствия. Гражданское общество Смита не является институциональной системой потребностей, описанных Гегелем.

Маркс хочет, прежде всего, укоренить гражданское общество в реальности социальных отношений. Далекое от того, чтобы быть «моментом» развития Идеи, гражданское общество означает для Маркса материальные условия существования индивидов: «юридические отношения, а также формы государства... берут... свои корни в материальных условиях существования, совокупность которых Гегель по примеру англичан и французов XVIII века понимает под именем гражданского общества»³⁶. Идеалистскому представлению гегелевского гражданского общества Маркс противопоставляет материалистическую и историческую концепцию. И, если он сохраняет вокабулу «*bürgerliche Gesellschaft*», в этом случае речь идет о буржуазном обществе, то есть об одном из

³⁵ Le droit naturel, trad. Kaan, Gallimard, coll. "Idées", 1972, p. 119.

³⁶ Marx, Préface (1859) a la Contribution a La critique de l'économie politique, in Marx, Engels, Etudes philosophiques, éd. sociales, 1974, p. 121.

этапов исторического процесса, в ходе которого буржуазия является господствующим классом. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс идентифицируют гражданское общество с «отношениями между людьми», связанными с капиталистическим «способом производства»³⁷. На этом основании гражданское общество является не только фундаментом государства, но и «всей истории» в той мере, в которой внедряясь в «реальный процесс производства», оно представляет «материальное производство непосредственной жизни». Тогда становится понятно, что Маркс и Энгельс историфицируют гражданское общество, являющееся ничем иным как «буржуазным обществом на своих разных стадиях». Проект Маркса заключается в том, чтобы выявить внутренние структуры буржуазного гражданского общества, показать ее «анатомию», исходя из прочтения трудов экономистов³⁸. Маркс, таким образом, сохраняет в основном экономическую концепцию буржуазного гражданского общества. Но он в действительности хочет освободить гражданское общество от государства и *переосмыслить гегелевское выражение*: государство больше не является основой гражданского общества, а, наоборот, государство зиждется на гражданском обществе³⁹. Комментируя Гегеля, Маркс видит в гражданском обществе «частное государство», то есть не политическое государство или частное государство с общим интересом: в этом смысле, полагает Маркс, гражданское общество является для Гегеля «противоположностью» государства его «антиподом». По мнению Маркса, Гегель «отделяет» гражданское общество от государства⁴⁰. Маркс признает, что это «отделение существует реально в современном государстве, это правда». Государство, в действительности, через бюрократию реально дифференцировалось, отделилось от гражданского общества, то есть от материальных условий существования индивидов. Он ставит в заслугу Гегелю то, что он в этом отношении правильно проанализировал действительность прусского госу-

³⁷ L'idéologie allemande, première partie, éd. sociales, 1968, p. 57.

³⁸ Préface a la Contribution a la critique de l'économie politique, op. cit., p. 121.

³⁹ Critique du droit politique hégélien, éd. sociales, 1975, p. 38 (*курсив автора*).

⁴⁰ Id., pp. 130–131.

дарства, государства, которое бюрократизируясь, господствует над гражданским обществом. Маркс доходит до того, что приписывает Гегелю слова, что гражданское общество не только отделено от государства, но также оно «против» государства⁴¹. Это противопоставление является для Маркса характеристикой «современной ситуации»⁴² и означает отчуждение. Фактическое отделение гражданского общества от государства, освобождение гражданского общества порождают в действительности отделение человека от гражданина. Чуждый самому себе человек оказывается, в каком-то роде, поделен между своей публичной жизнью и своей частной жизнью, между своей жизнью гражданина и своей жизнью буржуа. Политическая иллюзия либерализма состоит, по мнению Маркса, в поддержании разделения публичной и частной сферы в реальной жизни, хотя объединяя их в политической жизни.

Исходя из этого, Маркс осуществляет двоякое прочтение гражданского общества: с одной стороны реальная и материальная основа государства, с другой стороны гражданское общество — противоположность государства. Стало быть, у Маркса мы находим две концепции гражданского общества, также мы открываем у него «две теории государства»⁴³. С *экономической точки зрения* гражданское общество является надстройкой над которой поднимается государственное политическое здание; в этом первом смысле гражданское общество — это буржуазное общество, рассматриваемое под углом зрения его экономического и социального функционирования. С *социологической точки зрения* гражданское общество является в истории современного государства — Маркс берет пример бонапартистского государства и прусского государства — общественной организацией, такой, какой она проистекает из процесса государственной дифференциации. Бонапартистское государство превратилось в «независимое от общества»⁴⁴, говорит Маркс. Историческое становление гражданского общества является во втором

⁴¹ Id., p. 130.

⁴² Id., p. 126.

⁴³ B. Badie, P. Birnbaum, *Sociologie de l'Etat*, Le livre de poche, coll. "Pluriel", 1983, pp. 15 ss.

⁴⁴ Le dix-huit brumaire de Louis Bonaparte, Pauvert, 1984, p. 274.

смысле параллельным историческому становлению современного государства. Следовательно, гражданское общество амбивалентно: экономическое гражданское общество — с одной стороны, политическое гражданское общество — с другой. В основном на этом втором аспекте марксистской концепции гражданского общества будут основываться исследования Грамши. Возвращаясь к Гегелю, минуя Маркса, Грамши видит в гражданском обществе сферу частных институтов: церкви, школы, профсоюзы... Именно таким гражданским обществом, в версии Грамши, вдохновился Альтюссер, чтобы создать свою теорию идеологического аппарата государства⁴⁵. Грамши полагает, что государство не сводится к своей репрессивной функции, а охватывает также ряд юридически частных институтов, способствующих распространению господствующей идеологии. Итак, гражданское общество не является сферой, предшествующей государству: оно — «основа», «этическое содержание» государства, место отправления функции культурной и политической гегемонии⁴⁶. В этом смысле гражданское общество является для Грамши *политической* сферой, а не просто экономической: оно является пространством, структурированным институтами, вырабатывающими и распространяющими идеологии, которые цементируют социальный корпус. Двойственное у Маркса, где оно зависит одновременно от базиса и от надстройки, гражданское общество превращается у Грамши в определяющий элемент надстройки. Так происходит опровержение экономической интерпретации гражданского общества: гражданское общество для Грамши не представляет собой капиталистический способ производства, а сферу отправления идеологической и политической функции государства. Здесь речь идет о настоящей трансформации традиционной концепции гражданского общества, и вместе с Грамши мы далеко отходим от Смита и Мандевиля. Эти семантические эволюции возвещают метаморфозу понятия гражданского общества в ходе XX века.

⁴⁵ Л. Альтюссер эксплицитно ссылается на Грамши и, в частности, на его концепцию гражданского общества в статье «Идеология и идеологические аппараты государства» (см.: *La Pensée*, juin 1970, repris dans *Positions*, éd. sociales, 1976, p. 82).

⁴⁶ Gramsci dans le texte, éd. sociales, 1977, pp. 469, 606 ss.

Метаморфоза гражданского общества

Отделенное от государства Гегелем и Б. Констаном, отождествленное с буржуазным обществом Марксом, впоследствии вновь введенное Грамши в состав надстройки, понятие гражданское общество казалось бы растворилось во множестве значений, при отсутствии какой-либо заметной логики, соединяющей между собой различные употребления этого понятия. Действительно, представляется невозможным коренным образом противопоставлять марксистское понимание гражданского общества либеральному пониманию. И то, и другое имеют много точек соприкосновения, в частности, отделение, точнее противопоставление государства и гражданского общества. В некоторых случаях гражданское общество у Б. Констана ближе к трактовке этого понятия Марксом, чем к трактовке Грамши. Не политическое у Констана и у Маркса оно, напротив, полностью политическое у Грамши. Это связано с тем, что в XX веке понятие гражданского общества претерпело настоящую метаморфозу. После последовательного принятия форм государства, затем частных отношений между индивидами, в особенности, экономических отношений, а также идеологических отношений словосочетание гражданское общество казалось бы исчезло в XX веке, чтобы затем возродиться по-новому.

Марксистское отождествление гражданского общества с буржуазным обществом с самого начала делает этот термин сомнительным для либералов. Место это понятия, на самом деле, до странности скромное, даже отсутствующее, в дискурсах современных теоретиков либерализма, таких как Ф. Хайек, Дж. Роулз, Б. де Жувенель и Р. Арон. Однако этот период упадка «гражданского общества» (А) становится прелюдией превращения данного понятия в настоящий миф (В). Термин гражданское общество, избыток значений которого сделало его неуловимым, появляется вновь, несущий в себе совокупность позитивных ценностей. Сложным теоретическим конструкциям Гегеля, Маркса и Грамши пришел на смену упрощенческий манихеизм, сделавший из государства символ зла и, наоборот, из гражданского общества мифическое воплощение добра. Это упрощение соединяется с ретроспективным чтением древних авторов, которое находит отражение у современных либералов и марксистов, осуществляющих на-

стоящее переписывание заново истории термина гражданское общество. Нынешняя метаморфоза понятия гражданское общество порождает новое прочтение его истории, в которой современные авторы думают отыскать начала его современной формы.

А) Упадок «гражданского общества»

Слишком много говоря о гражданском обществе в самых различных, и даже противоположных смыслах, можно прийти к тому, что не будешь знать, о чем идет речь. Таким образом, современные словари ограничиваются перечислением основных значений слова, не отваживаясь предложить синтетическое определение. В своей книге *Lexique des sciences sociales* (Лексика социальных наук)⁴⁷ М. Гравитц⁴⁸ отдельно рассматривает гражданское общество «по Гегелю», затем, «по Марксу» и, наконец «по Грамши». Примечательно, что в этом списке отсутствуют либеральные авторы. Они, как представляется, на самом деле отказались от использования этого слова. Рассуждая «о власти» и «о суверенитете», Б. де Жувенель исследует основные концепции «общества» и государства, не останавливаясь на гражданском обществе⁴⁹. Что касается Р. Арона, он разоблачает «двусмысленности марксистской социологии» и, особенно, такие заимствования Маркса из гегелевской терминологии, как понятийная пара государство — гражданское общество. Для Р. Арона гражданское общество является слишком общим и неточным понятием, чтобы объяснить эволюцию современных обществ.

Если мы рассмотрим труды современных мыслителей, относимых к «неолибералам», мы констатируем то же отсутствие термина гражданское общество. Хотя Хайек находился под влиянием идей Адама Фергюсона, он в свою очередь не возвращается к понятию гражданское общество и предпочитает выражения «открытое общество», заимствованное у К. Поппера или «большое общество», и обличает «неясность», которую «распространение социалистических идей» привнесло в вопрос отношений между «государством и об-

⁴⁷ Grawitz M. *Lexique des sciences sociales*, Dalloz, 2' éd., 1983.

⁴⁸ Мадлен Гравитц — французский социолог (*прим. перев.*).

⁴⁹ R. Aron, *Les étapes de la pensée sociologique*, Gallimard, 1967, p. 174 ss.

ществом»⁵⁰. С другой стороны, Дж. Роулз, широко заимствующий терминологию философов — сторонников общественного договора, тоже отвергает выражение гражданское общество⁵¹. Что касается произведений популяризаторов неолиберальной мысли, особенно Г. Сормана и А. Лепаж⁵², мы напрасно будем искать в них дефиницию гражданского общества. И тот и другой предпочитают противопоставлять государство либо «рынку»⁵³, либо «свободному обществу»⁵⁴, терминам, которые, впрочем, для того чтобы прояснить что-либо, не являются более четкими, чем термин гражданское общество.

Невозможно обойтись без того, чтобы задать себе вопрос по поводу этого удивительного отсутствия понятия гражданское общество в современной либеральной мысли. Не похоже, что распространение марксистской терминологии является удовлетворительным объяснением умолчания либералами по отношению термина гражданское общество. Сами марксисты, разделившиеся между версией Маркса и Грамши, сегодня имеют тенденцию отказа от проблематики деления на государство и гражданское общество⁵⁵. Чтобы попытаться объяснить исчезновение термина гражданское общество, можно выдвинуть три гипотезы.

Отсутствие термина гражданское общество можно объяснить, во-первых, пересмотром проблематики, противопоставляющей государство гражданскому обществу. От проблемы отношений, исключения или дополнительности между гражданским обществом и государством проблема сместилась в сторону анализа отношений власти, пронизывающих как гражданское общество, так и государство. Отказываясь от теоретических дебатов о присущих гражданскому обществу и государству достоинствах, авторы задают себе сегодня воп-

⁵⁰ Droit, législation et liberté, t. 3, P.U.F., 1983, p. 167.

⁵¹ A theory of justice, Oxford University Press, 1972, p. 521.

⁵² Анри Лепаж — французский экономист, журналист, преподаватель. В последнее время работает в европейском парламенте (*прим. перев.*).

⁵³ H. Lepage, Demain le libéralisme, Le livre de poche, coll. "Pluriel", 1980 3-e, et 4-e parties.

⁵⁴ G. Soiman, La révolution conservatrice américaine, Fayatd, 1983, p.185.

⁵⁵ См.: J.-F. Corallo, "Etat-société civile" in G. Labica, Dictionnaire critique du marxisme, P.U.F., 1982.

рос о конкретных возможностях публичных или частных институтов эффективно отвечать запросам общественности. Однако эти соображения не свидетельствуют о настоящем разрыве с проблематикой отношений между государством и гражданским обществом, тем более, что они смещаются в более конкретную область.

Исчезновение термина гражданское общество может также объясняться возвращением к теме правового государства, приводящим к отказу от исходной иллюзии неполитического общества, созданной английской политической экономией XVIII века. Будучи обществом, регулируемым правом, современное общество не смогло бы быть обществом без государства. Это объяснение не слишком убедительно в той мере, в которой современные критики государства и в частности критики тоталитарного государства, рассматриваемого как систему, поглощающую гражданское общество и отрицающую его автономию, напротив, привели к возобновлению интереса к теме гражданского общества.

Тогда можно выдвинуть третью гипотезу: упадок, затем возрождение гражданского общества может быть объяснено перерождением (*mutation*) термина, который отныне, за пределами своей полисемии, не выполнял роль понятия, а функционировал как миф.

Б) Миф о гражданском обществе

Вместо того, чтобы повлечь исчезновение понятия гражданского общества, закат марксизма, наоборот, сопровождался новым приливом интереса к гражданскому обществу. Но о каком гражданском обществе идет речь? Понятие вновь появляется в речах политических деятелей, философов, экономистов и социологов. В политических речах гражданское общество предстает чаще всего как обратная сторона государства и все больше имеет тенденцию к наполнению положительным смыслом. Справа, как и слева, государственная идеология отступает, голлисты, похоже, отказались от мистичности государства, что касается М. Рокара⁵⁶, то он диагностирует

⁵⁶ Мишель Рокар — известный французский политик- социалист, руководил Объединенной социалистической партией; 1993–1994 был первым секретарём Социалистической партии. Франции. Государствен-

«идеологическое поражение левых государственников»⁵⁷. Со своей стороны, социологи объявляют нам о «возрождении гражданского общества» во Франции в различных формах: увеличение числа ассоциаций, децентрализация и размывание ответственности внутри социального тела, развитие сектора социальной экономики... В каком-то роде на смену государству благоденствия опекающему анемичное гражданское общество пришло бы на смену более общительное, способное к диалогу общество... «Гражданское общество, — полагают Ж.П. Гарнье⁵⁸ и Д. Гольдшмидт, — выйдет наконец из долгой летаргии, принудив отныне государство к обороне»⁵⁹. Это многообразное гражданское общество, скрывающее в себе неизведенное, украшено множеством достоинств: творческое начало, свобода, произвольность.

Нам представляется, что повышение престижности гражданского общества способствует созданию политического мифа в смысле, который Р. Барт⁶⁰ придавал этому слову⁶¹. Прежде, чем превратиться в понятие или идею, гражданское общество с самого начала отсылает к совокупности положительных ценностей: автономии, ответственности, принятию на себя самими индивидами их собственных проблем... Своей коллективной значимостью гражданское общество, казалось бы, ускользает от опасностей индивидуализма и подталкивает к солидарности, к самоорганизации. Своей гражданской значимостью оно взывает к освобождению от государственной опеки, но также от наиболее аффективных ценностей,

ный деятель: 1981–1985 министр планирования, затем министр сельского хозяйства, в 1988–1991 премьер-министр. С 1999 член Европарламента, до 2004 председатель комиссий по правам человека, иностранным делам, безопасности (*прим. перев.*).

⁵⁷ Le Monde, 5 oct. 1985.

⁵⁸ Жан-Пьер Гарнье — р. 1940, французский социолог, специалист по вопросам городского насилия (*прим. перев.*).

⁵⁹ Le Monde Diplomatique, février 1979.

⁶⁰ Ролан Жерар Барт (1915–1980) — французский литературный критик, философ постструктуралист, семиотик. Активно участвовал в создании Центра по изучению массовых коммуникаций (*прим. перев.*).

⁶¹ Для Р. Барта «миф — это система коммуникации... [он] может быть предметом, концептом или идеей; это способ обозначения... ценность», *Mythologies*, Seuil, 1970, pp. 193, 209 (*курсив автора*).

таких как задушевность, непринужденность в обращении... эти различающиеся ценности подталкивают к коллективному действию, делая набросок будущего общества одновременно более единого и автономного. Таким образом объясняется недавнее восстановление понятийной пары гражданское общество-государство: если гражданское общество в меньшей степени определяется собственным содержанием, чем своим отношением к государству, то потому, что ценности к которым оно обращается, мыслятся в отличие от ценностей которые объединяются вокруг термина «этатизм».

Символ сопротивления государству, миф гражданского общества объединяет, трансцендируя расхождение правых-левых, сторонников социальной автономии, так что она принимает форму свободной игры рынка или самоуправления. М. Рокар утверждает, что «перед лицом слишком этатистской концепции социальных изменений, самоуправленческий социализм делает очевидным важность переосмысление гражданского общества»⁶².

Современное употребление термина гражданское общество не столь безобидно. Далеко от того, чтобы быть чисто воображаемой, нереальной конструкцией, гражданское общество укореняется в совокупности представлений и ценностей, оставшихся в наследство от его истории. В этом качестве миф ни ложен, ни истин; его функция заключается в «превращении истории в природу»⁶³, то есть упрочивать и делать естественным достояние, оставленное ему историей. Таким образом, гражданское общество превращается в систему ценностей, глубоко укоренившихся в коллективных представлениях, которой приписывают долгу и богатую историю. Современные использования термина гражданское общество вновь отсылает к переосмыслению истории понятия. Возврат к классическим авторам позволяет оправдать использование термина, казалось бы, вышедшего из употребления. Приобретение «гражданским обществом» большей важности по сравнению с «государством» порождает мифическую реконструкцию его истории. Так же, как Сийес в 1789 году объяснял, что нация составляет «основу всего», так же и сегодня устанавливают логическое и хронологическое предшество-

⁶² Le Débat, n° 26, sept. 1983.

⁶³ R. Barthes, op. cit., p. 215.

вание гражданского общества по отношению к государству. Так, описывая «генезис светского государства», Г. Мере⁶⁴ объясняет нам, что термин «гражданское общество» обнаруживается у Марсилия Падуанского в XIV веке, таким образом, до возникновения понятия государства⁶⁵. С этих времен появляется тема, предвестница либерализма, автономного гражданского общества, основанного на товарном обмене. Эта интерпретация, стремящаяся укоренить либеральную концепцию гражданского общества в далеком прошлом, кажется нам, по крайней мере, дискуссионной по поводу автора, который как мы видели, не говорит о *societas civilis*, а о *civilitas*, которое он ассоциирует с *politia*, то есть с политически организованным обществом.

В том же смысле П.Ф. Моро⁶⁶ утверждает, что «именно у Мандевиля заканчивается конституирование гражданского общества как автономного объекта», отличного и отделенного от государства⁶⁷. Мандевиль, действительно, только дважды употребляет выражение «*civil society*» в *Басне о пчелах*, из которых единожды в смысле, позволяющем четко отличить его от государства. Что касается П. Розанвалона⁶⁸, он полагает, что «именно Адам Смит был первым, задолго до Гегеля, экономически понявшим гражданское общество» несмотря на то, что «он никогда не употребляет термин гражданское общество в произведении *Богатство наций*»⁶⁹. Марксистские авторы также осуществляют подобный возврат к классикам, чтобы отыскать отцов-создателей концепции гражданского

⁶⁴ Жерар Мере — р. 1943, французский философ, профессор философии в департаменте политической науки в университете Париж VIII (прим. перев.).

⁶⁵ F. Châtelet (dir.), *Histoire des idéologies*, Hachette, 1978, t. 2, pp.291 ss.

⁶⁶ Пьер-Франсуа Моро — современный французский философ, автор работы «Спиноза и вопрос об атеизме» (прим. перев.).

⁶⁷ F. Châtelet (dir.), *Histoire des idéologies*, Hachette, 1978, t. 3, p.27.

⁶⁸ Пьер Розанваллон — р. 1948, французский историк, основные его работы посвящены истории демократии и французской модели политики, а также роли государства, и проблеме социальной справедливости. С 2001 — заведующий кафедрой современной и новейшей истории в Коллеж де Франс. Автор книги «Утопический капитализм» (прим. перев.).

⁶⁹ Le capilalisme utopique, Seuil. 1979, p. 68.

общества. А. Коллетти⁷⁰ открывает у Руссо «предвосхищение» критики буржуазного гражданского общества, которую осуществит Маркс веком позже⁷¹. Такие разные ретроспективные прочтения не только деформируют, они способствуют также вскармливанию мифа о гражданском обществе, провозглашенном как одна из основ современности. Уже в XIX веке Маркс и Энгельс возвели гражданское общество в ранг «фундамента всей истории»⁷², придавая ему, таким образом, значение общего и универсального принципа объяснения истории. Сегодня гражданское общество имеет тенденцию превратиться в постоянную норму, от имени которой оценивают деятельность современных государств».

⁷⁰ Лючио Коллетти (1924–2001) — итальянский философ и политический деятель. Его творчество характерно постепенным переходом от марксизма к либерализму (*прим. перев.*).

⁷¹ *Le capitalisme utopique*, Seuil. 1979, p. 241.

⁷² *L'idéologie allemande*, p. 57.

СЫТИН А.Г.

Программа учебного курса
«Народ и власть
в зеркале политической философии»
(36 часов, XI семестр)

ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1. *Основное содержание и эволюция проблематики демократии в контексте развития политико-философской мысли*

Существо проблематики политических форм как способов организации политического управления обществом. Борьба за власть и управление обществом как два аспекта политики. Место проблематики политических форм в истории общественной мысли. Обновление и преемственность существа проблематики демократии в контексте эволюции политической и политико-философской мысли. Причины непреходящей актуальности смыслового ядра данной проблематики. Соотношение действий власти и чаяний народа как одна из ключевых проблем сферы политического. Непреходящее и исторически-конкретное в проблематике демократии. Характер исторической эволюции конкретных проблем, связанных с демократией. Эволюция представлений о свободе и равенстве, правах личности, прерогативах большинства и защите меньшинств.

Предмет, назначение и структура курса. Характеристика основных источников.

Тема 2. Становление и особенности осмысления проблематики демократии в античной общественной мысли

Формирование основной проблематики политических форм в античной общественной мысли к V веку до нашей эры. Причины особого внимания к этим проблемам в политической мысли Древней Греции и Древнего Рима. Сопоставление преимуществ и недостатков различных форм политической организации общества в «Истории» Геродота. Формирование концепта «демократия» в контексте совокупности понятий, характеризующих способ организации политической власти в обществе. Причины критического отношения большинства античных мыслителей к демократии как феномену политической жизни.

Доводы «за» и «против» демократии в устах Протагора и Сократа в диалоге Платона «Протагор», фундаментальное значение того и другого взглядов для политической мысли. Доводы Сократа против демократии в «Воспоминаниях» Ксенофонта. Понимание Платоном демократии как способа организации общества, лишённого реально действующих законов и должного управления. Идеи умеренной демократии в контексте идей политического равновесия, устойчивости и смешанного правления в политической мысли Полибия и Цицерона.

Идеи Аристотеля о высокоадаптивной и гибкой политической организации общества, о связи социальной структуры и политической организации, политики и «политики умеренности», о социальных и духовно-культурных основаниях политических форм, о необходимости специального воспитания граждан для поддержания демократической организации общества.

Тема 3. Возрождение и трансформация демократических идей в европейской политико-философской мысли позднего средневековья и Эпохи Возрождения

Господство монархической государственной организации и неактуальность проблематики демократии в общественной мысли раннего европейского средневековья.

Городские коммунны позднего средневековья, сословно-представительные собрания и возрождение дискуссий о демократии в европейской политической мысли XIII–XIV вв.

Демократия как «несправедливое правление многих» в концепции Фомы Аквинского. Правление многих в «достаточно большом городе» в концепции управления городом Бартоло ди Сассоферрато и возрождение демократических идей на уровне местного управления.

Эволюция дискуссий о соотношении полномочий церковной и светской властей от раннего к позднему средневековью в ее связи с вопросом о политических формах. Трактовка роли монарха как «вооруженной руки народа» и предвосхищение идей о народном суверенитете в концепции Марсилиа Падуанского. «Народное государство» и особенности понимания его суверенитета в концепции Жана Бодена. Боден о возможном различии природы государственной формы и характера осуществляемой в ее рамках политики.

Тема 4. Осмысление проблем абсолютизма и демократии в европейской общественной мысли раннего Нового времени

«Естественное право» и «общественный договор» как важнейшие теоретические конструкции, составляющие основу интерпретаций демократии в Новое время в европейской мысли. Идея «двух договоров» и ограниченной их условиями власти монарха у Ф. Дюплесси-Морне и французских монархотомов.

Передача прав народа суверену как средство прекращения «войны всех против всех» и критика идей представительства в концепции Т. Гоббса. Обоснование Гоббсом особой важности соблюдения установленных процедур для осуществления демократии. Критика принципиальных недостатков демократии. Тенденция к абсолютизму у Гоббса и «логика свободы» в произведениях Э. де ла Боэси, Дж. Мильтона, Б. Спинозы и Дж. Локка. Необходимость оставления гражданами после передачи власти суверену важнейших прав за собой и понимание свободы как цели государства и как власти разума в концепции Б. Спинозы. Основания демократического государства в трактовке Спинозы. Понимание Спинозой

демократии, основанной на свободе мысли и слова, как «лучшего способа управления».

Идея ограничения полномочий власти и разделения властей как средства к этому в концепции Дж. Локка. Локк о постоянном сохранении учредительных полномочий власти в руках народа и о возможности замены институтов власти, не выполняющих своих функций.

Тема 5. Генезис альтернативных моделей понимания демократии в европейской общественной мысли в век Просвещения

Особенности подходов к вопросу о роли и значении политических форм в эпоху Просвещения. Гельвеций об устройстве государства как фундаментальном основании общественной жизни.

Ш.-Л. Монтескье о добродетели как принципе республиканского правления и его «дополнительном двигателе». Принцип «демократической субсидиарности» в трактовке Монтескье. Обоснование принципиальной важности разделения властей в государстве. Различение «умеренного» и «крайнего» равенства как оснований демократии.

Ж.-Ж. Руссо о невозможности представительного правления и о демократии как осуществлении всеобщей «генеральной воли». Система отождествлений как основа идентитарной трактовки демократии.

Различение Дж. Мэдисоном «демократии» и «республики» и обоснование преимуществ представительного правления. Идеи о нормативном соотношении прямой и представительной демократии в концепциях Ш.-Л. Монтескье и Т. Джефферсона.

Т. Джефферсон о «праве народа на самоуправление», определяемом природой вещей. Трактовка Джефферсоном роли прямой демократии на низовом уровне и всеобщего образования для жизни государства.

Формирование оппозиционных друг другу «линии Локка» и «линии Руссо» в понимании существа демократии.

Тема 6. *Формирование традиций понимания демократии в контексте основных идеологических направлений XIX века*

К. Шмитт о XIX веке как времени «победного шествия» основных идей и ценностей демократии.

Формирование основных идеологий и идейно-политических течений в XIX веке. Складывание собственных интерпретаций смысла демократии в каждой из основных идеологических систем.

Генезис смыслового ядра концепций либеральной демократии в классическом либерализме. Б. Констан о различном понимании свободы в античности и в Новое время. Суверенитет народа в политической теории Б. Констана. Принципы демократического правления в трактовке Ф. Гизо. Б. Констан и Дж. Ст. Милль об организации представительного правления. Обоснование Дж. Ст. Миллем особой роли свободы слова для построения демократической организации общества. Милль о соединении власти большинства с уважением прав меньшинств и представлением их интересов.

А. де Токвиль принципиальных различиях между свободной демократией и деиократической тиранией, об опасностях приоритета равенства над свободой в демократии, возможности диктатуры общественного мнения над личной свободой и важности ассоциаций гражданского общества для смягчения возможного противостояния между государством и личностью. Формулирование максималистских требований к демократии в «Геттисбергском послании» А. Линкольна. Идеи Т. Грина о социально ответственном правительстве.

Классовый подход к анализу демократии и идеи о самоуправлении трудящихся в классическом марксизме.

Тема 7. *Критика ключевых идей и практики демократии в консервативной и анархистской политической мысли XIX века*

Критика идей и практики демократии как «механического» понимания государственной жизни в классическом консерватизме. Резюме европейской критики демократии в работах К.П. Победоносцева. Тенденция к органическому

пониманию государства и трактовка народа как совокупности прошлых, нынешнего и будущих поколений. Понимание демократии как «лжи», скрывающей реальную власть многих.

Критика либеральной представительной демократии в анархизме XIX века. Концентрированное выражение основных положений этой критики в работах П.А. Кропоткина. Трактовка выборов как обмана, представительной демократии как «власти индифферентных людей» и законов как «кристаллизации прошлого».

Тема 8. Развитие представлений о демократии в русском либерализме начала XX в. и политико-философской мысли русской послеоктябрьской эмиграции

Преодоление непримиримого критицизма по отношению к демократии в российском «новом либерализме» начала XX века. П.И. Новгородцев о «кризисе правосознания», общественном идеале и праве каждого на «достойное человеческое существование». Демократия как «распутье» и «система всеобщего релятивизма» в концепции Новгородцева. Идея о необходимости общих ценностей, лежащих за пределами самой демократии, для ее жизненной прочности. Критика демократии как идеи и практики Н.А. Бердяевым за индифферентизм по отношению к «качеству народной воли».

Е.Н. Трубецкой о преимуществах пути «эволюционного демократизма», альтернативного по отношению к крайностям и максимализму революции и реакции.

С.А. Котляревский о необходимых предпосылках реальной демократии. С.Л. Франк о философских предпосылках деспотизма и ценности демократии, основанной на принципах свободы.

Эволюция взглядов на демократию И.А. Ильина в контексте становления «органического понимания» государства и демократии. Разработка Ильиным концепции «творческой демократии» и необходимых для ее осуществления предпосылок.

Тема 9. *Обоснование и развитие идей «минималистской» либеральной демократии в западной политико-философской мысли XX века*

Эволюция идей либеральной демократии в XX веке под влиянием концепций «массового общества» и классического элитизма. Формирование редуccionистских концепций демократии в русле «демократического элитизма». Демократия как политическая конкуренция в концепции Й. Шумпетера. Понимание демократии как «институционального устройства». Критика Шумпетером основных положений «классической философии демократии», восходящей к идеям Руссо. Шумпетер о необходимых социальных предпосылках осуществления «демократического метода».

Механизм мирной смены власти как определяющая черта демократии в концепции К. Поппера. Минимизация участия граждан в политике как условие устойчивости демократической политической системы в концепции «гражданской культуры» Г. Алмонда и С. Вербы. Обоснование минимального общественного участия с позиций теории рационального выбора в концепции Э. Даунса. Полемика «элитистов» и «плюралистов» в контексте развития представлений о конкурентной либеральной демократии. «Процедурные» трактовки демократии в концепциях Н. Боббио и К. Оффе. Идеи «вертикальной демократии» Дж. Сартори. Защита принципов минималистской демократии в трудах А. Пшеворски.

Тема 10. *Идеи «полисферной» демократии и «демократии как образа жизни» в западной политико-философской мысли XX века*

Формирование холистических концепций демократии в первой половине XX века. Идеи Дж. Дьюи о невозможности сохранения реальной политической демократии при авторитарном строении структур повседневной жизни граждан. Дьювианская концепция демократии как образа жизни общества, основанного на самостоятельном этическом выборе граждан. Концепция воспитания граждан, способных строить жизнь общества на действительно демократических началах.

Генезис идей «индустриальной демократии» как распространения демократических принципов на структуры повседневной работы. Дж. Коул о принципах «функциональной демократии участия». Модели «соучастия в управлении» и «контроля над производством» как различные направления концепций «индустриальной демократии». Роль идей «самоуправления» студентов и трудящихся в событиях «Красного Мая» во Франции в 1968 г. Ограниченный характер практических опытов «самоуправления» в контексте рыночной системы.

Тема 11. *Плюралистическая интерпретация идей либеральной демократии в концепции «полиархии» Р. Даля*

Дискуссия по вопросам реального субъекта политического управления между «элитистами» и «плюралистами» в американской политической теории.

Вклад Р. Даля в развитие теории демократии. Концепция «полиархии» как своеобразный компромисс между минималистскими и максималистскими трактовками демократического политического процесса. Полиархия как «реально возможное». Причины становления плюралистической политической жизни по Р. Дालю. Принципиальные различия античной и современного политического процессов. Необходимые институты полиархии. Важность «внеконституционных» факторов как необходимых предпосылок осуществления полиархии.

Критерии демократического процесса в ходе подготовки и принятия управленческих решений в концепции Р. Даля.

Тема 12. *Развитие идей «демократии участия» и «самоуправления» в политико-философской мысли второй половины XX века*

«Демократия участия» как своеобразный синтез идей самоуправления, «полисферной демократии» и демократии как образа жизни во второй половине XX века. Причины актуализации идей участия в 60-е годы XX века.

Развитие идей «партиципаторной демократии». Идеи «холотехнодемократии» М. Бунге. Гендерные аспекты «демократии участия» в работах К. Пэйтмен. Идеи развития демократии «на уровне корней травы» в трудах Д. Мэтьюза. Основные черты радикальной «агонистической демократии» в работах Ш. Муфф. Преимущества общественного участия в концепциях Дж. Мэнсбридж, Ф. Грина, П. Бахраха. Обоснование необходимости общественного участия для формирования «здорового общества» в концепции Э. Фромма. Концепция «сильной демократии» Б. Барбера.

Развитие идей «самоуправления» в контексте кооперативной собственности на предприятия в концепции В. Белоцерковского.

Тема 13. Концепции оснований демократии, перехода к ней и ее консолидации в западной политической мысли второй половины XX века

Проблема необходимых предпосылок и условий демократии в западной политической мысли XX века. Связь ответов на вопрос о необходимых предпосылках демократии с характером представлений о ее сущности. Основные альтернативные взгляды на существо демократии в современной западной политической мысли. «Экологический» и «поведенческий» подходы к демократии. Проблематизация вопроса о необходимых предпосылках демократии в результате специальных исследований. С. Липсет об экономических и социальных предпосылках демократии. Д. Растоу о национальной идентичности как необходимом условии осуществления демократии. Выводы об опосредованном характере влияния экономических факторов на становление и поддержание демократии, а также о сложном и национально-специфическом характере системы факторов, благоприятствующих демократии, в исследованиях конца XX века.

Развитие концепций перехода к демократии в западных политологических исследованиях 1970–1990-х гг. С. Хантингтон о «третьей волне демократизации» в современном мире. Основные этапы (либерализация, демократизация, консолидация) и закономерности успешного демократического транзи-

та. Структурный и процедурный подходы в трактовке проблем перехода к демократии. Оценка результативности процесса перехода к демократии с помощью «индикатора демократии» Т. Ванханена. Недооценка роли культурных и цивилизационных факторов демократизации в значительной части транзитологических концепций. Т. Карозерс о «конце транзитологической парадигмы».

Тема 14. Новые концепции и модели демократии во второй половине XX в. Проблематика демократии в контексте развития средств манипулирования сознанием

Неприменимость «вестминстерской модели» конкурентной демократии в обществах со значительной степенью культурно-ценностной разделенности (plural societies). «Сегментарные» различия в обществе по Г. Экштейну.

Принципы принятия решений «по большинству» и «по консенсусу». Необходимость определенной степени общественного консенсуса для существования устойчивой демократии. Практическая невозможность осуществления «консенсусной» демократии («демократии вето») в чистом виде. Гипотеза о возможности особого типа демократии в «разделенных обществах». Анализ А. Лийпхартом систем управления в обществах подобного рода. Лийпхарт об основных принципах «демократии согласования» (consociational democracy). Сотрудничество элит как основа возможности и жизнеспособности подобной системы управления.

Идеи неконкурентной демократии в интерпретации Дж. Мэнсбридж. Концепции «делиберативной политики» и «делиберативной демократии»: коммуникативная интерпретация политического процесса и нормативный характер основных положений в работах Ю. Хабермаса, Й. Элстера, С. Бенхабиб. Идеи «делиберативной демократии» и эксперименты по выработке общественных предложений о предполагаемых решениях в небольших группах граждан, составленных по случайной выборке.

Тема 15. *Новые проблемы общественной жизни и идеи о развитии демократии на рубеже XX-XXI вв. Проблематика «электронной» и «транснациональной» демократии в современной политико-философской мысли*

Новые явления общественной жизни в конце XX века: глобализация, ослабление роли национальных государств, изменение структуры международных отношений, становление информационного общества. Противоречивое влияние этих процессов на состояние и перспективы демократии. Идеи «переосмысления демократии» в контексте новых политических реалий в работах И. Шапиро и Дж.Дж. Стура.

Становление однополярной системы международных отношений. Американские концепции глобального распространения демократии и реальность навязывания со стороны США своих интересов и ценностей народам других стран. Идеи «гегемонистской демократии» в работах З. Бжезинского. Осмысление возможностей и проблем «транснационализации демократии» в работах Д. Хэлда, Т. Мак-Грю и Р. Даля. Проблемы «нелиберальной демократии» в работах Ф. Закарии. Идеи «демократии множества» как альтернативы «глобализации по-американски» в работах М. Хардта и А. Негри.

Информационная революция и новые возможности для развития демократического политического процесса. Оживление идей прямой демократии на новой научно-технической основе. Концепции «электронной демократии», «теледемократии», «цифровой демократии»: абсолютизация технических возможностей, недооценка роли социальных и политических факторов. Проблематика демократии в контексте роли СМИ в современном политическом процессе в трудах Дж. Кина. Опасности присвоения чужой воли с помощью обработки общественного мнения и предложения по демократизации процесса формирования общественного мнения в концепции П.-И. Шереля.

Изучение роли различных факторов в процессе становления и развития демократии: возврат на новом уровне к вопросу о значении культуры. Р. Патнэм о роли традиций доверия и сотрудничества для поддержания демократии. Ги Эрмэ о задачах формирования гражданской культуры. Р. Инглхарт о зависимости возможностей выживания демократии от ценностных установок и убеждений граждан.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники, справочные издания

- Актон Дж. История свободы в античности // Полис. 1993. № 3.
- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
- Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подг. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996.
- Антология мировой политической мысли. В 5 т. / Руководитель проекта Г.Ю. Семигин. М., 2007.
- Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян. 3-е изд., испр. М., 2007.
- Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 4.
- Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Беллестрем К.Г. Предпосылки и пределы демократии // Вопросы философии. 1994. №№ 7-8.
- Валлерстайн И. Либерализм и демократия. Братья-враги // Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М, 2003.
- Вся политика: Хрестоматия; Учебник. М., 2006.
- Геродот. История в девяти книгах. М., 1993.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1991.
- Гуггенбергер Б. Теория демократии (Словарь политических понятий) // Полис. 1991. № 4.
- Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991.
- Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992.
- Даль Р. О демократии. М., 2000.
- Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000.
- Дьюи Дж. Творческая демократия — задача, которая стоит перед нами // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 2.
- Дьюи Дж. Этика демократии. Возрождающийся либерализм. Демократическое государство // Полис. 1994. № 3.
- Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
- Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М., 1993.
- Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001.

- Кок Х. Что такое демократия? Copenhagen; Herning; Систайм, 1993.
- Концепции и определения демократии: Антология / Ред.-сост. А.В. Фененко. М., 2006.
- Кропоткин П.А. Представительное правление // Кропоткин П.А. Речи бунтовщика (любое издание).
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.
- Лефор К. О современной демократии // Лефор К. Политические очерки (XIX-XX века). М., 2000.
- Липсет С.М., Кен-Рюн Сен, Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3.
- Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
- Манен Б. Принципы представительного правления. СПб., 2008.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. — М., 2002.
- Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.
- Миллер Э.Д. Шарлоттский проект: Как помочь гражданам взять демократию в свои руки. М., 1998.
- Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
- Милье Дж.Ст. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995.
- Милье Дж.Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
- Мораль в политике: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г. Капустина. М., 2004.
- Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.
- Мошер Р., Кенни Р., Гаррод Э. Воспитание гражданина: демократические школы. М., 1996.
- Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2.
- О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. №№ 1, 2-3.
- Ожье Ф. Суверенный гражданин: Обучение демократии. М., 1994.

- Основные элементы демократии: Сборник. СПб., 1993.
- Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.
- Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- Платон. Государство // Платон. Сочинения в трех томах. Том 3 Часть 1. М., 1971.
- Платон. Протагор // Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М., 1999.
- Политология: Хрестоматия / М.А. Василик. М., 1999.
- Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999.
- Победоносцев К.П. Демократия. Плоды демократии в начальной школе. Новая демократия. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.
- Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. 2. СПб., 1995.
- Поппер К. Демократия // Век XX и мир. 1994. № 1, 2.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. Т. 2.
- Пишеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
- Растои Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
- Российская политическая наука: В 5 т. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2008.
- Русская социально-политическая мысль X — начала XX века: Антология / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова: В 5 т., 4 кн. М., 2006.
- Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969.
- Сартори Дж. Размышления о демократии: негодное государство и негодная политика // Международный журнал социальных наук. 1991. № 2.
- Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2.
- Сен А. Значение демократии // Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. С. 169-182.
- Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957.
- Стаут Дж. Демократия и традиция. М., 2008.
- Стур Дж.Дж. Открывая демократию заново // Полис. 2003. № 5, 6.
- Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006.
- Тилли Ч. Демократия. М., 2007.

- Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1991.
- Турэн А. Что означает демократия сегодня? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1.
- Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994.
- Томас Джефферсон о демократии / Сост. Сол К. Падовер. СПб., 1992.
- Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джей. М., 1993.
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
- Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
- Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
- Хелд Д. Демократия, национальное государство и глобальная система // Современная политическая теория / Авт.-сост. Д. Хелд. М., 2001.
- Хэллоуэлл Дж.Х. Моральные основания демократии. М., 1993.
- Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994.
- Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис. 1992. № 1-2.
- Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4.
- Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. №№ 3-5.
- Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2005.
- Шерель П.-И. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений // Полис. 1993. № 6.
- Шмиттер Ф., Карл Т.А. Что есть демократия...и чем она не является // Диалог. 1993. № 2.
- Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Пределы власти. 1994. № 1.
- Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2.

- Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. М., 1995 (то же: М., 1997).
- Эпоха демократии: Переход к демократии на Востоке и Юге // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1.
- Эрмэ Г. Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1.

Учебники и учебные пособия

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
- Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004.
- Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000.
- Панарин А.С. Политология: Учебник. М., 2003.
- Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль и др. М., 2012.
- Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию М., 2008.
- Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002.
- Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии: Учебник для вузов. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2008.

Научные публикации

- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997, № 4.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2007.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
- Малинова О.Ю. Исследования политической культуры. М., 2002.
- Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
- Эрмэ Г. Культура и демократия. М., 1994.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антологии, хрестоматии

- Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма / Составитель А. Цветков. В 2-х тт. М., 2003.
- О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995.

Источники

- Алексеева Т. А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. № 1.
- Белоцерковский В. Самоуправление: будущее человечества или новая утопия? М., 1992.
- Бешлер Ж. Демократия: аналитический очерк. М., 1994.
- Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- Дебор Ги. Общество спектакля. — М.: Логос, 2000.
- Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: В 2-х т. М., 1992.
- Моисеев Н.Н. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1998.
- Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, etc., 1989.

Учебники и учебные пособия

- Мадатов А.С. Демократия: сущность и методологические проблемы исследования: Учебное пособие. М., 2000.

Научные публикации

- Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В. 13 теорий демократии. СПб., 2002.
- Васильева Н.А. Телематика и демократия: проблемы совместности в условиях западной цивилизации. СПб., 1994.
- Веффорт Ф.С. Что такое «новая демократия»? // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.
- Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997.
- Дэй Т., Зиглер Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984.

- Демократия и демократизация на рубеже веков / Отв. ред. Холодковский К.Г. М., 2000.
- Демократия в современном мире: сб. ст. / Сост., предисл. Я.А. Пляйс, А.Б. Шатилов. М., 2009.
- Инглхарт Р., Велцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М, 2011.
- Каменская Г.В. Генезис идей демократии // Социологические исследования. 1994. № 4.
- Ковлер А.И., Смирнов В.В. Демократия и участие в политике. Критические очерки истории и теории. М., 1986.
- Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. М., 1990.
- Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997.
- Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского просвещения (1689–1714 гг.). М., 1995.
- Лапицкий М.И. К свободной демократии или к демократической тирании? М., 2003.
- Лобер В.Л. Демократия: от зарождения идеи до современности. М., 1991.
- Мельвиль А.Ю. Демократизация как глобальная тенденция. М., 1997.
- Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- Нойхауз Н. Ценности христианской демократии. М., 2005.
- Панарин А.С. Исторические судьбы демократии // Панарин А.С. Политология. Учебник. Изд. 2-е. М., 1999.
- Панарин А.С. Почему народ «мешает» либеральной демократии // Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006.
- Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М., 2004.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- Пособие по демократии: функционирование демократического государства на примере Швейцарии. М., 1994.
- Проблемы демократии в политической мысли XX столетия / Пробл.-темат. сб. М., 1999.
- Пугачев В.П. Управление свободой. М., 2005.
- Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002.
- Салмин А. Современная демократия: очерки становления. Изд.2-е. М., 1997.

- Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995.
- Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
- Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999.
- Синкотт Х. Что такое демократия? Вашингтон, 1991.
- Стаут Дж. Демократия и традиция. М., 2009.
- Уолцер М. О терпимости. М., 2009.
- Фадеев Д. От авторитаризма к демократии: закономерности переходного периода // Полис. 1992. № 1-2.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- Хэллоуэлл Дж. Моральные основания демократии. М., 1993.
- Цитрин П.С. Западная демократия: основы стабильности. Научно-аналитический обзор. М., 1990.
- Чугуенко В.М. Производство, демократия, идеологическая борьба (критический анализ буржуазной концепции «индустриальной демократии»). М., 1976.
- Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.
- Шапиро И. Моральные основания политики. Учебное пособие. М., 2004.
- Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2003
- Якобсон А. Разговор о демократии: от Протагора до 19 декабря // Новый мир. 1999. № 12.
- Diamond L. (ed.) Political Culture & Democracy in Developing Countries. Boulder, London, 1994.

Интернет-ресурсы

- Национальная политическая энциклопедия: <http://www.politike.ru/>
- Политика и политология в Интернете: <http://www.nauki-online.ru/o-politike-i-politologii>
- Федеральный портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование»: <http://www.centerstart.ru/node/869>
- Портал «Политология online»: <http://online-studies.ru/tag/politologiya/>
- Электронная библиотека по политологии: <http://gumer.info>
- Политология. Словарь терминов: <http://www.ido.rudn.ru/ffec/polit/gloss.html>

МОЩЕЛКОВ Е.Н.

Программа учебного курса
«Конституционализм в России: исторические,
философские и политико-правовые аспекты»
(18 часов, XI семестр)

ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1. *Конституционный вопрос: сущность, основные характеристики, их реализация в конституциях США, Франции и Польши конца XVIII века*

Понятие «конституция». Содержание и соотношение понятий «конституционализм», «конституционный вопрос», «конституционное государство». Теория естественного права как философская основа для конституций конца XVIII — начала XIX в. Государственно-правовые принципы и конструкции, вытекающие из естественного права. Структура и основные разделы (параграфы) первых писаных конституций в США (1787), Франции и Польши (1791): сравнительный анализ.

Тема 2. *Конституционные идеи и проекты в политико-правовой мысли России XVIII века*

Предпосылки конституционных идей в России в начале XVIII в. Конституционные идеи в сочинении И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (1724). Проекты ограничения самодержавной власти в кондициях Анны Иоанновны и записках В.Н. Татищева (1730). Два конституционных про-

екта Панина (1762; 1782). «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» С.Е. Десницкого (1768). Конституционный проект для России в романе-утопии М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» (1784). Общие характеристики и цели конституционных проектов XVIII века. Сущность олигархического (аристократического) конституционализма.

*Тема 3. Конституционная концепция и проекты
М. Сперанского и Государственная
Уставная грамота Российской империи*

Концептуальные основания проектов М.М. Сперанского. Проекты государственных преобразований М.М. Сперанского (записки 1802, 1809 и 1811 гг.): что воплотилось в действительности, что осталось на бумаге? Модель октроированного (правительственного) конституционализма. М.М. Сперанский и Н.М. Карамзин: представители двух политико-идеологических проектов развития России.

Конституция Польши 1815 г. и Государственная уставная грамота Российской империи (1819–1820): сравнительный анализ текстов и факты политической истории. Основные положения Уставной грамоты (форма государственного правления, административно-территориальное деление, функции императора, система государственного управления, народное представительство, права граждан, судебная система). Государственная уставная грамота Российской империи и проекты Сперанского: преемственность или конфликт подходов? Почему конституционные проекты Александра I потерпели неудачу?

Тема 4. Конституционные проекты декабристов

«Русская правда» П. Пестеля и Конституция Никиты Муравьева: сравнительный анализ. Идея переходного периода и переходной диктатуры. Конституция Никиты Муравьева: заимствования из зарубежных конституционных документов (Конституция Франции 1791 г. и Конституция Испании 1812 г.).

Кем были декабристы: истинными борцами за народные интересы, идеалистами-романтиками, революционными фанатиками или стяжателями власти?

*Тема 5. Проекты земской (народной) монархии
и конституционные проекты
российских либералов*

Земское (1864) и городское (1870) самоуправление как зародыши конституционных учреждений в России. «Земский союз» (1878–1883). В.А. Гольцев. Политические и конституционные идеи земского движения 70–90-х гг. XIX века. Идея «достройки» земской системы снизу («всесословная волость») доверху (Всероссийский земский съезд и Всероссийская земская управа). Проект «народного самодержавия» Р.А. Фадеева. Могло ли земство стать основой конституционной демократизации России в конце XIX в.?

Либеральный (земский) конституционализм начала XX века: исходная теоретическая база (теория естественного права и общественного договора). Проект Союза Освобождения (П.Б. Струве) и дискуссии по данному проекту на первых двух съездах земских деятелей (ноябрь 1904; апрель 1905). Позиция Д.Н. Шипова («мнение меньшинства»). Компромиссный проект С.А. Муромцева (июль 1905). Конституционная модель дуалистической монархии С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кокошина. Конституционное право как научная и образовательная дисциплина в России (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский и др.).

*Тема 6. Конституционная система Думской монархии
и конституционные идеи и проекты
в программах российских политических партий
1905–1917 гг. и документах Предпарламента*

Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы Российской империи 1906 г. — первые конституционные документы в России. «Треугольник Вебера» (1906): корона — парламент — бюрократия и российские реалии. Государственная Дума России 1906–1917 гг.: полноценный парламент или бес-

правное учреждение самодержавной монархии? Борьба партий и фракций в Государственной Думе по политическим вопросам. Могла ли думская монархия трансформироваться в полноценное конституционное государство?

Место и роль конституционных идей в программах политических партий. Совокупная картина основных ориентиров политического спектра 1905–1917 гг. в вопросе о будущем российской государственности: уничтожение самодержавия и установление демократической республики (левые, левый центр); парламентская или президентская республика со всеобщим избирательным правом (центр); монархия, ограниченная законосовещательной Думой, избранной по сословному принципу (правый центр); неизбежность самодержавной православной монархии (правые). Конституционные идеи и проекты в документах Предпарламента. Реально ли было создание в России в 1917 г. устойчивой и эффективной системы многопартийной парламентской демократии?

*Тема 7. Мировая практика конституционализма
и российские конституционные проекты
(XIX — начало XX в.):
сравнительные характеристики*

Исторические циклы европейского конституционализма и проекты конституций в России (XIX век). Первый цикл — проекты М.М. Сперанского, Государственная Уставная грамота Российской империи, проекты декабристов и Конституции Швеции (1809), Норвегии (1814), Испании (1815). Второй цикл — проекты преобразований государственной системы периода «Великих реформ» и Конституции Греции (1864), Австро-Венгрии (1867), Германской империи (1871), Швейцарии (1874). Третий цикл — конституционные идеи и практика периода Думской монархии и развитие конституционных государств Западной Европы, Конституция Японской монархии (1889). Влияние зарубежного конституционализма и самобытность российской конституционной и общественной мысли.

Тема 8. Конституция Российской Федерации 1993 года
(с поправками 2008 г.) в контексте мирового
и отечественного опыта конституционализма

Основные положения Конституции Российской Федерации 1993 г. Реализация в Конституции основных идей мировой конституционной мысли: политические и гражданские права человека и гражданина, правовое государство, принцип разделения властей, сменяемость власти, всеобщее избирательное право, многопартийность и идеологический плюрализм, принципы местного самоуправления и федерализма и др. Поправки 2008 г. и вектор политического развития современного российского государства. Конституция РФ 1993 г. и конституции ведущих мировых держав: сравнительный анализ.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997.
Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999.
Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. Сб. документов. М., 2000.
Политическая история России: Хрестоматия / Сост. В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Моцелков. М., 1996.
Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сб. документов. М., 2001.
Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. / Отв. ред. С. Бертосси, А.Д. Сахаров. М., 2000.
Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

Литература

- Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999.
Бурдукова И.И. Становление и развитие конституционных идей в России. СПб., 1996.
Ильин И.А. История государства и права России. М., 1993.

- Исаев И.А., Золотухина Н.М.* История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 2003.
- История государственного управления России / Под общ. ред. В.Г. Игнатова. Изд. 2-е, доп. Ростов-на-Дону, 2002 // www.i-u.ru.
- Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.
- Медушевский А.Н.* Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX — начала XX в.в. М., 2011.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.

Дополнительная литература

- Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1983–1994.
- Сборники материалов и документов политических партий России конца XIX — первой трети XX века. (1996–2008 гг., издательство РОССПЭН).
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
- Медушевский А.Н.* Российская Конституция 1993 года в сравнительно-историческом контексте // Отечественная история. 2008. № 6.

Сведения об авторах

- БОЙЦОВА**
Ольга Юрьевна доктор политических наук, профессор, зам. зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- ГИРЕНОК**
Федор Иванович доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- КОЧЕТКОВ**
Александр Павлович доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президент Российской Ассоциации политической науки
- КРЖЕВОВ**
Владимир Сергеевич кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- МОЩЕЛКОВ**
Евгений Николаевич доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- НИЖНИКОВ**
Сергей Анатольевич доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
- РАСТОРГУЕВ**
Валерий Николаевич доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

- СОЛОВЬЕВ**
Алексей Васильевич кандидат философских наук, доцент, зам. зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- СЫТИН**
Андрей Георгиевич кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- ФИЛИПЕНКО**
Евгений Валерьевич аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- ШАМШУРИН**
Виктор Иванович доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- ШЕВЧЕНКО**
Владимир Николаевич доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН